

ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ II
И ЕГО СЕМЬЯ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ II И ЕГО СЕМЬЯ

(ПЕТЕРГОФЪ, СЕНТЯБРЬ 1905—ЕКАТЕРИН-
БУРГЪ, МАЙ 1918 г.)

ПО ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНИЯМЪ
П. ЖИЛЬЯРА

бывшаго наставника Наслѣдника
Цесаревича Алексѣя Николаевича

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
С. Д. САЗОНОВА
бывшаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ

ЕДИНСТВЕННОЕ ПОЛНОЕ РАЗРѢШЕННОЕ АВТОРОМЪ
РУССКОЕ ИЗДАНІЕ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУСЬ“
ВѢНА
1921

Северо-Казахстанская област-
ная библиотека
город Петропавловск

493463

ОТЪ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА „РУСЬ“

Настоящая книга является единственнымъ полнымъ разрѣшенымъ авторомъ русскимъ изданіемъ.

Мы сознательно измѣнили текстъ заглавія, принятаго авторомъ: „Трагическая судьба Николая II и его семьи“, дабы это изданіе не смѣшили, по недоразумѣнію, съ появившимися ранѣе безъ разрѣшенія автора двумя другими переводами его статей, помѣщавшихся во французскомъ журналь „Illustration“. Какъ видно изъ предисловія автора, эти статьи, расширенныя и дополненныя, вошли въ содержаніе послѣднихъ главъ настоящей книги, заключающей въ себѣ, кромѣ того, воспоминанія Г. Жильяра за 13 лѣтъ пребыванія его при Дворѣ, въ качествѣ Наставника Царскихъ дѣтей.

Считаемъ долгомъ выразить искреннюю благодарность С. Д. Сазонову, согласившемуся предпослать этой книгѣ нѣсколько страницъ своихъ личныхъ воспоминаній, и генералу Е. К. Миллеру, любезно сообщившему намъ подлинный текстъ акта отреченія отъ престола Императора Николая II и прощального слова его войскамъ.

Nicolas

1916

Императоръ Николай II.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мнѣ неоднократно приходилось встрѣчаться съ авторомъ прекрасной книги, появляющейся нынѣ въ переводѣ на русскій языкъ. Въ ней близкимъ очевидцемъ передается, просто и правдиво, разсказъ о семейной жизни трагически погибшей Царской семьи и скорбная повѣсть о ея судьбахъ съ начала русской революціи вплоть до мученической кончины всѣхъ ея членовъ.

Едва ли могъ бы кто либо иной изъ лицъ, близко стоявшихъ къ Царской семье, дать намъ съ большимъ правомъ на наше вниманіе и довѣріе эту книгу, какъ не иностранецъ, чуждый одинаково партійности, заѣдающей нашу жизнь, и соображеній честолюбія или личной выгоды, скромно исполнявшій свой долгъ преподавателя Царскихъ дѣтей и жившій въ ближайшемъ соприкосновеніи съ семьей Государя, не внѣшней, показной, а внутренней, будничной ея жизнью.

Наблюдательность и живой человѣческій интересъ, которые г-нъ Жильяръ вносилъ въ исполненіе принятыхъ на себя обязанностей, дали ему возможность всесторонне ознакомиться съ чрезвычайно замкнутымъ строемъ жизни семьи, ревниво оберегавшой свое семейное святилище не только отъ всякихъ посягательствъ извнѣ, но даже отъ нескромнаго взора.

Мои встрѣчи съ Жильяромъ начались, сколько я помню, въ Ливадіи, куда я ъездилъ для доклада Государю во время пребыванія тамъ Двора и гдѣ я обыкновенно проводилъ нѣкоторое время. Въ Крыму Царская семья жила гораздо свободнѣе, чѣмъ въ Царскомъ Селѣ или Петергофѣ. Этимъ, въ значительной степени, объясняется любовь къ Ливадіи всѣхъ ея членовъ.

Тамъ создавалась для нихъ возможность болѣе свободныхъ передвиженій и встрѣчъ съ людьми иными, кромѣ тѣхъ, которые постоянно исполняли при нихъ какія нибудь служебныя обязанности, словомъ, — расширялись ихъ горизонты. По выраженію одной изъ Великихъ Княженъ, въ Крыму была жизнь, а въ Петербургѣ — служба.

Когда началась война, и поѣздки въ Крымъ прекратились, мнѣ пришлосьѣздить сперва въ Ставку Великаго Князя Николая Николаевича, когда онъ стоялъ во главѣ арміи, причемъ обыкновенно мои поѣздки въ Барановичи совпадали съ пребываніемъ тамъ Государя, а затѣмъ, послѣ принятія имъ на себя обязанностей Главнокомандующаго, яѣздилъ въ Могилевъ, куда была перенесена Главная Квартира. Когда, что случалось часто, Наслѣдникъ гостила у своего отца, его неизмѣнно сопровождалъ Жильяръ, и въ этихъ случаяхъ мнѣ приходилось видеть ихъ обоихъ.

Изъ этихъ поѣздокъ въ Могилевъ мнѣ особенно памятна одна, та, которую я совершилъ въ концѣ июня 1916 года.

Война, казалось, затягивалась на безконечное время. Нѣмцы сильно тѣснили на западномъ фронтѣ нашихъ союзниковъ, Польша уже болѣе полугода была во власти враговъ, и на нась тяжело отзывался, нравственно и материально, недостатокъ вооруженія и боевыхъ запасовъ. Воодушевленіе и вѣра въ успѣхъ, ознаменовавшія первую стадію войны, начинали уступать мѣсто раздраженію и сомнѣніямъ. Соответственно съ этимъ и внутреннее положеніе страны становилось все болѣе смутнымъ, благодаря рѣзко обнаруживавшемуся расколу между правительственной властью и общественнымъ мнѣніемъ.

И въ Царской Ставкѣ ощущался гнетъ тяготѣвшихъ надъ Россіей событій. Лица, окружавшія Государя, разспрашивали подробно людей случайныхъ, какъ я, о петроградскихъ слухахъ и настроеніяхъ и отвѣчали, въ свою очередь, на наши вопросы о положеніи вещей на разныхъ фронтахъ.

У Государя былъ тотъ сосредоточенный видъ, который я замѣчалъ у него со времени объявленія войны и безъ котораго я уже его не видѣлъ вплоть до послѣдняго нашего свиданія, за мѣсяцъ до начала революціи. Искать тому причинъ не приходилось. Ихъ было множество, и онъ были для всѣхъ очевидны. Постоянное напряженіе нервовъ и тревога о ходѣ военныхъ дѣйствій отозвались на немъ и физически. Онъ сильно похудѣлъ, и на вискахъ и въ бородѣ появились въ большомъ количествѣ сѣдые волосы. Оставались погрѣжнему привѣтливый взоръ прекрасныхъ, унаслѣдованныхъ отъ матери глазъ и добрая улыбка, хотя она и стала появляться гораздо рѣже.

Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ онъ былъ тѣмъ же, какимъ былъ всегда, со всѣми привлекательными чертами и нѣкоторыми недочетами его типично русского характера. Только присущее ему съ ранняго дѣтства глубокое религіозное чувство стало, какъ будто, еще интенсивнѣе. Глядя на него у церковныхъ службъ, во время которыхъ онъ никогда не поворачивалъ головы, я не могъ отдѣлаться отъ мысли, что такъ молятся люди; извѣршившіеся въ помощи людской и мало надѣющіеся на собствѣнныя силы, а ждуши указаній и помощи только свыше. Въ его душѣ къ горячей и искренней вѣрѣ примѣшивалось, страннымъ образомъ, какое то чувство безнадежности, въ чёмъ онъ самъ сознавался, называя себя фаталистомъ. Изъ факта совпаденія дня его рождения съ празднованіемъ церковной памяти Іова Многострадальнаго онъ выводилъ

заключеніе, что жизнь его будетъ богата скорбными событіями, и какъ будто постоянно ожидалъ ихъ наступленія. Этому предчувствію, къ несчастью, было суждено сбыться съ ужасающей полнотой.

Что бы ни происходило въ душѣ Государя, онъ никогда не мѣнялся въ своихъ отношеніяхъ къ окружавшимъ его лицамъ. Мне пришлось видѣть его близко въ минуту страшной тревоги за жизнь единственного сына, на которомъ сосредоточивалась вся его нѣжность, и кромъ нѣкоторой молчаливости и еще большейдержанности, въ немъ ничѣмъ не сказывались пережитыя имъ страданія. Это было осенью 1912-го года, въ Спалѣ, куда я выѣхалъ, по его приказанію, для доклада о моемъ путешествіи въ Англію и во Францію и о свиданіяхъ моихъ съ тамошними государственными дѣятелями. Я нашелъ Царскую семью въ полномъ сборѣ. Первые же мои впечатлѣнія ясно указывали на то, что видѣнныя мной въ заграничной печати извѣстія о болѣзни Цесаревича были не только не преувеличены, но давали далеко не полную картину серьезности его положенія. Между тѣмъ, по внѣшности, все шло какъ будто обычнымъ чередомъ. На ежедневныхъ завтракахъ и обѣдахъ появлялись Государь и Великія Княжны, отсутствовала только Императрица, не отходившая ни на минуту отъ постели больного сына.

Государь принялъ отъ меня нѣсколько докладовъ, подробно говорилъ со мной о дѣлахъ и съ интересомъ разспрашивалъ меня объ англійской королевской семье, съ которой онъ былъ, изъ всѣхъ своихъ родственниковъ, въ наиболѣе близкихъ отношеніяхъ. А между тѣмъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его кабинета, лежалъ присмерти его сынъ, вымоленный у Бога матерью своей,

Наслѣдникъ Русскаго Престола, за жизнь котораго онъ отдалъ бы свою.

На третій день моего пребыванія въ Спалѣ я узналъ отъ пользавшихъ Наслѣдника врачей, что на выздоровленіе больного было мало надежды. Мнѣ надо было возвращаться въ Петроградъ. Откланиваясь Государю передъ отъездомъ, я спросилъ его о состояніи Цесаревича. Онъ отвѣтилъ мнѣ тихимъ, но спокойнымъ голосомъ: „надѣемся на Бога“. Въ этихъ словахъ не было ни тѣни условности или фальши. Они звучали просто и правдиво.

Сдержанность и самообладаніе Императора Николая были хорошо известны и составляли предметъ удивленія всѣхъ, кто имѣлъ случай наблюдать ихъ. Это были уже не черты національного характера, а качества, выработанныя, вѣроятно, упорнымъ и долгимъ трудомъ его разума и воли.

Какъ то разъ мнѣ пришлось говорить съ Государемъ обѣ одномъ изъ бывшихъ его министровъ, котораго онъ не любилъ по многимъ и хорошо известнымъ мнѣ причинамъ и который, съ своей стороны, старался вредить ему всѣми силами въ общественномъ мнѣніи. Слыша его сужденіе обѣ этомъ, въ нравственномъ отношеніи мало привлекательномъ человѣкѣ, я выразилъ ему мое удивленіе по поводу того, что въ его оцѣнкѣ не звучала совершенно нота личнаго раздраженія, столь понятнаго въ данномъ случаѣ. На это Государь отвѣтилъ мнѣ слѣдующими словами, живо сохранившимися въ моей памяти: „Эту струну личнаго раздраженія мнѣ удалось уже давно заставить въ себѣ совершенно замолкнуть. Раздражительностью ничему не поможешь, да къ тому же отъ меня рѣзкое слово звучало бы обиднѣе, чѣмъ отъ кого нибудь другого“. Какъ глубоко онъ былъ правъ и сколько доброты лежало въ основаніи этого замѣчанія!

За семь почти лѣтъ моей совмѣстной съ нимъ работы мнѣ приходилось поневолѣ говорить ему иногда вещи, которые были ему непріятны и шли наперекоръ установившимся его привычкамъ и взглядамъ. Тѣмъ не менѣе, за все это время, онъ ни разу не выразилъ своего несогласія со мной въ формѣ, обидной для моего самолюбія. Нерѣдко онъ уступалъ мнѣ, въ другихъ же случаяхъ я видѣлъ по его молчанію, что мнѣ не удалось убѣдить его въ правотѣ моего мнѣнія. Противъ этой непреодолимой, хотя и самой кроткой формы протеста, я, очевидно, бывалъ безсиленъ.

Въ тяжелые дни, предшествовавшіе объявленію намъ Германіей войны, когда всѣмъ уже было совершенно ясно, что въ Берлинѣ было рѣшено поддержать всею германской мощью притязанія Австріи на господство надъ Балканами и что намъ, несмотря на все наше миролюбіе, не избѣжать войны, мнѣ привелось узнать Государя со стороны, которая, при нормальному течениі политическихъ событий, оставалась мнѣ мало извѣстной.

Я говорю о проявленномъ имъ тогда глубокомъ сознаніи его нравственной отвѣтственности за судьбы Родины и за жизнь безчисленныхъ его подданныхъ, которымъ европейская война грозила гибеллю. Этимъ сознаніемъ онъ былъ проникнутъ весь, и имъ опредѣлялось его состояніе передъ началомъ военныхъ дѣствій.

Помимо всѣхъ усилий русской дипломатіи найти способъ предотвратить надвигающуюся на человѣчество катастрофу путемъ примирительныхъ переговоровъ и посредничества, Государь взять на себя починъ настоящихъ попытокъ личнымъ своимъ вліяніемъ побудить императора Вильгельма удержать своего союзника отъ непоправимаго шага. Онъ не былъ увѣренъ въ успѣхѣ

своихъ стараний, но совѣсть его ихъ ему предписывала и онъ повиновался ея голосу.

Онъ долгое время не хотѣлъ произнести рѣшающее слово, необходимое для приведенія русскихъ военныхъ силъ на степень подготовленности, вызываемую открытой мобилизацией Австро-Венгрии и скрытыми подготовительными мѣрами Германіи. Колебанія эти были поставлены Государю въ вину и истолковывались, какъ проявленіе присущей ему нерѣшительности.

Люди, близко видѣвшіе его въ эти роковыя минуты, не согласятся съ подобной оцѣнкой. Она фактически невѣрна и несправедлива по отношенію къ нему, какъ къ Правителю и человѣку.

Мой послѣдній докладъ Государю въ качествѣ ministra иностранныхъ дѣлъ пришелся на Петровъ день. Это было въ упомянутый уже мною прѣездъ мой въ Ставку, въ Могилевъ. Передъ завтракомъ въ губернаторскомъ домѣ, гдѣ жилъ Государь, и въ ожиданіи его появленія, я провелъ некоторое время въ разговорѣ съ Наслѣдникомъ, который началъ его съ того, что спросилъ меня, поздравилъ ли я уже г-на Жильяра. На мой вопросъ: съ чѣмъ, онъ отвѣтилъ: „Развѣ вы не знаете, что сегодня Петровъ день и что моего учителя зовутъ Пьеръ?“ Я обѣщалъ ему исправить эту оплошность, какъ скоро увижу Жильяра. Вслѣдъ за тѣмъ Наслѣдникъ показалъ мнѣ приготовленный имъ для него подарокъ — портсигаръ съ подобающей случаю надписью. Онъ былъ необыкновенно привлекательный мальчикъ съ умнымъ и открытымъ выражениемъ тонкаго лица, на которомъ были замѣтны слѣды физическихъ страданій. Дни, которые онъ проводилъ въ Могилевѣ у своего отца, къ которому онъ питалъ глубокую привязанность, были счастливѣйшимъ для него временемъ, и онъ не скрывалъ своего огорченія, когда

надо было возвращаться домой, подъ женское вліяніе, въ полузватворническую атмосферу Царскаго Села и Петергофа.

Втеченіе дня я имѣлъ случай говорить съ Жильяромъ о его воспитанникѣ, о которомъ онъ отзывался съ большой теплотой. Не скрывая многихъ дѣтскихъ недостатковъ, онъ находилъ у него немало добрыхъ качествъ и, прежде всего, горячее сердце, отзывчивое къ чужому горю.

На другое утро я выѣхалъ обратно въ Петроградъ и съ тѣхъ порь не видѣлъ болѣе Наслѣдника.

Въ предисловіе къ книгѣ, не касающейся общественной стороны жизни Царской семьи, а дающей лишь картину ея тѣснаго семейнаго быта, было бы неумѣстно вводить какую либо иную оцѣнку, а тѣмъ болѣе критику. Какъ бы то ни было, отчасти по личнымъ воспоминаніямъ и еще болѣе подъ вліяніемъ книги г-на Жильяра, при чтеніи которой болѣзнико сожмется самое черствое сердце, мнѣ хочется сказать тѣмъ, чыи сужденіе и злопамятство не обезоружены до сихъ порь страшной драмой 16-го юля, что какъ бы горьки ни были плоды ошибокъ Царской четы, ошибки эти были смыты кровью ея самой и неповинныхъ въ нихъ дѣтей ея. Государь и семья его несли свой крестъ съ глубокимъ христіанскимъ смиреніемъ и простотой и не далеко, можетъ быть, то время, когда русскій народъ увидитъ въ погибшей Царской четѣ не враговъ своихъ, а вѣнчанныхъ мучениковъ.

С. САЗОНОВЪ.

Франценсбадъ, 23 августа 1921 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

Въ сентябрѣ 1920 года, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Сибири, мнѣ удалось, наконецъ, возвратиться въ Европу. Я сохранилъ живое воспоминаніе о потрясающей драмѣ, въ которой былъ близко замѣшанъ, вмѣстѣ съ неизгладимымъ впечатлѣніемъ поразительного душевнаго спокойствія и горячей вѣры жертвъ этой драмы.

Лишенній втеченіе долгихъ мѣсяцевъ всякаго общенія съ остальнымъ міромъ, я былъ въ невѣдѣніи относительно всего, что недавно появилось въ печати объ Императорѣ Николаѣ II и его близкихъ. Я не замедлилъ убѣдиться въ томъ, что если нѣкоторая изъ этихъ работъ носятъ печать искренней заботы о точности и стремленія опереться на достовѣрные источники, — хотя свѣдѣнія, сообщаемыя ими, часто ошибочны и неполны въ томъ, что относится до Царской семьи, — за то большинство остальной литературы представляеть сплошной вымыселъ, въ которомъ переплетаются ложь и нелѣпости, словомъ, что это литература низшаго разбора, прибѣгающая къ самой недостойной клеветѣ*). Ознакомившись съ нѣкоторыми образчиками такихъ произведеній, я былъ возмущенъ; мое негодованіе возрасло,

*.) Чтобы показать цѣну подобныхъ писаній, достаточно отмѣтить, что въ одной изъ такихъ книгъ, где весь разсказъ основанъ на подлинномъ, провѣренномъ показаніи очевидца Екатеринбургской драмы, можно прочесть описание моей смерти. Все остальное въ томъ же родѣ.

Тѣмъ, кто хотѣлъ бы освѣдомиться о концѣ царствованія Николая II, я совѣтую прочесть замѣчательную статью г. Палеолога, французскаго посла въ Петроградѣ, появившуюся въ *Revue des deux Mondes* (съ января 1921 г.).

когда, къ своему изумлению, я увидѣлъ, что они встрѣчаютъ довѣріе въ широкихъ кругахъ. Реабилитація нравственного облика русской Царской семьи становилась моимъ долгомъ; требовалось исполнить дѣло правды и справедливости. Я тотчасъ рѣшилъ попытать его. Таково было происхожденіе статей, напечатанныхъ мною въ началѣ года въ Illustration*); статьи эти, передѣланныя и дополненныя, вошли въ составъ нѣсколькихъ главъ настоящей работы.

Я попытаюсь описать здѣсь драму цѣлой жизни такъ, какъ вначалѣ я лишь предчувствовалъ ее подъ блестящей внѣшностью пышного двора, и какъ она представала предо мной впослѣдствіи, во время нашего заключенія, когда обстоятельства позволили мнѣ проникнуть въ интимную жизнь Царской семьи. Въ самомъ дѣлѣ, Екатеринбургское преступленіе есть лишь завершеніе жестокой судьбы, развязка одной изъ самыхъ волнующихъ трагедій, какія были когда либо пережиты. Я хочу попытаться на послѣдующихъ страницахъ показать ея существо и воспроизвести ея тяжелые этапы.

Мало кто подозрѣвалъ эту скрытую драму; она имѣеться, однако, съ исторической точки зрѣнія, первостепенное значеніе. Болѣзнь Великаго Князя Наслѣдника господствуетъ надъ всѣмъ концомъ царствованія Императора Николая II; она одна его объясняетъ. Незамѣтно для другихъ, эта болѣзнь была одной изъ главныхъ причинъ его паденія, ибо съ одной стороны она вызвала вліяніе Распутина, а съ другой — она же имѣла своими

*.) Приношу благодарность редакціи Illustration, которая любезно предоставила намъ клише картъ и плановъ, помѣщенныхъ въ этой книгѣ.

Прим. автора.

послѣдствіями роковое одиночество Царственной четы, замкнувшейся въ свою жизнь, и постоянную тягостную заботу, которую надо было скрывать ото всѣхъ.

Я старался въ этой книгѣ вызвать къ жизни такими, какъ я ихъ зналъ, Императора Николая II и его близкихъ, пытаясь оставаться всегда беспристрастнымъ и сохраняя полную независимость сужденія въ изложеніи событий, коихъ я былъ свидѣтелемъ. Быть можетъ, въ заботѣ объ истинѣ, я предоставилъ ихъ политическимъ врагамъ новое оружіе противъ нихъ, но я питало твердую надежду, что въ моемъ разсказѣ выяснится ихъ подлинная личность, ибо меня привлекалъ къ нимъ не ихъ Императорскій санъ, а благородство ихъ чувствъ и поразительное нравственное величіе, которое они выказали въ страданіи.

Апрѣль 1921 года.

ГЛАВА I

Мои первые уроки при Дворѣ (осень 1905 г.)

Осенью 1904 года я принялъ сдѣланное мнѣ предложеніе провести годъ въ качествѣ преподавателя французскаго языка при Герцогѣ Сергиѣ Лейхтенбергскомъ.

Отецъ моего ученика, Герцогъ Георгій Лейхтенбергскій былъ внукомъ Евгенія Богарнѣ; по своей матери, Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ, дочери Николая I онъ приходился дважды Императору Николаю II.

Семья проживала въ это время въ своемъ маленькомъ имѣніи, на побережье Чернаго моря, гдѣ и осталась на всю зиму. Тамъ захватили насъ печальные события весны 1905 года, и тамъ мы пережили трагическіе часы бунтовъ въ черноморскомъ флотѣ, бомбардировки побережья, погромовъ и послѣдовавшей за ними супротивной расправы. Съ самаго начала Россія являлась предо мною въ ужасномъ, полномъ угрозъ образѣ, какъ бы предваряя ожидавшіе меня ужасы и страданія.

Въ началѣ юна, семья перебѣхала на прекрасную Сергіевскую дачу въ Петергофѣ, которая принадлежала Герцогу. Контрастъ былъ разительный: сухое побережье южнаго Крыма, маленькия татарскія деревушки, скрытые въ горахъ, и пыльные кипарисы смѣнились огромными сосновыми лѣсами и очаровательною свѣжестью береговъ Финскаго залива.

Петергофъ былъ любимымъ пребываніемъ его основателя, Петра Великаго. Туда пріѣзжалъ онъ отдыхать отъ суровыхъ трудовъ по постройкѣ С.-Петербургага, этого города, который возникъ, какъ бы по волшебному мановенію его, на болотахъ при устьѣ Невы и которому суждено было соперничать съ европейскими столицами.

Все въ Петергофѣ напоминаетъ его основателя. Прежде всего Марли, которое онъ сдѣлалъ на время своей резиденцію, — „домикъ“, поставленный среди воды на полоскѣ земли, которая раздѣляетъ два большихъ бассейна. Далѣе, близъ залива, Эрмитажъ, гдѣ онъ любилъ угощать своихъ сотрудниковъ на пирахъ, сопровождавшихся обильными возліяніями. Монплезиръ — постройка въ голландскомъ вкусѣ, которая была его любимымъ мѣстопребываніемъ, со своей террасой, выдающейся надъ моремъ: нельзя не подивиться тому, какъ этотъ континентальный человѣкъ любилъ воду! Наконецъ Большой дворецъ, который своими бассейнами и прекрасными долями своего парка долженъ былъ, по его замыслу, соперничать съ великолѣпіемъ Версаля.

Всѣ эти постройки, за исключеніемъ Большого дворца, которымъ пользовались еще для пріемовъ, представляли видъ заброшенныхъ и пустыхъ сооруженій, которымъ только память прошлаго возвращала жизнь.

Императоръ Николай II раздѣлялъ предпочтеніе своихъ предковъ къ очаровательному мѣстечку, какимъ является Петергофъ. Каждое лѣто онъ прѣзжалъ сюда со своими и поселялся на маленькой дачѣ — Александріи, окруженной тѣнистымъ паркомъ, который охраняетъ ее отъ нескромныхъ взоровъ.

Семья Герцога Лейхтенбергскаго провела все лѣто 1905 года въ Петергофѣ. Сообщенія между Александріей и Сергиевской дачей были часты, потому что тѣсная дружба связывала тогда Императрицу и Герцогиню Лейхтенбергскую. Такимъ образомъ я имѣлъ иногда случай видѣть членовъ Императорской семьи. Когда истекъ мой договоръ, мнѣ предложили остаться при моемъ ученикѣ въ качествѣ наставника, а также взять на себя преподаваніе французскаго языка Великимъ Княжnamъ Ольгѣ

Николаевнѣ и Татьянѣ Николаевнѣ, старшимъ дочерямъ Императора Николая II. Я принялъ предложеніе и, послѣ краткаго пребыванія въ Швейцаріи, вернулся въ Петергофъ въ первыхъ числахъ сентября. Нѣсколько недѣль спустя, я вступилъ въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей при Дворѣ.

Въ день, назначенный для первого урока, за мной прѣѣхала дворцовая карета, чтобы отвезти меня на дачу Александрию, гдѣ еще имѣли пребываніе Государь и его семья. Но, несмотря на ливрейнаго кучера, карету съ придворными гербами и приказанія, которыя навѣрное были отданы на мой счетъ, я на своеѣ опытѣ узналъ, что въ резиденцію Ихъ Величествъ нельзя проникнуть безъ затрудненій. Я былъ остановленъ у ограды парка, и потребовалось нѣсколько минутъ переговоровъ, прежде чѣмъ мнѣ разрешили вѣзду. На поворотѣ аллеи, я тотчасъ же замѣтилъ двѣ небольшія кирпичныя постройки, соединенные крытымъ мостомъ. Онѣ были такія простыя на видъ, что я принялъ ихъ за дворцовые службы. Только когда карета остановилась, я понялъ, что прибылъ по назначению.

Меня провели во второй этажъ, въ маленькую комнату съ очень скромной обстановкой въ англійскомъ вкусѣ. Дверь отворилась, и вошла Императрица, держа за руку двухъ дочерей, Ольгу и Татьяну. Сказавъ нѣсколько любезныхъ словъ, она заняла мѣсто за столомъ и сдѣлала мнѣ знакъ сѣсть противъ нея; дѣти помѣстились по обѣ стороны.

Императрица была еще очень хороша въ это время: высокаго роста, стройная, съ великолѣпно поставленной головой. Но все это было ничто въ сравненіи со взглядомъ ея сѣро-голубыхъ глазъ, поразительно живыхъ, отражавшихъ всѣ волненія ея животрепещущей души.

Старшая изъ Великихъ Княжень, Ольга, дѣвочка десяти лѣтъ, очень блокурая, съ глазками, полными лукаваго огонька, съ приподнятымъ слегка носикомъ, разсматривала меня съ выраженіемъ, въ которомъ, казалось, было желаніе съ первой же минуты отыскать слабое мѣсто, — но отъ этого ребенка вѣяло чистотой и правдивостью, которая сразу привлекали къ нему симпатіи.

Вторая, Татьяна, восьми съ половиной лѣтъ, съ каштановыми волосами, была красивѣе своей сестры, но производила впечатлѣніе менѣе открытой, искренней и непосредственной натуры.

Урокъ начинается; я озадаченъ; меня стѣсняетъ самая простота положенія, которое я иначе себѣ воображалъ. Императрица не упускаетъ ни одного моего слова; у меня совершенно ясное чувство, что это не урокъ, который я даю, а экзаменъ, которому я подвергаюсь. Несоответствіе между тѣмъ, чего я ожидалъ, и дѣйствительностью, сбиваетъ меня. Къ довершенію несчастія, я представлялъ себѣ, что мои ученицы прошли гораздо больше, чѣмъ оказалось на дѣлѣ. Я выбралъ нѣсколько упражненій: они оказываются слишкомъ трудными. Моя подготовка къ уроку мнѣ не въ помощь, приходится импровизировать, изворачиваться... Наконецъ, къ большому моему облегченію, звонъ часовъ положилъ предѣлъ моему испытанію.

Втеченіе слѣдующихъ недѣль Императрица регулярно присутствовала на урокахъ дѣтей, видимо интересуясь ими. Ей часто приходилось, когда ея дочери оставляли насъ, обсуждать со мною пріемы и методы преподаванія живыхъ языковъ, и я всегда поражался здравымъ смысломъ и проницательностью ея сужденій.

Я сохранилъ отъ этого начала своей преподавательской дѣятельности воспоминаніе объ одномъ урокѣ,

который происходилъ за день или за два до обнародованія манифеста 17 октября 1905 года. Императрица заняла въ этотъ день мѣсто въ креслѣ подлѣ окна; она сразу произвела на меня впечатлѣніе отсутствующей и озабоченной; ея лицо, вопреки ея желанію, выдавало волненіе ея души. Она дѣлала видимыя усиленія, чтобы обратить свое вниманіе въ нашу сторону, но вскорѣ впала въ тягостную задумчивость, которая ее цѣликомъ поглотила. Ея вышиванье покоилось на ея кольняхъ: она скрестила руки, взглянувъ на нихъ, какъ будто устремленный внутрь, слѣдилъ за мыслями, равнодушный къ окружающему... Обыкновенно, по окончаніи часа, я закрывалъ книгу и ожидалъ, пока Императрица не встанетъ и не отпуститъ меня. Но, на этотъ разъ, она до того погрузилась въ созерцаніе, что несмотря на молчаніе, которое обозначало конецъ нашихъ занятій, она не сдѣлала никакого движенія. Минуты шли, дѣти выражали нетерпѣніе; я раскрылъ свою книгу и возобновилъ чтеніе. Лишь черезъ четверть часа одна изъ Великихъ Княжень подошла къ матери и вернула ее къ сознанію дѣйствительности.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Императрица замѣстила себя на моихъ урокахъ одной изъ своихъ фрейлинъ, княжною Оболенской. Она какъ бы обозначала этимъ конецъ испытанія, которому меня подвергла.

Я долженъ признаться, что эта перемѣна облегчила меня; я лучше чувствовалъ себя въ присутствіи княжны Оболенской; послѣдняя помогала мнѣ съ большимъ рвениемъ. Но отъ первыхъ мѣсяцевъ я сохранилъ совершенно отчетливое воспоминаніе о крайнемъ интересѣ, съ какимъ Императрица относилась къ воспитанію и обученію своихъ дѣтей, какъ мать, всецѣло преданная своему долгу. Вместо высокомѣрной, холодной Царицы, о которой мнѣ столько говорили, я, къ величайшему удивленію

вленію, нашель женщину, просто преданную своимъ материнскимъ обязанностямъ.

Въ это время, по нѣкоторымъ признакамъ, я могъ также отдать себѣ отчетъ въ томъ, что сдержанность ея, на которую столь многіе обижались и которая вызывала противъ нея столько враждебныхъ чувствъ, была скорѣе послѣдствіемъ природной застѣнчивости и какъ бы маской ея чувствительности.

Одна подробность особенно ясно обнаруживаетъ заботу о точности, которую Императрица вносила въ свое поученіе о дочеряхъ, и свидѣтельствуетъ также о внимательности, которую она хотѣла внушить имъ къ ихъ наставникамъ, требуя отъ нихъ порядка, который составляетъ первое условіе вѣжливости. Пока она присутствовала на моихъ урокахъ, я всегда при входѣ находилъ книги и тетради, старательно расположенные на столѣ передъ мѣстомъ каждой изъ моихъ ученицъ. Меня никогда не заставили ждать ни одной минуты. Впослѣдствіи дѣло не всегда такъ обстояло.

Къ моимъ первымъ ученицамъ, Ольгѣ и Татьянѣ, послѣдовательно присоединялись, когда имъ наступалъ девятый годъ, сначала Марія, въ 1907-омъ, а потомъ Анастасія, въ 1909 годахъ*).

Здоровье Императрицы было уже поколеблено беспокойствомъ въ связи съ угрозой, висѣвшей надъ жизнью Цесаревича. Это все больше мѣшало ей слѣдить за ученицемъ дочерей. Тогда я еще не представлялъ себѣ, какова была истинная причина ея кажущагося равнодушія, и расположенье былъ ставить это ей въ упрекъ. События не замедлили объяснить мнѣ, въ чёмъ дѣло.

*) Въ 1909 г. мои обязанности наставника при Герцогѣ Сергіі Лейхтенбергскомъ закончились. Съ тѣхъ поръ я могъ посвящать больше времени моимъ урокамъ при Дворѣ.

ГЛАВА II

**Алексѣй Николаевичъ. — Поѣздки въ Крымъ
(осенью 1911 г. и весною 1912 г.)
и въ Спалу
(осенью 1912 г.)**

Царская семья проводила обыкновенно зиму въ Царскомъ Селѣ, красивомъ городкѣ, дачномъ мѣстѣ, километрахъ въ 20-ти на югъ отъ Петрограда. Оно расположено на возвышенности, верхняя часть которой занята Большимъ дворцомъ, любимымъ мѣстопребываніемъ Екатерины II. Неподалеку отъ него, въ паркѣ, прорѣзанномъ маленькими искусственными озерами, возвышается полуоткрытая деревяя постройка гораздо болѣе скромная — Александровскій дворецъ. Императоръ Николай II сдѣлалъ изъ него свою обычную резиденцію послѣ трагическихъ событий января 1905 года.

Императоръ и Императрица жили въ одномъ изъ дворцовыхъ флигелей, внизу, а ихъ дѣти въ слѣдующемъ этажѣ, надъ ними. Въ среднемъ корпусѣ помѣщались парадные покои, а противоположный флигель былъ занятъ нѣкоторыми лицами свиты. Въ этихъ рамкахъ, которыя вполнѣ отвѣчали ея скромнымъ вкусамъ, жила Царская семья.

Тамъ, въ февралѣ 1906 года, я увидѣлъ въ первый разъ Цесаревича Алексѣя Николаевича, которому было тогда полтора года. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ это произошло. Въ этотъ день я, по обыкновенію, при-

былъ въ Александровскій дворецъ, куда мои обязанности призывали меня нѣсколько разъ въ недѣлю. Я уже готовился кончить свой урокъ съ Ольгой Николаевной, когда вошла Императрица съ Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ на рукахъ. Она шла къ намъ съ очевиднымъ намѣреніемъ показать мнѣ сына, котораго я еще не зналъ. На лицѣ ея сияла радость матери, которая увидѣла, наконецъ, осуществленіе самой завѣтной своей мечты. Чувствовалось, что она горда и счастлива красотой своего ребенка. И на самомъ дѣлѣ, Цесаревичъ былъ, въ то время, самымъ дивнымъ ребенкомъ, о какомъ только можно мечтать. съ своими чудными бѣлокурыми кудрями и большими сѣро-голубыми глазами, оттѣненными длинными загнутыми рѣсницами. У него былъ свѣжій и розовый цвѣтъ лица здороваго ребенка и, когда онъ улыбался, на его круглыхъ щечкахъ вырисовывались двѣ ямочки. Когда я подошелъ къ нему, онъ посмотрѣлъ на меня серьезно и застѣнчиво и лишь съ большимъ трудомъ рѣшился протянуть мнѣ свою маленькую ручку.

Во время этой первой встречи я нѣсколько разъ видѣлъ, какъ Императрица прижимала Цесаревича къ себѣ нѣжнымъ жестомъ матери, которая какъ будто всегда дрожитъ за жизнь своего ребенка; но у нея эта ласка и сопровождавшій ее взглядъ обнаруживали такъ ясно и такъ сильно скрытое беспокойство, что я быль уже тогда пораженъ этимъ. Лишь много времени спустя мнѣ пришлось понять его значеніе.

Въ послѣдующіе годы, я все чаще имѣлъ случай видать Алексія Николаевича, который убѣгалъ отъ своего матроса и прибѣгалъ въ классную своихъ сестеръ, куда за нимъ тотчасъ приходили. Иногда, однако, эти посѣщенія внезапно прекращались и, втеченіе довольно долгаго времени, его не бывало видно. Каждый разъ такія

Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ
15 мѣсяцевъ (1905 г.)

Наслѣдникъ Цесаревичъ въ царско-сельскомъ паркѣ
зимой 1908—1909 г.

отсутствія вызывали у всѣхъ обитателей дворца глубоко подавленное настроеніе, и мои ученицы тщетно старались скрыть свою печаль. Когда я задавалъ имъ вопросы, онъ старались на нихъ не отвѣтить и говорили уклончиво, что Алексѣй Николаевичъ недомогаетъ. Съ другой стороны, я зналъ, что онъ подверженъ болѣзни, о которой говорили иносказательно и сущность которой никто не въ состояніи былъ мнѣ объяснить.

Какъ я выше замѣтилъ, начиная съ 1909 года, я былъ освобожденъ отъ обязанностей наставника Герцога Сергія Лейхтенбергскаго и могъ больше времени посвящать Великимъ Княжnamъ. Я жилъ въ Петербургѣ и пять разъ въ недѣлю прїезжалъ въ Царское Село. Хотя число моихъ уроковъ значительно увеличилось, успѣхи моихъ ученицъ были медленны тѣмъ болѣе, что Царская семья совершила поѣздки въ Крымъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Я все болѣе сожалѣлъ, что имъ не брали французской гувернантки, и, когда онъ возвращались, всегда замѣчалъ, что онъ многое забывали. Дѣвица Тютчева*), ихъ русская гувернантка, несмотря на свою большую преданность и прекрасное знаніе языковъ, не могла всюду поспѣть. Чтобы заполнить этотъ пробѣлъ, Императрица просила меня сопровождать Царскую семью, когда она покидала Царское Село на продолжительное время.

Въ первый разъ я поѣхалъ въ Крымъ при этихъ условіяхъ осенью 1911 года. Я жилъ на маленькой дачѣ въ Ялтѣ съ моимъ коллегой г. Петровымъ, преподавателемъ русского языка, котораго равнымъ образомъ пригласили продолжать свое преподаваніе; каждый день мыѣздили въ Ливадію давать уроки.

*) Внучка извѣстнаго поэта. Прим. перев.

Великія Княжни Анастасія, Татьяна, Марія и Ольга
Николаевны (сліва направо). Кримъ, 1909 г.

Этотъ образъ жизни намъ очень нравился, потому что внѣ нашихъ занятій мы были совершенно свободны и могли наслаждаться прекраснымъ климатомъ „Русской Ривьеры“, не связанные церемоніаломъ придворной жизни.

Весной слѣдующаго года Царская семья снова провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Крыму. Насъ помѣстили, г. Петрова и меня, въ маленькомъ павильонѣ Ливадійского парка. Мы обѣдали вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами и придворными чиновниками; лишь свита и нѣкоторые пріѣзжие приглашались на завтракъ къ столу Царской семьи; вечерніе обѣды происходили въ интимномъ кругу.

Однако, черезъ нѣсколько дней послѣ нашего пріѣзда, желая, какъ я впослѣдствіи узналъ, отмѣтить особымъ знакомъ вниманія уваженіе къ тѣмъ, кому она довѣряла воспитаніе своихъ дѣтей, Императрица пригласила насъ черезъ гофмаршала къ Императорскому столу.

Я былъ очень тронутъ чувствомъ, внушившимъ этотъ жестъ, но эти трапезы были связаны для насъ, особенно, вначалѣ, съ довольно утомительною напряженностью, хотя придворный этикетъ въ обычные дни не былъ слишкомъ требователенъ.

Мои ученицы также, видимо, скучали за этими длинными завтраками, и мы съ удовольствіемъ встрѣчались въ классной, чтобы возобновить наше дневное чтеніе въ условіяхъ полной простоты. Я довольно мало видѣлъ Алексея Николаевича. Онъ почти всегда завтракалъ съ Императрицею, которая всегда оставалась у себя.

Мы вернулись 10 іюня въ Царское Село и, немного спустя, Царская семья переехала въ Петергофъ, откуда она уѣзжала каждое лѣто, чтобы совершать обычное плаваніе на яхтѣ „Штандартъ“ въ финскія шхеры.

Въ началѣ сентября 1912 года Царская семья отправилась въ Бѣловѣжскую Пущу *), гдѣ она пробыла двѣ недѣли, потомъ въ Спалу **), въ Польшу, для болѣе продолжительного пребыванія. Туда я прїѣхалъ въ концѣ сентября, вмѣстѣ съ г. Петровымъ. Немнogo спустя послѣ моего прїѣзда, Императрица изъявила мнѣ желаніе, чтобы я началъ занятія съ Алексѣемъ Николаевичемъ. Я далъ ему первый урокъ 2 октября въ присутствіи его матери. Ребенокъ, которому было въ то время восемь съ половиной лѣтъ, не зналъ ни слова по французски и я наткнулся вначалѣ на серьезныя трудности. Моя преподавательская дѣятельность вскорѣ прервалась, потому что Алексѣй Николаевичъ, который съ самаго начала показался мнѣ недомогающимъ, долженъ былъ лечь въ постель. Когда мы прїѣхали съ моимъ коллегой, мы оба были поражены блѣдностью ребенка, а также тѣмъ, что его носили, какъ будто онъ не способенъ быть ходить ***). Значить недугъ, которымъ онъ страдалъ, безъ сомнѣнія усилился...

Нѣсколько дней спустя, стали шопотомъ говорить, что его состояніе внушаетъ живѣйшее беспокойство и что изъ Петербурга вызваны профессора Раухфусъ и Федоровъ. Жизнь, однако, продолжалась попрежнему; одна охота слѣдовала за другой, и приглашенныхъ было больше, чѣмъ когда либо... Однажды вечеромъ, послѣ

*) Императорская охота въ Гродненской губерніи. Это единственное, кромѣ Кавказа, мѣсто, гдѣ встрѣчаются губры — европейскіе бизоны, сохранившіеся до нашихъ дней въ этихъ огромныхъ лѣсахъ.

**) Древняя охота Польскихъ королей.

***) Обычно ребенка носилъ боцманъ Деревенко, бывшій матросъ Императорской яхты „Штандартъ“. Онъ былъ приставленъ къ нему нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ.

Великія Княжни ищутъ грибы въ Бѣловѣжской пущѣ.
Осень 1912 г.

обѣда, Великія Княжны Марія и Анастасія Николаевны разыграли въ столовой, въ присутствіи Ихъ Величествъ, свиты и нѣсколькихъ приглашенныхъ, двѣ небольшія сцены изъ пьесы Мольера „Мѣщанинъ въ дворянствѣ“ (*Le bourgeois gentilhomme*). Исполняя обязанности суплера, я спрятался за ширмы, замѣнявшія кулисы. Немного наклонившись, я могъ наблюдать въ первомъ ряду зрителей Императрицу оживленною и улыбающеюся въ разговорѣ съ своими сосѣдями.

Когда представление кончилось, я вышелъ внутренней дверью въ коридоръ передъ комнатой Алексѣя Николаевича. До моего слуха ясно доносились его стоны. Внезапно, я увидѣлъ передъ собой Императрицу, которая приближалась бѣгомъ, придерживая въ спѣшкѣ обѣими руками длинное платье, которое ей мѣшало. Я прижался къ стѣнѣ, она прошла рядомъ со мной, не замѣтивъ меня. Лицо ея было взволновано и отражало остroe беспокойство. Я вернулся въ залу; тамъ царilo оживленіе, лакеи въ ливреяхъ обносили блюда съ прохладительными угощеніями; всѣ смѣялись, шутили, вечеръ былъ въ разгарѣ. Черезъ нѣсколько минутъ Императрица вернулась; она снова надѣла свою маску и старалась улыбаться тѣмъ, кто толпился передъ нею. Но я замѣтилъ, что Государь, продолжая разговаривать, занялъ такое мѣсто, откуда могъ наблюдать за дверью, и я схватилъ на лету отчаянный взглядъ, который Императрица ему бросила на порогъ. Часъ спустя, я вернулся къ себѣ, еще глубоко взволнованный этой сценой, которая впезапно раскрыла предо мною драму этого двойного существованія.

Хотя состояніе больного еще ухудшилось, однако по виѣшности въ образѣ жизни не было перемѣнъ. Только Императрица показывалась все меныше и меныше; но Государь, подавляя свое беспокойство, продолжаль

Великія Княжны Марія и Анастасія Николаевны въ костюмахъ, которые имъ сдѣлали для сыгранной ими сцены изъ комедіи Мольера. Спала, осень 1912 г.

охотиться, и каждый вечеръ къ обѣду являлись обычные гости.

17 октября*) прибыль, наконецъ, изъ Петербурга профессоръ Федоровъ. Я видѣлъ его на минуту вечеромъ; у него былъ очень озабоченный видъ. На слѣдующій день были именины Алексея Николаевича. Этотъ день былъ отмѣченъ только богослуженіемъ. Слѣдя примѣру Ихъ Величествъ, всѣ старались скрыть свою тревогу.

19 октября жаръ еще усилился: 38,7° утромъ, 39° вечеромъ. Императрица вызвала профессора Федорова среди обѣда. Въ воскресенье, 20 октября, положеніе еще ухудшилось. За завтракомъ было, однако, нѣсколько приглашенныхъ. Наконецъ на слѣдующій день, когда температура дошла до 39,6° и сердце стало очень слабо, графъ Фредерикъ испросилъ разрѣщенія Государя публиковать бюллетени о здоровье: первый бюллетень былъ въ тотъ же вечеръ посланъ въ Петербургъ.

Значитъ потребовалось вмѣшательство министра Двора, чтобы рѣшились открыто признать серьезность положенія Цесаревича.

Почему Императоръ и Императрица подвергали себя столь ужасному принужденію? Зачѣмъ, разъ у нихъ было только одно желаніе — быть подлѣ своего больного ребенка, они заставляли себя показываться, съ улыбкой на устахъ, среди своихъ гостей? — Дѣло въ томъ, что они не хотѣли, чтобы стало известно, какой болѣзнь страдаетъ Великій Князь Наслѣдникъ. Я понялъ, что эта болѣзнь въ ихъ глазахъ имѣла значеніе государственной тайны.

Утромъ 22 октября температура ребенка была 39,1°. Однако къ полудню боли понемногу утихли, и доктора

*) Числа указаны, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ книги, по новому стилю.

Императрица у постели Цесаревича во время тяжкаго припадка гемофилии, который онъ перенесъ въ Спалѣ. Осень 1912г.

могли приступить къ болѣе полному обслѣдованію больного, который до тѣхъ поръ не позволялъ этого, вслѣдствіе невыносимыхъ страданій, которыя онъ претерпѣвалъ.

Въ три часа дня былъ отслуженъ молебенъ въ лѣсу; на немъ присутствовало множество сосѣднихъ крестьянъ.

Съ кануна этого дня стали служить по два раза въ день молебны обѣ исцѣленіи Великаго Князя Наслѣдника. Такъ какъ въ Спалѣ не было храма, то съ начала нашего пребыванія въ паркѣ поставили палатку съ маленькой походной церковью. Тамъ теперь и утромъ, и вечеромъ служилъ священникъ.

Прошло еще нѣсколько дней, втеченіе которыхъ острая тревога сжимала всѣ сердца. Наконецъ наступилъ кризисъ, и ребенокъ началъ выздоравливать, но это выздоровленіе было медленное и, несмотря на все, чувствовалось, что беспокойство еще продолжается. Такъ какъ состояніе больного требовало постояннаго и очень опытнаго наблюденія, профессоръ Федоровъ выписалъ изъ Петербурга одного изъ своихъ молодыхъ асистентовъ, хирурга Владимира Деревенко*), который съ этого времени остался состоять при ребенкѣ.

Въ печати того времени много говорилось о болѣзни Цесаревича; по этому поводу ходили самые фантастические разсказы. Лично я узналъ истину лишь позднѣе, изъ устъ доктора Деревенко. Кризисъ былъ вызванъ паденiemъ Александра Николаевича въ Бѣловѣжѣ: выходя изъ маленькой лодки, онъ стукнулся лѣвымъ бедромъ обѣя край, и ударъ вызвалъ довольно обильное внутреннее кровоизлѣяніе. Ребенокъ былъ уже на пути къ выздоровленію, когда въ Спалѣ недостаточная осторожность

*) Онъ носилъ ту же фамилію, что и боцманъ Деревенко, о которомъ была выше рѣчь; отсюда постоянный недоразумѣнія.

внезапно осложнила его состояніе. У него образовалась кровеносная опухоль въ паху, которая угрожала перейти въ тяжкое зараженіе крови.

16 ноября, когда опасность повторенія стала менѣе угрожающей, ребенка перевезли съ безконечными предосторожостями изъ Спалы въ Царское Село, гдѣ семья провела зиму.

Состояніе здоровья Алексѣя Николаевича требовало постоянного и очень специального медицинского ухода. Болѣзнь въ Спалѣ вызвала временное омертвѣніе нервовъ лѣвой ноги, которая отчасти утратила свою чувствительность и оставалась согнутой — ребенокъ не могъ ее вытянуть. Потребовалось лѣченіе массажемъ и примѣненіе ортопедического аппарата, который постепенно вернулъ ногу въ нормальное состояніе. Нечего говорить, что при такихъ обстоятельствахъ я не могъ помышлять о возобновленіи занятій съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Такое положеніе продолжилось до лѣтнихъ вакацій 1913 года.

Я имѣлъ обыкновеніе каждое лѣто возвращаться въ Швейцарію; въ этомъ году Императрица дала мнѣ знать, за нѣсколько дней до моего отѣзда, что она намѣрена по моемъ возвращеніи довѣрить мнѣ обязанности наставника Алексѣя Николаевича. Это извѣстіе прѣисполнило меня одновременно радости и страха. Я былъ очень счастливъ довѣрію, которое мнѣ оказывали, но боялся отвѣтственности, ложившейся на меня. Я чувствовалъ, однако, что не имѣю права уклониться отъ тяжелой задачи, которая мнѣ предстояла, разъ обстоятельства позволяли мнѣ, быть можетъ, оказать непосредственное вліяніе, какъ бы оно ни было мало, на духовное развитіе того, кому придется въ свое время быть Монархомъ одного изъ величайшихъ государствъ Европы.

ГЛАВА III

Мои первые шаги въ качествѣ наставника.
Болѣзнь Цесаревича
(августъ 1913 г.)

Я вернулся въ Петербургъ въ концѣ августа. Царская семья была въ Крыму. Я зашелъ въ канцелярію Ея Величества, чтобы ознакомиться съ послѣдними распоряженіями, и уѣхалъ въ Ливадію, куда прибылъ 3 сентября. Я нашелъ Алексѣя Николаевича поблѣднѣвшимъ и похудѣвшимъ. Онъ еще очень плохо себя чувствовалъ. Его заставляли принимать очень горячія грязевые ванны, сильно его ослаблявшія и предписанныя докторами, дабы уничтожить послѣдніе остатки его болѣванія, явившагося результатомъ упомянутаго выше случая въ Спалѣ.

Я ожидалъ, что буду позванъ къ Императрицѣ и отъ нея получу точныя указанія и распоряженія. Но она оставалась невидима, не присутствовала даже за столомъ. Она только просила мнѣ передать черезъ Татьяну Николаевну, что, во время прохожденія курса лѣченія, послѣдовательныя занятія съ Алексѣемъ Николаевичемъ невозможны. Чтобы ребенокъ могъ ко мнѣ привыкнуть, она меня просила сопровождать его во всѣхъ прогулкахъ и проводить около него возможно большее времени.

Тогда у меня произошелъ длинный разговоръ съ докторомъ Деревенко. Онъ мнѣ сообщилъ, что Наслѣдникъ Цесаревичъ боленъ гемофилией (кровоточивостью), наслѣдственной болѣзнью, въ известныхъ

семьяхъ, передающеюся изъ поколѣнія въ поколѣніе черезъ женщинъ дѣтамъ мужскаго пола. Ей подвержены только мужчины. Она объяснилъ мнѣ, что малѣйшая царапина могла повлечь за собой смерть ребенка, такъ какъ кровообращеніе гемофилика ненормально. Кромѣ того оболочка артерій и венъ такъ хрупка, что всякий ушибъ, усиленное движеніе или напряженіе вызываютъ разрывъ сосудовъ и приводятъ къ роковому концу. Вотъ какова была ужасная болѣзнь, которой страдалъ Алексѣй Николаевичъ; постоянная угроза жизни висѣла надъ его головой: паденіе, кровотеченіе изъ носа, простой порѣзъ, все, что для обыкновенного ребенка было бы пустякомъ, могло быть для него смертельно.

Его нужно было окружать особымъ уходомъ и заботами въ первые годы его жизни и постоянной бдительностью стараться предупреждать всякую случайность. Вотъ почему къ нему, по предписанію врачей, были приставлены, въ качествѣ тѣлохранителей, два матроса съ Императорской яхты: боцманъ Деревенко и его помощникъ Нагорный, которые по очереди должны были за нимъ слѣдить.

Когда я приступилъ къ моимъ новымъ обязанностямъ, мнѣ было не такъ то легко завязать первыя отношенія съ ребенкомъ. Я долженъ былъ говорить съ нимъ по русски, отказавшись отъ французскаго языка. Положеніе мое было щекотливо. Не имѣя никакихъ правъ, я не могъ требовать подчиненія.

Какъ я уже сказалъ, я былъ вначалѣ удивленъ и разочарованъ, не получивъ никакой поддержки со стороны Императрицы. Цѣлый мѣсяцъ я не имѣлъ отъ нея никакихъ указаній. У меня сложилось впечатлѣніе, что она не хотѣла вмѣшиваться въ мои отношенія съ ребен-

комъ. Этимъ сильно увеличилась трудность моихъ первыхъ шаговъ, но это могло имѣть то преимущество, что, разъ завоевавъ положеніе, я могъ болѣе свободно утверждать свой личный авторитетъ. Первое время я часто терялся и даже приходилъ въ отчаяніе. Я подумывалъ о томъ, чтобы отказаться отъ принятой на себя задачи.

Къ счастью я нашелъ въ докторѣ Деревенко отличного совѣтника, помошь котораго мнѣ была очень цѣнна. Онъ посовѣтовалъ мнѣ быть терпѣливѣе. Онъ объяснилъ, что, вслѣдствіе постоянной угрозы жизни ребенка и развившагося въ Императрицѣ религіознаго фатализма, она предоставила все теченію времени и откладывала день ото дня свое вмѣшательство въ наши отношенія, не желая причинять лишнихъ страданій своему сыну, если ему, быть можетъ, не суждено было жить. У нея не хватало храбрости вступать въ борьбу съ ребенкомъ, чтобы навязывать ему меня.

Я самъ сознавалъ, что условія были неблагопріятны. Но несмотря на все, у меня оставалась надежда, что со временемъ состояніе здоровья моего воспитанника улучшится.

Тяжелая болѣзнь, отъ которой Алексѣй Николаевичъ только что началъ оправляться, очень ослабила его и оставила въ немъ большую нервность. Въ это время онъ былъ ребенкомъ, плохо переносившимъ всякия попытки его сдерживать; онъ никогда не былъ подчиненъ никакой дисциплинѣ. Во мнѣ онъ видѣлъ человѣка, на котораго возложили обязанность принуждать его къ скучной работе и вниманію, и задачей котораго было подчинить его волю, пріучивъ его къ послушанію. Его уже окружалъ бдительный надзоръ, который однако позволялъ ему искать убѣжища въ бездѣйствіи; къ этому надзору

присоединялся теперь новый элементъ настойчивости, угрожавшій отнять это послѣднее убѣжище. Не сознавая еще этого, онъ это чувствовалъ чутьемъ. У меня создалось вполнѣ ясное впечатлѣніе глухой враждебности, которая иногда переходила въ открытую оппозицію.

Я чувствовалъ на себѣ страшную отвѣтственность; несмотря на всѣ предосторожности, было немыслимо предупредить возможность несчастныхъ случайностей. Ихъ было три втеченіе первого мѣсяца.

Тѣмъ временемъ дни шли за днями, и я чувствовалъ, какъ укрѣплялся мой авторитетъ. Я могъ отмѣтить у своего воспитанника все чаще и чаще повторявшіеся порывы довѣрчивости, которые были для меня какъ бы залогомъ того, что вскорѣ между нами устанавливаются болѣе сердечныя отношенія.

По мѣрѣ того какъ ребенокъ становился откровеннѣе со мной, я лучше отдавалъ себѣ отчетъ въ богатствѣ его натуры и убѣждался въ томъ, что при наличіи такихъ счастливыхъ дарованій было бы несправедливо бросить надежду.

Алексѣю Николаевичу было тогда $9\frac{1}{2}$ лѣтъ. Онъ былъ довольно крупенъ для своего возраста, имѣлъ тонкій, продолговатый овалъ лица съ нѣжными чертами, чудные свѣтло-каштановые волосы съ бронзовыми переливами, большие сине-сѣрые глаза, напоминавшіе глаза его матери. Онъ вполнѣ наслаждался жизнью, когда могъ, какъ рѣзвый и жизнерадостный мальчикъ. Вкусы его были очень скромны. Онъ совсѣмъ не кичился тѣмъ, что былъ Наслѣдникомъ Престола, объ этомъ онъ всего меньше помышлялъ. Его самыи большими счастьемъ было играть съ двумя сыновьями матроса Деревенко, которые оба были нѣсколько моложе его.

У него была большая живость ума и суждений и много вдумчивости. Онъ поражалъ иногда вопросами выше своего возраста, которые свидѣтельствовали о деликатной и чуткой душѣ. Я легко понималъ, что тѣ, которые не должны были, какъ я, внушать ему дисциплину, могли безъ задней мысли легко поддаваться его обаянію. Въ маленькомъ каприсномъ существѣ, какимъ онъ казался вначалѣ, я открылъ ребенка съ сердцемъ отъ природы любящимъ и чувствительнымъ къ страданіямъ, потому что самъ онъ уже много страдалъ. Какъ только это убѣженіе вполнѣ сложилось во мнѣ, я сталъ бодро смотрѣть на будущее. Моя работа была бы легка, если бы не было окружавшей насъ обстановки и условий среды.

Я поддерживалъ, какъ уже обѣ этомъ выше сказалъ, лучшія отношенія съ докторомъ Деревенко, но между нами былъ одинъ вопросъ, на которомъ мы не сходились. Я находилъ, что постоянное присутствіе двухъ матросовъ—боцмана Деревенко и его помощника Нагорнаго было вредно ребенку. Эта внѣшняя сила, которая ежеминутно выступала, чтобы отстранить отъ него всякую опасность, казалось мнѣ, мѣшала укрѣпленію вниманія и нормальному развитію воли ребенка. То, что выигрывалось въ смыслѣ безопасности, ребенокъ проигрывалъ въ смыслѣ дѣйствительной дисциплины. На мой взглядъ лучше было бы дать ему больше самостоятельности и пріучить находить въ самомъ себѣ силы и энергию противодѣйствовать своимъ собственнымъ импульсамъ тѣмъ болѣе, что несчастные случаи продолжали повторяться. Было невозможно все предусмотрѣть, и чѣмъ надзоръ становился строже, тѣмъ болѣе онъ казался стѣснительнымъ и унизительнымъ ребенку и рисковалъ развить въ немъ искусство его избѣгать, скрытность и лукавство. Это былъ лучшій способъ, чтобы сдѣлать

изъ ребенка, и безъ того физически слабаго, человѣка безхарактернаго, безвольнаго, лишенаго самообладанія, немощнаго и въ моральномъ отношеніи. Я говорилъ въ этомъ смыслѣ съ докторомъ Деревенко. Но онъ былъ такъ поглощенъ опасеніемъ рокового исхода и подавленъ, какъ врачъ, сознаніемъ своей тяжелой отвѣтственности, что я не могъ убѣдить его раздѣлить мои воззрѣнія.

Только одни родители могли взять на себя рѣшеніе такого вопроса, могущаго имѣть столь серьезныя послѣдствія для ребенка. Къ моему великому удивленію, они всецѣло присоединились ко мнѣ и заявили, что согласны на опасный опытъ, на который я самъ рѣшался лишь съ тяжелымъ беспокойствомъ. Они безъ сомнѣнія сознавали вредъ, причиняемый существующей системой тому, что было самого цѣннаго въ ихъ ребенкѣ. Они любили его безграницно, и именно эта любовь давала имъ силу идти на рискъ какого нибудь несчастнаго случая, послѣдствія котораго могли быть смертельны, лишь бы не сдѣлать ихъ него человѣка, лишенаго мужества и нравственной стойкости.

Алексѣй Николаевичъ былъ въ восторгѣ отъ этого рѣшенія. Въ своихъ отношеніяхъ къ товарищамъ онъ страдалъ отъ постоянныхъ ограниченій, которымъ его подвергали. Онъ обѣщалъ мнѣ оправдать довѣріе, которое ему оказывали.

Какъ ни былъ я убѣженъ въ правильности такой постановки дѣла, мои опасенія лишь усилились. У меня было какъ бы предчувствіе того, что должно было случиться . . .

Вначалѣ все шло хорошо, и я началъ было успокаиваться, какъ вдругъ внезапно стряслось несчастіе, котораго мы такъ боялись. Въ классной комнатѣ ребенокъ взлѣзъ на скамейку, поскользнулся и упалъ,

стукнувшись колѣнкой объ ея уголъ. На слѣдующій день онъ уже не могъ ходить. Еще черезъ день подкожное кровоизліяніе усилилось, опухоль, образовавшаяся подъ колѣномъ, быстро охватила нижнюю часть ноги. Кожа натянулась до послѣдней возможности, стала жесткой подъ давленіемъ кровоизліянія, которое стало давить на нервы, и причиняла страшную боль, увеличивавшуюся съ часу на часъ.

Я былъ подавленъ. Ни Государь, ни Государыня не сдѣлали мнѣ даже тѣни упрека; наоборотъ казалось, что они всѣмъ сердцемъ хотятъ, чтобы я не отчаялся въ задачѣ, которую болѣзнь дѣлала еще болѣе трудной. Они какъ будто хотѣли своимъ примѣромъ побудить и меня принять неизбѣжное испытаніе и присоединиться къ нимъ въ борьбѣ, которую они вели уже такъ давно. Они дѣлились со мною своей заботой съ трогательной благожелательностью.

Императрица сидѣла у изголовья сына съ начала заболѣванія, нагибалась къ нему, ласкала его, окружала его своей любовью, стараясь тысячью мелкихъ заботъ облегчить его страданія. Государь тоже приходилъ, какъ только у него была свободная минута. Онъ старался подбодрить ребенка, развлечь его, но боль была сильнѣе материнскихъ ласкъ и отцовскихъ разсказовъ. и прерванные стоны возобновлялись. Изрѣдка отворялась дверь, и одна изъ Великихъ Княженъ на цыпочкахъ входила въ комнату, цѣловала маленькаго брата и какъ бы вносила съ собою струю свѣжести и здоровья. Ребенокъ открывалъ на минуту свои большие глаза, уже глубоко очерченные болѣзнью, и тотчасъ снова ихъ закрывалъ.

Однажды утромъ я нашелъ мать у изголовья сына. Ночь была очень плохая. Докторъ Деревенко былъ въ беспокойствѣ, такъ какъ кровотеченія еще не удалось

остановить и температура подымалась. Опухоль снова возрасла, и боли были еще нестерпимѣе, чѣмъ наканунѣ. Цесаревичъ, лежа въ кроваткѣ, жалобно стональ, прижавшись головой къ рукѣ матери, и его тонкое, безкровное лицико было неузнаваемо. Иарѣдка онъ прерывалъ свои стоны, чтобы прошептать только одно слово: „мама“, въ которомъ онъ выражалъ все свое страданіе, все свое отчаянья. И мать цѣловала его волосы, лобъ, глаза, какъ будто этой лаской она могла облегчить его страданія, вдохнуть ему немного жизни, которая его покидала. Какъ передать пытку этой матери, беспомощно присутствующей при мученіяхъ своего ребенка втеченіе долгихъ часовъ смертельной тревоги, этой матери, которая знала, что она причина этихъ страданій, что она передала ему ужасную болѣзнь, противъ которой безсильна человѣческая наука! Какъ понималъ я теперь скрытую драму этой жизни и какъ легко мнѣ было возстановить этапы ея долгаго крестнаго пути.

ГЛАВА IV

Императрица Александра Феодоровна

Будущая Императрица Александра Феодоровна, Алиса Гессенская, четвертый ребенок великого герцога Людовика Гессенского и Алисы Английской (младшей дочери королевы Виктории) родилась 6 июня 1872 года в Дармштадтѣ. Она рано потеряла свою мать и большую часть своего воспитания получила при английском дворѣ. Здѣсь она скоро сдѣлалась любимой внучкой королевы Виктории, перенесшей на бѣлокурую Алису всю нѣжность, которую питала къ ея матери*).

Въ возрастѣ 17 лѣтъ, молодая принцесса долго гостила въ Россіи у своей сестры Елизаветы, вышедшей замужъ за Великаго Князя Сергея Александровича, брата Императора Александра III. Она принимала участіе въ жизни Двора, присутствовала на парадахъ, приемахъ и балахъ и, будучи очень красива, имѣла успѣхъ.

Всѣ видѣли уже въ ней невѣсту Наслѣдника Цесаревича, но вопреки всеобщему ожиданію Алиса Гессенская вернулась въ Дармштадтѣ, не дождавшись никакого предложенія.

Не остался ли у нея отъ этого нѣкоторый осадокъ?
— Какъ бы то ни было, пять лѣтъ спустя, когда ей

*) Королева Викторія не любила нѣмцевъ и питала къ императору Вильгельму II особое нерасположеніе, которое она передала своей внучкѣ. Послѣдняя всю жизнь чувствовала больше тяготѣнія къ Англіи — своей родинѣ съ материнской стороны, чѣмъ къ Германіи. Впрочемъ она сохранила большую привязанность къ родственникамъ и друзьямъ, которыхъ тамъ оставила.

было сдѣлано официальное предложеніе, она проявила нѣкоторое колебаніе*). Обрученіе все же состоялось въ Дармштадтѣ втеченіе лѣта 1894 года; затѣмъ женихъ и невѣста провели нѣкоторое время при англійскомъ дворѣ. Наслѣдникъ Цесаревичъ вслѣдъ за этимъ вернулся въ Россію. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, молодая принцесса принуждена была поспѣшноѣѣхать въ Ливадію, гдѣ умиралъ Императоръ Александръ III. Она присутствовала при его агоніи и вмѣстѣ съ Императорской семьей сопровождала черезъ всю Россію гробъ съ останками покойнаго Императора.

Перенесеніе тѣла съ Николаевскаго вокзала въ Петеропавловскій соборъ состоялось въ грустный ноябрьскій день. Огромная толпа тѣснилась по пути траурнаго шествія, двигаясь по грязнымъ отъ мокраго снѣга улицамъ. При проѣздѣ процессіи можно было слышать, какъ женщины изъ простонародья, набожно крестясь, перешептывались, намекая на молодую принцессу: „Она вошла къ намъ за гробомъ, она несетъ съ собой несчастье.“

И въ самомъ дѣлѣ, съ первыхъ же дней въ Россіи, несчастье какъ будто привязалось къ стопамъ той, которую за ея веселость и ослѣпительную красоту въ молодости называли „sunshine“ — „лучъ солнышка.“

26 ноября, иначе говоря, менѣе мѣсяца послѣ кончины Александра III, среди общей горести, состоялась свадьба. Годъ спустя, Императрица родила первого ребенка — дочь, которую назвали Ольгой.

*) Повидимому молодую принцессу сильно волновала также перспектива обязательной перемѣны религії. Ея прямой и открытой натурѣ претило совершить актъ, который не нашель бы одобренія ея совѣсти. Священникъ, посланный въ Дармштадтъ, чтобы ознакомить Алису Гессенскую съ началами православной вѣры, съумѣлъ открыть ей ея красоту и расположить ее въ пользу новой религії.

Императрица Александра Феодоровна за несколько
месяцев до замужества, лето 1894 г.

14 мая 1896 года, въ Москвѣ, состоялась коронация молодой четы. Злой рокъ уже, казалось, гнался за ними, всѣ помнятъ, что эти торжественные празднества дали поводъ ужасному случаю, который стоилъ жизни многочисленнымъ жертвамъ. Поспѣшившіе отовсюду на праздники крестьяне столпились ночью на Ходынскомъ полѣ, где должна была состояться раздача подарковъ. Вслѣдствіе дурной организаціи произошла паника, и болѣе двухъ тысячъ человѣкъ были раздавлены или задохлись въ канавахъ подъ натискомъ толпы, которую обуялъ ужасъ.

Утромъ, когда Царь съ Царицей прибыли на Ходынское поле они еще не были освѣдомлены объ ужасной катострофѣ. Они узнали истину, лишь вернувшись въ городъ и то... — узнали ли они ее когда нибудь въ ея полномъ объемѣ? Какъ не могли понять окружающіе, что, скрывъ истину отъ молодой Царственной четы, ее лишили возможности непосредственно выказать состраданіе и горе. Вместо этого соиздавалось отталкивающее впечатлѣніе людей, равнодушныхъ къ народному бѣдствію.

Засимъ прошло нѣсколько лѣтъ спокойнаго семейнаго счастья, во время которыхъ могло казаться, что злой рокъ разжалъ свои когти.

Однако задача, выпавшая на долю молодой Царицы была не изъ легкихъ. Ей нужно было привыкнуть къ своему положенію Императрицы и притомъ въ обстановкѣ самаго пышнаго европейскаго двора, наиболѣе подверженного интригамъ и проискамъ различныхъ кружковъ. Она привыкла къ скромной жизни въ Дармштадтѣ и испытала на себѣ строгій церемоніаль англійскаго двора, лишь поскольку онъ касался ея временнаго пребыванія на положеніи гостьи, молодой, всѣми любимой принцессы. Понятно, что она должна была чувствовать себя неподготовленной къ своимъ новымъ обязанностямъ

и ее должна была смущать внезапная и рѣзкая перемѣна образа жизни. Чувство отвѣтственности и горячее желаніе посвятить всю себя на служеніе благу громаднаго народа, Царицей котораго она внезапно сдѣлалась, возбуждали въ ней пыль и въ то же время создавали въ ней неувѣренность.

Она мечтала однако лишь о томъ, чтобы найти доступъ къ сердцамъ своихъ подданныхъ. Но она не умѣла имъ это выказать, и ея врожденная застѣнчивость губила ея благія намѣренія. Она очень скоро почувствовала, что безсильна заставить понять и оцѣнить себя. Ея непосредственная натура быстро натолкнулась на холодную условность обстановки Двора. Ея начинанія встрѣчали атмосферу косности *). Въ отвѣтъ на свое довѣріе она ожидала найти искреннюю и разумную готовность посвятить себя дѣлу, настоящее доброе желаніе, а вместо того встрѣчала пустую, безличную придворную предупредительность.

Несмотря на всѣ усилия, она не научилась банальной любезности и искусству затрагивать всѣ предметы слегка, съ чисто вѣшней благосклонностью. Дѣло въ томъ, что Императрица была прежде всего искренней, и каждое ея слово было лишь выраженіемъ внутренняго чувства. Видя себя непонятой, она не замедлила замкнуться въ себѣ. Ея природная гордость была уязвлена. Она все болѣе и болѣе уклонялась отъ празднествъ и приемовъ, которые были для нея нестерпимымъ бременемъ. Она усвоила себѣ сдержанность и отчужденность, которыхъ принимали за надменность и презрѣніе. Но тѣ, кто приближался къ ней въ минуты страданія, понимали

*) У нея было горячее желаніе улучшить судьбу женщинъ изъ простонародья, создавая больницы, родильные приюты; она хотѣла основать профессиональныя школы и т. д.

сколько чуткости и потребности самоотверженія скрывалось за этой видимой холодностью. Она съ полнымъ убѣжденіемъ приняла свою новую религію и въ ней черпала большое облегченіе въ часы волненій и тревоги. Но ея нѣжное сердце находило главное свое питаніе въ семейной любви; только въ кругу своихъ она чувствовала себя счастливой.

За рожденіемъ Ольги Николаевны послѣдовало появленіе на свѣтъ трехъ полныхъ здоровья и жизни дочерей, которая составляли радость своихъ родителей. Но эта радость, была не безъ примѣси, ибо завѣтное ихъ желаніе не было еще осуществлено: его могло осуществить только появленіе на свѣтъ Наслѣдника. Рожденіе послѣдней Великой Княжны, Анастасіи Николаевны, было въ первую минуту крупнымъ разочарованіемъ... А годы проходили. — Наконецъ, 12 августа 1904 года, въ разгарѣ русско-японской войны, Государыня родила столь долгожданного сына. Радость была безграницна. Казалось, что всѣ былые горести забыты, что передъ супругами открывается новая пора счастья. Увы! Это было лишь короткой передышкой, за которой послѣдовали новыя несчастія: сначала, въ январѣ, кровопролитіе на Дворцовой площади, воспоминанію о коемъ, какъ ужасному кошмару, суждено было преслѣдовывать ихъ втеченіе всей жизни, затѣмъ плачевное окончаніе русско-японской войны. Ихъ единственнымъ утѣшеніемъ въ эти сумрачные дни былъ ихъ любимый ребенокъ, но увы, скоро пришлось убѣдиться въ томъ, что Цесаревичъ боленъ гемофиліей. Съ этой минуты, жизнь матери стала сплошной, душу разрывающей тревогой. Она знала ее, — эту страшную болѣзнь: ея дядя, ея братъ и два ея племянника умерли отъ нея. Съ дѣтства ей говорили объ этой болѣзни, какъ о чёмъ то ужа-

сающимъ и таинственномъ, противъ чего люди безъ силыны. И вотъ ея единственный сынъ, этотъ, ребенокъ, который ей былъ дороже всего на свѣтѣ, былъ пораженъ ею, и смерть будетъ сторожить его, слѣдоватъ за нимъ по пятамъ, чтобы когда нибудь унести его, какъ уже унесла столькихъ дѣтей въ ея семье...

Нѣтъ, надо бороться, надо его спасти какои угодно цѣнной. Невозможно, чтобы наука была безъ силна; средство спасенія, быть можетъ, все же существуетъ, и оно будетъ найдено. Доктора, хирурги, профессора были опрошены, но тщетно они испробовали всѣ способы лѣченія.

Когда мать поняла, что отъ людей ей ждать помоши нечего, она всѣ надежды возложила на Бога. Онъ одинъ могъ совершить чудо! Но это вмѣшательство надо заслужить! Будучи и безъ того очень набожной, она отдалась всецѣло, со страстью и порывомъ, которые во все вносила, — православной вѣрѣ. Жизнь дворца приняла строгій, почти суровый характеръ. Избѣгались празднества и сократилась до предѣловъ возможнаго вся внѣшняя, показная жизнь, требованіямъ которой монархамъ приходится подчиняться. Семья мало по малу уединялась отъ окружающихъ и замыкалась въ себѣ.

Тѣмъ временемъ между приступами болѣзни ребенокъ возрождался къ жизни. Возвращалось здоровье, и онъ забывалъ страданія и принимался за игры и веселье. Въ такія минуты невозможно было повѣрить, что онъ подверженъ неумолимому недугу, который можетъ унести его съ минуты на минуту. И каждый разъ какъ Императрица видѣла его розовыя щеки, слышала его веселый смѣхъ, видѣла его рѣзвые прыжки, огромная надежда наполняла ея сердце, и она говорила себѣ: „Господь услышалъ мою молитву и, наконецъ, скжалился

надо мною". Но внезапно болѣзнь снова обрушивалась на ребенка, вновь повергала его на одръ страданій, приводила его къ самымъ вратамъ смерти.

Шли мѣсяцы, долгожданное чудо не совершалось, приступы повторялись все болѣе жестокіе и безжалостные. Самая горячія молитвы не приносили столь страстно ожидаемаго проявленія милости Божіей. Послѣдняя надежда терпѣла крушеніе. Безконечное отчаяніе наполнило душу Императрицы, ей казалось, что весь міръ уходитъ отъ нея*). И вотъ въ это самое время къ ней привели простого сибирскаго мужика — Расputина. Этотъ человѣкъ ей сказалъ: „Вѣрь въ силу моихъ молитвъ, вѣрь въ силу моего заступничества — и твой сынъ будетъ жить". Мать уцѣпилась за надежду, которую онъ ей подавалъ, какъ утопающій хватается за руку, которую ему протягиваютъ; она повѣрила ему всей силой своей души. Уже съ давнихъ поръ она была убѣждена, что спасеніе Россіи и династіи придется изъ народа, и она вообразила, что этотъ смиренный мужикъ посланъ Богомъ, чтобы спасти того, кто былъ надеждой Россіи. Сила вѣры довершила остальное и, благодаря простому самовнушенію, которому помогли нѣкоторыя случайныя совпаденія, она убѣдила себя, что судьба ея ребенка зависитъ отъ этого человѣка.

Распутинъ отдавалъ себѣ отчетъ въ состояніи души этой отчаивающейся матери, которая была сломлена борьбою и которая, казалось, дошла до предѣла страданій. Онъ понять всю выгоду, которую можетъ изъ этого извлечь и съ дьявольской ловкостью съумѣлъ

*) Постоянный страхъ покушеній на жизнь Государя или Наслѣдника Цесаревича также способствовалъ источенію нервныхъ силъ Императрицы.

въ извѣстной мѣрѣ связать свою жизнь съ жизнью ребенка.

Трудно было бы понять нравственную власть Распутина надъ Императрицей, если не знать той роли, которую играютъ въ религіозной жизни православнаго міра странники и старцы — эти люди, не облеченные саномъ священника, и не монахи (хотя установилась было привычка неправильно называть Распутина „монахомъ“).

Странникъ — это богомолецъ, который кочуетъ изъ монастыря въ монастырь, изъ церкви въ церковь, ища правды, и живеть падаяніемъ вѣрующихъ. Онъ идетъ по безбрежной русской землѣ, направляя свой путь, какъ приведется, либо привлекаемый святостью мѣста или людей.

Старецъ — это аскетъ, живущій обыкновенно въ монастырѣ, а иногда и въ затворѣ, наставникъ душъ, къ которому обращаются въ минуты смятенія и страданій. Часто бываетъ, что старецъ — это бывшій странникъ, положившій предѣль своимъ скитаніямъ и поселившійся гдѣ нибудь, чтобы покончить дни свои въ созерцаніи и молитвѣ.

Вотъ опредѣленіе, данное Достоевскимъ въ его „Братьяхъ Карамазовыхъ“:

„Старецъ — это берущій вашу душу, вашу волю въ свою душу и свою волю. Избравъ старца, вы отъ своей воли отрѣшаетесь и отдаете ее ему въ полное послушаніе, съ полнымъ самоотрѣшеніемъ. Этотъ искусъ, эту страшную школу жизни обрекающей себя принимаетъ добровольно, въ надеждѣ послѣ долгаго искуса побѣдить себя, овладѣть собою до того, чтобы могъ наконецъ достичь,透过 послушаніе всей жизни, уже совершенной свободы, т. е. свободы отъ самого себя, избѣгнуть участія тѣхъ, которые всю жизнь прожили, а себя въ себѣ не нашли“.

Богъ даетъ старцу указанія, нужные для вашего блага, и открываетъ ему пути, по которымъ онъ долженъ вести васъ къ спасенію.

Старецъ — стражъ идеала и правды на землѣ. Онъ является хранителемъ священнаго преданія, которое передается отъ старца къ старцу до пришествія Царства Правды и Свѣта.

Нѣкоторые изъ этихъ старцевъ достигаютъ замѣчательной нравственной высоты, и чутся въ числѣ святыхъ Православной Церкви.

Вліяніе этихъ людей, живущихъ какъ бы внѣ духовенства, значительно и въ наши дни въ Россіи. Въ провинціи и деревнѣ оно гораздо сильнѣе вліянія священниковъ или монаховъ.

Обращеніе въ православіе Государыни было дѣломъ искренней вѣры. Православная религія вполнѣ отвѣчала ея мистическому настроенію, и ея воображеніе должно было прельститься стариной и наивностью обрядовъ этой вѣры. Она ее приняла со всею горячностью новообращенной. Распутинъ былъ облеченъ въ ея глазахъ обаяніемъ и святостью старца.

Такого характера были чувства, съ которыми Императрица относилась къ Распутину и которые были такъ гнусно извращены клеветою. Они имѣли своимъ источникомъ самое благородное чувство, какое способно наполнить сердце женщины — материнскую любовь.

Судьба захотѣла, чтобы тотъ, кого облекали ореолъ святости, былъ на самомъ дѣлѣ, существомъ недостойнымъ и развратнымъ. Пагубное вліяніе этого человѣка, какъ мы это увидимъ впослѣдствіи, было главной причиной смерти тѣхъ, которые думали найти въ немъ свое спасеніе.

ГЛАВА V

Распутинъ

Если я счелъ нужнымъ остановиться въ предыдущей главѣ на событияхъ, происшедшихъ еще до моего вступленія въ должность при Большомъ Дворѣ, то это потому, что они одни только могутъ дать понятіе о тѣхъ глубокихъ причинахъ, которыя сдѣлали возможнымъ появленіе Распутина и позволили ему пріобрѣсти такое большое вліяніе на Государыню.

Я хотѣлъ бы изложить здѣсь только факты, въ которыхъ я прямо былъ замѣшанъ и которыхъ былъ личнымъ свидѣтелемъ. Но ясность моего разсказа требуетъ иного. Я долженъ буду на послѣдующихъ страницахъ еще разъ отступить отъ правила, которому хотѣлъ бы слѣдовать. Для поясненія необходимо сообщить читателю нѣкоторыя подробности, относящіяся къ жизни и первымъ шагамъ Распутина, и постараться раскрыть среди массы легендъ, сложившихся вокругъ него, то, что представляется принадлежащимъ исторіи.

Въ какихъ нибудь 150 верстахъ на югъ отъ Тобольска стоитъ, затерявшись среди болотъ, тянувшихся вдоль рѣки Тобола, небольшое село Покровское. Тамъ родился Григорій Распутинъ. Его отца звали Ефимомъ. Какъ многие крестьяне того времени, онъ не имѣлъ фамиліи. Жители деревни, которой онъ не былъ уроженцемъ, дали ему, когда онъ къ нимъ переселился, прозвище „Новый“.

Его сынъ Григорій велъ въ своей молодости обыкновенную жизнь небогатыхъ крестьянъ этой области Сибири. Неблагородная почва часто заставляетъ поддерживать существование изворотливостью: такъ же, какъ и они, онъ высматривалъ, что плохо лежить, воровалъ... Однако онъ скоро отличился смѣлостью, которую проявлять въ этихъ предпріятіяхъ, а его распутство не замедлило создать ему славу беашабашнаго кутежника. Его уже иначе не знали, какъ подъ кличкой „Распутинъ“, которая какъ бы замѣнила ему фамилию.

Жители сибирскихъ деревень имѣютъ обыкновеніе отдавать лошадей въ наемъ путешественникамъ, проѣзжающимъ по ихъ мѣстности, а сами служить проводниками или кучерами. Однажды Распутину случилось везти въ Верхотурскій монастырь одного священника, который, заявившись къ немъ разговоръ, былъ пораженъ живостью его природныхъ дарованій. Своими вопросами онъ довелъ его до признанія въ его безпутной жизни, увѣщевалъ его посвятить Богу столь дурно примѣняемый имъ пыль. Эти убѣжденія проиавили на Григорія настолько сильное впечатлѣніе, что онъ, казалось, захотѣлъ бросить свою развратную и темную жизнь. Онъ долго прогостили въ Верхотурскомъ монастырѣ и стала съ тѣхъ поръ посѣщать святыя мѣста въ окрестностяхъ.

Вернувшись въ свою деревню, онъ показался совершенно измѣнившимся, и жители съ трудомъ узнавали въ этомъ суровомъ и сосредоточенномъ человѣкѣ прежняго забулдыгу, прославившагося столькими темными приключеніями. Его можно было видѣть странствующимъ изъ деревни въ деревню съ благими рѣчами на устахъ. Обладая необыкновенною памятью, онъ подкрѣплялъ свои рѣчи длинными текстами изъ священныхъ книгъ.

Народная довѣрчивость, которой онъ чрезвычайно ловко умѣль пользоваться, поспѣшила признать въ немъ пророка, одаренного сверхъестественными свойствами и имѣющаго силу творить чудеса. Для того, чтобы понять столь быстрое увлеченіе, надо отдать себѣ отчетъ въ той страшной силѣ внушенія, которою обладалъ Распутинъ, и въ легкости, съ которой народное русское воображеніе поддается прелести чудеснаго.

Добродѣтель новаго святого повидимому не въ силахъ была долго сопротивляться осаждавшимъ его плоть соблазнамъ, и вскорѣ онъ вновь впалъ въ свою беспорядочную жизнь. Правда, онъ теперь предавался сильному раскаянію въ своихъ грѣхахъ, но это не мѣшало ему начинать сызнова. Итакъ уже въ это время въ немъ была замѣтна та смѣсь мистицизма съ эротоманіей, которая впослѣдствіи сдѣлала изъ него столь опаснаго человѣка.

Несмотря на все это, слухъ о немъ все росъ и росъ. Къ нему обращались, его вызывали издалека не только въ Сибири, но и въ Россіи.

Его странствованія привели его, наконецъ, въ Петербургъ. Онъ познакомился тамъ въ 1905 году съ архимандритомъ Феофаномъ, ректоромъ духовной академіи, которому показалось, что онъ видѣтъ въ немъ проявленія искренней вѣры и очень большого смиренія, а также всѣ признаки божественнаго вдохновенія. Распутинъ черезъ его посредство былъ введенъ въ круги набожныхъ людей столицы, гдѣ ему уже предшествовалъ слухъ о немъ, какъ о пророкѣ. Онъ безъ труда воспользовался довѣріемъ людей, самая утонченность которыхъ усиливала ихъ склонность къ суевѣрю и дѣлала для нихъ тѣмъ болѣе притягательными черты простонародной набожности. Въ его естественной грубости усматривали лишь интерес-

ную простоту человѣка, вышедшаго изъ народа; были въ восторгѣ отъ „наивности“ этой простой души...

Распутинъ вскорѣ пріобрѣлъ огромное вліяніе на новыхъ поклонниковъ. Онъ сдѣлался обычнымъ за-всегдатаемъ нѣкоторыхъ гостиныхъ высшаго петербургскаго общества и даже былъ принятъ нѣкоторыми членами Императорской семьи, которые пѣли о немъ хвалебные гимны Императрицѣ. Большаго ему и не было нужно, чтобы сдѣлать послѣдній шагъ. Распутинъ былъ введенъ ко Двору черезъ приближенныхъ Ея Величества и по личной рекомендациіи архимандрита Феофана. Этотъ фактъ не слѣдуетъ забывать, ибо втеченіе многихъ лѣтъ онъ ограждалъ его отъ нападковъ его противниковъ.

Мы видѣли, какъ Распутинъ, воспользовавшись отчаяніемъ, наполнившимъ душу Императрицы, съумѣлъ связать свою жизнь съ жизнью Цесаревича и такимъ образомъ пріобрѣсть все большую власть надъ матерью. Каждый разъ его вмѣшательство какъ будто вызывало улучшеніе въ здоровыи ребенка и тѣмъ самымъ усиливало его обаяніе, увеличивая вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣру въ силу его заступничества.

Однако по прошествіи извѣстнаго времени Распутинъ какъ будто опьянялъ подъ вліяніемъ своего внезапнаго возвышенія. Онъ счелъ свое положеніе достаточно прочнымъ, бросилъ осторожность, которую соблюдалъ на первыхъ порахъ своего пребыванія въ Петербургѣ, и вновь сталъ предаваться излишествамъ. Но дѣлалъ онъ это съ большой ловкостью, такъ что долгое время вводилъ многихъ въ заблужденіе насчетъ своей личной жизни. Только мало по малу слухъ о его развратѣ сталъ распространяться и встрѣчать довѣrie. Сначала противъ старца раздалось лишь нѣсколько слабыхъ голосовъ, но вскорѣ къ нимъ присоединились болѣе

увѣренные и многочисленные голоса. Первою попробовала разоблачить при Дворѣ обманщика воспитательница Великихъ Княженъ, Тютчева. Ея усилія разбились о слѣпую вѣру Государыни. Среди обвиненій, которыхъ она возводила противъ Распутина, нашлись такія, которыхъ она въ порывѣ своего негодованія недостаточно про-вѣрила. Ихъ ложность бросилась въ глаза Императрицѣ. Видя свое полное безсиліе и желая снять съ себя отвѣтственность, Тютчева просила, чтобы Распутину былъ, по крайней мѣрѣ, запрещенъ входъ въ этажъ, гдѣ жили дѣти. Государь вмѣшался въ этотъ вопросъ, и Ея Величество уступила, но не потому, чтобы ея убѣжденіе было поколеблено, а изъ чувства миролюбія и снисхожденія къ Тютчевой, которую на ея взглядъ ослѣпляли ея узкое усердіе и самая ея преданность. Хотя я въ то время былъ только простымъ преподавателемъ Великихъ Княженъ — это происходило втеченіе зимы 1910—1911 года, — однако Тютчева*) сама держала меня въ курсѣ перипетій этой борьбы. Но я сознаюсь, что въ то время былъ еще далекъ отъ мысли допустить невѣроятные слухи, которые ходили насчетъ Распутина.

Въ мартѣ 1911 года оппозиція стала принимать все болѣе угрожающій характеръ, и старецъ счелъ болѣе осторожнымъ дать время улечься этой бурѣ и на нѣкоторое время исчезнуть. Онъ отправился на богомолье въ Іерусалимъ.

Когда осенью того же года онъ вернулся въ Петербургъ, волненіе не улеглось, и Распутину пришлось выдержать нападки одного изъ своихъ прежнихъ покровителей, епископа Гермогена. Послѣдній при помощи су-

*) Отношенія между Императрицей и Тютчевой никогда уже не были такими, какъ раньше, и она покинула свою службу весной 1912 года.

ровыхъ угрозъ исторгъ у него обѣщаніе не появляться болѣе при Дворѣ, гдѣ присутствіе его компрометировало Царскую семью. Едва успѣвъ отдѣлаться отъ натиска епископа, который дошелъ до того, что даже его ударилъ, Распутинъ побѣжалъ жаловаться своей большой покровительницѣ, почти нераалучной подругѣ Императрицы, госпожѣ Вырубовой. Епископъ былъ сосланъ въ монастырь.

Такъ же безцѣльны были усиія архимандрита Феофана, который не могъ утѣшиться, что нѣкогда самъ выступилъ какъ бы поручителемъ за высокую нравственность старца и своей личной рекомендацией ввель въ заблужденіе Царскую чету. Онъ пустить въ ходъ все, чтобы его разоблачить, но достигъ лишь своего удаленія въ Таврическую губернію.

Распутину удалось выставить обоихъ епископовъ интриганами. Послѣдніе хотѣли будто бы воспользоваться имъ, какъ орудіемъ, а теперь ревновали къ той благосклонности, которую онъ пріобрѣлъ, чувствуя, что не могутъ направить ее въ своихъ личныхъ видахъ, а потому желали вызвать его паденіе.

„Смиренный сибирскій мужикъ“ сталъ опаснымъ противникомъ, у которого полное отсутствіе совѣсти соединялось съ величайшею ловкостью. Прекрасно освѣдомленный и имѣя ставленниковъ какъ при Дворѣ, такъ и среди лицъ, окружающихъ министровъ, онъ старался предупредить появленіе на горизонтѣ каждого новаго врага, заранѣе ловко набрасывая на него тѣнь. Онъ предвѣщалъ подъ видомъ предсказаний нападки, которые будутъ противъ него направлены, остерегаясь однако слишкомъ точно обозначать своихъ противниковъ. Такимъ образомъ, когда противъ него готовился ударъ, въ рукѣ которая его направляла, оказывалось уже заранѣе при-

тупленное оружіе. Ему случалось часто заступаться за тѣхъ, кто на него клеветалъ, заявляя съ дѣланнымъ смиреніемъ, что эти испытанія необходимы для его спасенія. Слѣпому довѣрію, которое они сохранили къ нему до конца, способствовало то обстоятельство, что Государь и Государыня привыкли видѣть, какъ тѣ, кому они оказывали особое вниманіе, становились средоточіемъ интригъ, и какъ подъ нихъ подкапывались. Они знали, что достаточно выразить кому нибудь благосклонность, чтобы на него обрушились нападки завистниковъ. Вотъ почему они были убѣждены, что совершенно особое расположеніе, оказываемое ими темному мужику, должно было разнуздать противъ него всеобщую ненависть и зависть и сдѣлать его жертвой самыхъ худшихъ поклеповъ.

Тѣмъ временемъ скандалъ мало по малу сталъ переходить за предѣлы религіозныхъ круговъ, о немъ говорили, хотя еще и обиняками, въ политическихъ и дипломатическихъ сферахъ и на него намекали въ рѣчахъ въ Государственной Думѣ.

Весною 1912 года графъ Коковцевъ, бывшій тогда предсѣдателемъ Совѣта министровъ, рѣшился переговорить объ этомъ съ Государемъ. Это выступленіе было тѣмъ болѣе щекотливо, что до того времени влияніе Распутина давало себя чувствовать только въ церковныхъ кругахъ и въ средѣ Императорской семьи; это были двѣ области, въ которыхъ Царь неохотно допускалъ вмѣшательство министровъ. Государь не убѣдился доводами доклада, но поняль, что уступка общественному мнѣнію была необходима. Нѣсколько времени спустя послѣ отъѣзда Ихъ Величествъ въ Крымъ, Распутинъ покинулъ Петербургъ и направился въ Сибирь.

Тѣмъ не менѣе власть его была не изъ тѣхъ, которые уменьшаются отъ разстоянія. Напротивъ, послѣднее

могло только возвысить обаяние старца, способствуя его идеализации.

Какъ и въ прежнія его отлучки, между Покровскимъ и различными резиденциями Царской семьи втечение 1912 года происходилъ частый обмѣнъ телеграммами черезъ посредство г-жи Вырубовой.

Въ отсутствіи Распутинъ становился еще могущественнѣе, такъ какъ власть его была чисто психической и основывалась на вѣрѣ. Надъ тѣми, кто хочетъ вѣрить, власть иллюзіи безгранична: исторія человѣчества даетъ этому доказательства.

Но сколько страданій, какія ужасныя несчастія должны были произойти изъ за этого рокового ослѣпленія!

ГЛАВА VI

Жизнь въ Царскомъ Селѣ. — Мои ученики (зима 1913—1914 г.)

Никому иному, какъ Распутину, было приписано улучшеніе въ болѣани Алексѣя Николаевича, наступившее послѣ ужаснаго приступа гемофиліи, описаннаго мною выше.

Онъ произошелъ, если читатель припомнить, вскорѣ послѣ перемѣны режима, которую я отстаивалъ для Наслѣдника, и я невольно чувствовалъ себя отчасти отвѣтственнымъ за это. Я переживалъ очень сильную тревогу. Принявъ рѣшеніе, я, конечно, усматривалъ грозныя опасности, но считалъ себя въ силахъ съ ними бороться; однако испытаніе оказалось на дѣлѣ столь ужаснымъ, что я спрашивалъ себя, слѣдуетъ ли продолжать его.... А между тѣмъ у меня было ясное чувство, что этого требовала повелительная нѣобходимость.

Выздоровленіе бывало всякий разъ очень медленно. Послѣ двухъ мѣсяцевъ Государь и Государыня выказали рѣшимость, несмотря на рискъ, держаться уже избраннаго ими пути.

Хотя доктора Боткинъ *) и Деревенко были другого мнѣнія, однако они преклонились передъ волей родителей и мужественно согласились съ рѣшеніемъ, которое еще увеличивало трудности и безъ того уже столь тяжелой и неблагодарной задачи. Я искренно восхищался ихъ энергіей и самоотверженіемъ. Они всегда были на-

*) Докторъ Боткинъ, сынъ знаменитаго профессора Сергея Боткина, былъ придворнымъ врачомъ.

чеку въ постоянномъ ожиданіи возможнаго кризиса и, какъ только происходилъ новый несчастный случай, для нихъ начиналась борьба, тѣмъ болѣе страшная, что они знали недостаточность средствъ, которыми располагали. Когда, наконецъ, послѣ долгихъ безсонныхъ ночей, они имѣли радость видѣть маленькаго больного въ опасности, его выздоровленіе приписывалось не ихъ трудамъ, а чудесному вмѣшательству Распутина. Но отказалвшись отъ всякаго самолюбія, они находили поддержку въ чувствѣ глубокой жалости, которую испытывали при видѣ смертельной тревоги родителей и муки этого ребенка, который въ десятилѣтнемъ возрастѣ испыталъ больше страданій, чѣмъ люди, приблизившіеся къ предѣлу своей жизни.

Наше пребываніе въ Крыму затянулось дольше обыкновеннаго изъза болѣзни Алексѣя Николаевича, и мы вернулись въ Царское Село лишь въ декабрѣ. Мы провели тамъ всю зиму 1913—1914 года. Жизнь носила въ Царскомъ гораздо болѣе семейный характеръ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ пребыванія Царской семьи. Свита, за исключеніемъ дежурныхъ фрейлинъ и командира сводно-гвардейскаго полка *), не жила во дворцѣ, и Царская семья, кромѣ случаевъ посѣщенія родственниковъ, обыкновенно собиралась за столомъ безъ постороннихъ и совершенно запросто.

Уроки **) начинались въ 9 часовъ съ перерывомъ между 11 часами и полуднемъ. Мы выѣзжали на про-

*) Полкъ, несшій личную охрану Государя и составленный изъ частей всѣхъ другихъ полковъ гвардіи

**) Предметами обученія моего ученика въ это время были: языки — русскій и французскій, ариѳметика, исторія, географія и Законъ Божій. Онъ началъ изучать англійскій языкъ лишь позже и никогда не бралъ уроковъ нѣмецкаго языка.

гулку въ каретѣ, саняхѣ или автомобиль, затѣмъ занятія возобновлялись до завтрака, который происходилъ въ чась дня. Послѣ завтрака мы всегда проводили два часа на воздухѣ. Великія Княжны и Государь, когда бывалъ свободенъ, присоединялись къ намъ, и Алексѣй Николаевичъ веселился съ сестрами, спускаясь съ ледяной горы, которая была устроена на берегу небольшого искусственнаго озера. Онъ любилъ также играть со своимъ осломъ „Ванькой“, котораго запрягали въ маленькия санки, или со своей сабакой „Джой“ („Joy“), темно-коричневой болонкой на низкихъ лапкахъ съ длинными, падающими почти до полу шелковистыми ушами. Ванька былъ безподобное, умное и забавное животное. Когда Алексѣю Николаевичу захотѣли подарить осла, долго, но безрезультатно обращались ко всѣмъ барышникамъ въ Петербургѣ; тогда циркъ Чинизелли согласился уступить старого осла, который по дряхлости уже не годился для представлений. И вотъ такимъ образомъ „Ванька“ появился при Дворѣ, вполнѣ оцѣнивъ, повидимому, дворцовую конюшню. Онъ очень забавлялъ насъ, такъ какъ зналъ много самыхъ невѣроятныхъ фокусовъ. Онъ съ большой ловкостью выворачивалъ карманы въ надеждѣ найти въ нихъ сладости. Онъ находилъ особую прелесть въ старыхъ резиновыхъ мячикахъ, которые небрежно жевалъ, закрывъ одинъ глазъ, какъ старый янки. Эти два животныхъ играли большую роль въ жизни Алексѣя Николаевича, у котораго было очень немного развлечений. Онъ страдалъ главнымъ образомъ отъ отсутствія товарищѣй. Оба сына матроса Деревенко, его обычные сотоварищи въ играхъ, были гораздо моложе его и ни по образованію, ни по развитію ему не подходили. Правда, по воскресеньямъ и праздникамъ къ нему прїѣзжали двоюродные братья, но эти посѣщенія были рѣдки. Я нѣсколько разъ настаивалъ

передъ Императрицей на томъ, что это надо бы измѣнить. Были сдѣланы кое какія попытки въ этомъ смыслѣ, но онъ ни къ чему не привели. Правда, что болѣзнь Алексѣя Николаевича крайне затрудняла выборъ ему товарищѣ. Къ счастью, его сестры, какъ я уже говорилъ, любили играть съ нимъ; онъ вносили въ его жизнь веселье и молодость, безъ которыхъ ему было бы очень трудно.

Во время дневныхъ прогулокъ Государь, любившій много ходить, обыкновенно обходилъ паркъ съ одной изъ дочерей, но ему случалось также присоединяться къ намъ, и съ его помощью мы однажды построили огромную снѣговую башню, которая приняла видъ внушительной крѣпости и занимала насъ впродолженіе нѣсколькихъ недѣль.

Въ 4 часа мы возвращались, и уроки возвобновлялись до обѣда, который подавался въ семь часовъ для Алексѣя Николаевича и въ восемь — для остальныхъ членовъ семьи. Мы заканчивали день чтеніемъ вслухъ какой нибудь любимой имъ книги.

Алексѣй Николаевичъ былъ центромъ этой тѣсно сплоченной семьи, на немъ сосредоточивались всѣ привязанности, всѣ надежды. Сестры его обожали, и онъ былъ радостью своихъ родителей. Когда онъ былъ здоровъ, весь дворецъ казался какъ бы преображенныемъ; это былъ лучъ солнца, освѣщавшій и вещи, и окружающихъ. Счастливо одаренный отъ природы, онъ развивался бы вполнѣ правильно и равномѣрно, если бы этому не препятствовалъ его недугъ. Каждый кризисъ требовалъ недѣль, а иногда и мѣсяцевъ покоя, а когда кровотеченіе бывало болѣе обильно, то въ результатѣ наступало общее малокровіе, и ему часто на долгое время запрещалась всякая напряженная работа. Такимъ образомъ можно было использовать только промежутки

Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ

Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ со своей собакой „Джой“
на балконѣ Александровскаго дворца, Царское Село, сентябрь 1914 г.

между заболѣваніями, что, несмотря на живость его ума, крайне затрудняло его образованіе.

Великія Княжны были прелестны своей свѣжестью и здоровьемъ. Трудно было найти четырехъ сестеръ, столь различныхъ по характерамъ и въ то же время столь тѣсно сплоченныхъ дружбой. Посѣдняя не мѣшала ихъ личной самостоятельности и, несмотря на различие темпераментовъ, объединяла ихъ живой связью. Изъ начальныхъ буквъ своихъ именъ онѣ составили общее имя: „Отма“. Подъ этой общей подписью онѣ иногда дѣлали подарки или посыпали письма, написанныя одной изъ нихъ отъ имени всѣхъ четырехъ.

Я думаю, что всѣмъ будетъ понятно удовольствіе, которое я испытываю, отдаваясь здѣсь нѣкоторымъ личнымъ воспоминаніямъ. Это позволитъ мнѣ вызвать вновь къ жизни во всей полнотѣ непосредственности и жизнерадостности ихъ молодости, я бы сказалъ, почти дѣтства. — этихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ стали жертвами самаго ужаснаго рока въ ту пору, когда для другихъ въ ихъ годы наступаетъ расцвѣтъ.

Старшая, Ольга Николаевна, обладала очень живымъ умомъ. У нея было много разсудительности и въ то же время непосредственности. Она была очень самостоятельного характера и обладала быстрой и забавной находчивостью въ отвѣтахъ. Вначалѣ мнѣ было не такъ то легко съ нею, но послѣ первыхъ стычекъ между нами установились самыя искреннія и сердечныя отношенія.

Она все схватывала съ удивительной быстротой и умѣла придать усвоенному оригинальный оборотъ. Я вспоминаю, между прочимъ, какъ на одномъ изъ нашихъ первыхъ уроковъ грамматики, когда я объяснялъ ей спряженія и употребленіе вспомогательныхъ глаголовъ,

она прервала меня вдругъ восклицаніемъ: „Ахъ, я поняла, вспомогательные глаголы — это прислуга глаголовъ; только одинъ несчастный глаголь „имѣть“ долженъ самъ себѣ прислуживать!“...

Она много читала виѣ уроковъ. Когда она стала старше, всякий разъ какъ я давалъ ей книгу, подъ предлогомъ трудности текста или незначительности интереса, который онъ представлялъ, я отмѣчалъ на поляхъ мѣста или главы, которыя она должна была пропускать, съ тѣмъ, чтобы потомъ вкратцѣ передать ей ихъ содержаніе. Я дѣлалъ такъ изъ предосторожности.

Однажды одно упущеніе съ моей стороны доставило мнѣ одну изъ непріятнѣйшихъ минутъ моей педагогической карьеры, но, благодаря находчивости Государя, все окончилось лучше, чѣмъ я могъ ожидать.

Ольга Николаевна читала „Les Misérables“ Виктора Гюго и дошла до описанія битвы подъ Ватерло. Въ началѣ урока она передала мнѣ какъ всегда списокъ словъ, которыя она не поняла. Каковъ же былъ мой ужасъ, когда я увидѣлъ выписаннѣмъ слово, создавшее славу героя, командовавшаго гвардіей! Я былъ увѣренъ, что соблюль всѣ предосторожности... Я попросилъ книгу, чтобы провѣрить свои отмѣтки, и убѣдился въ своей непростительной забывчивости. Чтобы избѣжать щекотливаго объясненія, я вычеркнулъ злосчастное слово и вернулъ ей листокъ. Ольга Николаевна воскликнула:

— „Каково! Вы вычеркнули слово, смыслъ котораго я вчера спрашивала у папа!“

Если бы молнія, упала у моихъ ногъ, она не произвела бы во мнѣ большаго потрясенія.

— „Какъ, вы...“

— „Ну да, и онъ сначала меня спросилъ, откуда я знаю это слово, а потомъ сказалъ, что это очень сильное

Anastasia

Великія Княжни

выраженіе, которое повторять не надо, но что въ устахъ генерала, его сказавшаго, оно было въ ту минуту самымъ прекраснымъ словомъ французского языка.“

Нѣсколько часовъ спустя я встрѣтилъ Государя на прогулкѣ въ паркѣ; онъ отозвалъ меня всторону и сказалъ мнѣ самымъ серьезнымъ голосомъ:

— „Вы однако обучаете моихъ дочерей странному подбору словъ!“

Я запутался въ смущенныхъ объясненіяхъ, но Государь расхохотался и перебилъ меня:

— „Бросьте, не смущайтесь, я отлично понялъ все, что произошло, и сказалъ моей дочери, что это страница славы французской арміи.“

Татьяна Николаевна, отъ природы скрѣе сдержанная, обладала волей, но была менѣе откровенна и непосредственна, чѣмъ старшая сестра. Она была также менѣе даровита, но искупала этотъ недостатокъ большей послѣдовательностью и ровностью характера. Она была очень красива, хотя не имѣла прелесті Ольги Николаевны.

Если только Императрица дѣлала разницу между дочерьми, то ея любимицей была Татьяна Николаевна. Не то, чтобы ея сестры любили мать меньше нея, но Татьяна Николаевна умѣла окружать ее постоянной заботливостью и никогда не позволяла себѣ показать что она не въ духѣ. Своей красотой и природнымъ умѣньемъ держаться, она въ обществѣ затемняла сестру, которая меньше занималась своей особой и какъ то стушевывалась. Тѣмъ не менѣе эти обѣ сестры нѣжно любили другъ друга; между ними было только полтора года разницы, что естественно ихъ сближало. Ихъ звали „большія“, тогда какъ Марію Николаевну и Анастасію Николаевну продолжали звать „маленькия“.

Марія Николаевна была красавицей, крупной для своего возраста. Она блистала яркими красками и здоровьем; у нея были большие чудные сѣрые глаза. Вкусы ея были очень скромны; она была воплощенной сердечностью и добротой; сестры, можетъ быть, немного этимъ пользовались и звали ѝ „le bon gros Toutou“ („добрый толстый Туту“*); это прозвище ей дали за ея добродушную и немного мѣшковатую услужливость.

Анастасія Николаевна была, наоборотъ, большая шалунья и не безъ лукавства. Она во всемъ быстро схватывала смѣшные стороны; противъ ея выпадовъ трудно было бороться. Она была баловница, недостатокъ отъ котораго она исправилась съ годами. Очень лѣнивая, какъ это бываетъ иногда съ очень способными дѣтьми, она обладала прекраснымъ произношеніемъ французскаго языка и разыгрывала маленькия театральныя сцены съ настоящимъ талантомъ. Она была такъ весела и такъ умѣла разогнать морщины у всякаго, кто быль не въ духѣ, что нѣкоторые изъ окружающихъ стали, вспоминая прозвище, данное ея матери при англійскомъ дворѣ, звать ѝ „Sunshine“ — „Солнечный лучъ“.

Въ общемъ, трудно опредѣлимая прелестъ этихъ четырехъ сестеръ, состояла въ ихъ большой простотѣ, естественности, свѣжести и врожденной добротѣ.

Мать, которую онѣ обожали, была въ ихъ глазахъ какъ бы непогрѣшима; одна Ольга Николаевна имѣла иногда поползновенія къ самостоятельности. Онѣ были полны очаровательной предупредительности по отношенію къ ней. Съ общаго согласія и по собственному почину, онѣ устроили очередное дежурство при матери. Когда

*.) Трудно переводимое выраженіе, всего ближе передаваемое словами: „добрый толстый тютъка“, употребляемыми для ласкательного обозначенія маленькаго щеночка.

Императрицъ нездоровилось, та, которая въ этотъ день исполняла эту дочернюю обязанность, беавыходно оставалась при ней.

Ихъ отношенія съ Государемъ были прелестны. Онъ былъ для нихъ одновременно Царемъ, отцомъ и товарищемъ.

Чувства, испытываемыя ими къ нему, видоизмѣнялись въ зависимости отъ обстоятельствъ. Онъ никогда не ошибались, какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ относиться къ отцу и какое выраженіе данному случаю подобаетъ. Ихъ чувство переходило отъ религіознаго поклоненія до полной довѣрчивости и самой сердечной дружбы Онъ вѣдь былъ для нихъ то тѣмъ, передъ которымъ почтительно преклонялись министры, высшіе церковные іерархи, Великіе Князья и сама ихъ мать, то отцомъ, сердце которого съ такой добротой раскрывалось навстрѣчу ихъ заботамъ или огорченіямъ, то на конецъ тѣмъ, кто вдали отъ нескромныхъ глазъ умѣль при случаѣ такъ весело присоединиться къ ихъ молодымъ забавамъ.

Исключая Ольгу Николаевну, Великія Княжны были довольно посредственными ученицами. Это отчасти происходило отъ того, что несмотря на мои неоднократныя просьбы, Императрица не захотѣла взять французскую гувернантку, не желая, очевидно, видѣть кого нибудь между собой и дочерьми. Въ итогѣ получилось то, что, читая по французски и любя французскій языкъ, онъ никогда не научились на немъ свободно говорить *).

*) Ея Величество говорила съ ними по англійски, Государь — исключительно по русски. Съ окружающими Императрица говорила или по французски, или по англійски; она говорила по русски послѣднее время довольно свободно, но только съ тѣми, кто не зналъ другихъ языковъ. Втеченіе всего времени, что я жилъ

Причиной нѣсколько небрежнаго воспитанія ея дочерей было болѣзненное состояніе здоровья Императрицы. Болѣзнь Алексея Николаевича мало по малу истощила ея силы. Въ минуты кризисовъ, она расходовала ихъ безъ счета, съ изумительной энергией и мужествомъ. Но какъ только опасность проходила, природа предъявляла свои права; она недѣлями лежала на кушеткѣ, подорвавъ свои силы перенесеннымъ напряженіемъ. Ольга Николаевна не оправдала надеждъ, которыя я возлагалъ на нее. Ея живой умъ не находилъ въ окружавшей ее обстановкѣ необходимыхъ элементовъ для своего развитія и вместо того, чтобы расцвѣсть, скорѣе блекнулъ. — Остальные сестры никогда не проявляли особаго вкуса къ занятіямъ и были скорѣе одарены практическими качествами.

Обстоятельства рано пріучили всѣхъ четырехъ довольноствоваться самими собой и своею природной веселостью. Какъ мало молодыхъ дѣвушекъ безъ ропота удовольствовалось бы такимъ образомъ жизни, лишеннымъ всякихъ внѣшнихъ развлечений. Единственную отраду его представляла прелесть тѣсной семейной жизни, вызывающей въ наши дни такое пренебреженіе.

общей жизнью съ Императорской семьей, мнѣ ни разу не привѣлось слышать, чтобы кто либо изъ ея членовъ говорилъ по нѣмецки иначе, какъ вынужденный обстоятельствами: во время приемовъ, съ приглашенными и т. д.

ГЛАВА VII

Вліяніе Распутина. — Вырубова. — Мои воспитательскія недоумѣнія
(зима 1913—1914, продолженіе.)

Въ то время, какъ болѣзнь Цесаревича тяжкимъ бременемъ угнетала Царскую семью, и расположение къ Распутину, поддерживаемое тревогой, продолжало усиливаться, дни шли въ Царскомъ Селѣ своимъ обычнымъ чередомъ.

Я былъ тогда еще очень плохо освѣдомленъ насчетъ старца и пытался всѣми способами найти указанія, на которыхъ могъ бы обосновать вѣрное сужденіе о немъ; личность его меня сильно интриговала. Однако это было нелегко. Дѣти не только никогда не говорили со мною о Распутинѣ, но даже избѣгали въ моемъ присутствіи всякаго намека, который могъ бы обнаружить его существованіе. Я понималъ, что они дѣйствовали такъ по приказанію матери. Императрица боялась, вѣроятно, что я, какъ иностранецъ и не православный, не въ состояніи понять чувство, которое она и ея семья питали къ старцу и которое заставляло ихъ чтить его, какъ святого. Принуждая моихъ ученицъ къ молчанію, она предоставляла мнѣ возможность игнорировать Распутина или давала понять свое желаніе, чтобы я держалъ себя, какъ человѣкъ, ничего о немъ не знающей; она предупреждала такимъ образомъ всякую возможность съ моей стороны вооружиться противъ человѣка, самое имя которого предполагалось мнѣ неизвѣстнымъ.

Я могъ убѣдиться, впрочемъ, какъ ничтожна была роль Распутина въ жизни Алексія Николаевича. Докторъ Деревенко нѣсколько разъ рассказывалъ мнѣ забавныя разсужденія Цесаревича насчетъ Распутина. Личность его занимала его дѣтское воображеніе и возбуждала его любопытство, но вліянія на него Распутинъ не имѣлъ никакого.

Послѣ выступленія Тютчевой Распутинъ никогда не поднимался въ комнаты Великихъ Княженъ и заходилъ къ Алексію Николаевичу лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Очевидно боялись моей встрѣчи съ нимъ, потому что комнаты, которыя я занималъ во дворцѣ, были смежны съ помѣщеніемъ Цесаревича. Отъ приставленныхъ къ нему служащихъ я требовалъ отчета обо всѣхъ мелочахъ, касавшихся жизни Цесаревича, и такимъ образомъ эти встречи не могли состояться безъ моего вѣдома*).

Дѣти видали Распутина у своихъ родителей, но его посѣщенія дворца были уже очень рѣдки. Проходили часто недѣли, а иногда и мѣсяцы безъ того, чтобы его позвали. Все больше и больше входило въ привычку приглашать его къ г-жѣ Вырубовой, жившей въ маленькому домикѣ совсѣмъ близко отъ Александровскаго дворца.

Государь и Наслѣдникъ туда почти никогда не ходили, и даже тамъ встрѣчи происходили всегда съ довольно большими промежутками.

Какъ я уже выше сказалъ, г-жа Вырубова служила посредницей между Императрицей и Распутинымъ; она

*) Я узналь, такимъ образомъ, что съ 1-го января 1914 года до дня своей смерти, въ декабрѣ 1916 года, Распутинъ былъ у Алексія Николаевича всего три раза.

передавала старцу письма и приносила во дворецъ отвѣты, всего чаще устные.

Отношения между Ея Величествомъ и Вырубовой были очень близки, можно сказать, что не проходило дня, когда она не побывала бы у Императрицы. Эта дружба восходила къ давнимъ годамъ. Г-жа Вырубова вышла замужъ очень молодой. Ея мужъ, человѣкъ порочный, закоренѣлый пьяница, стѣумѣль съ самаго начала вызвать въ ней лишь глубокое отвращеніе*). Они разошлись, и г-жа Вырубова старалась найти примиреніе и утѣшеніе въ религіи. Несчастіе сблизило ее съ Императрицей, которая сама испытала страданія, и которую всегда притягивало чужое горе; она любила утѣшать другихъ, ею овладѣла жалость къ молодой женщинѣ, на долю которой выпало такое тяжелое испытаніе; она приблизила ее и привязала ее къ себѣ на всю жизнь той добротой, которую она ей выказала.

Сентиментальная и склонная отъ природы къ мистицизму, г-жа Вырубова воспылала къ Императрицѣ безпредѣльной преданностью, которая была опасна благодаря своей пламенности, лишавшей ее яснаго сознанія дѣйствительности. Императрица въ свою очередь все болѣе и болѣе поддавалась этой столь страстной и искренней преданости. Будучи цѣльной по природѣ въ своихъ привязанностяхъ, она не допускала, чтобы ей можно было принадлежать не цѣликомъ. Она дарила своей дружбой лишь тѣхъ, въ господствѣ надъ кѣмъ была увѣрена. На ея довѣріе надо было отвѣтить, отдавая ей всю душу. Она не понимала, какъ неосторожно было поощрять выраженія такой фанатичной преданности.

*.) Свѣдѣнія о г. Вырубовѣ, полученные г. Жильяромъ, вѣроятно, изъ пристрастного источника, не соответствуютъ, насколько известно издантельству, дѣйствительности. Прим. издантельства.

Г-жа Вырубова сохранила складъ души ребенка; ея неудачные опыты жизни чрезмѣрно повысили ея чувствительность, не сдѣлавъ ея сужденія болѣе зрѣлыми. Лишенная ума и способности разбираться въ людяхъ и обстоятельствахъ, она поддавалась своимъ импульсамъ; ея сужденія о людяхъ и событияхъ были не продуманы, но въ той же мѣрѣ не допускали возраженій. Одного впечатлѣнія было достаточно, чтобы у нея составилось убѣжденіе — ограниченное и дѣтское; она тотчасъ распредѣляла людей по произведеному ими впечатлѣнію на „добрыхъ“ и „дурныхъ“, иными словами на „друзей“ и „враговъ“.

Не руководясь никакимъ личнымъ расчетомъ, но изъ искренняго чувства къ Царской семье, и искренняго желанія прйті ей на помощь, г-жа Вырубова старалась освѣдомлять Императрицу, располагать ее въ пользу тѣхъ, къ кому она имѣла предпочтеніе, или противъ тѣхъ, кто вызывалъ ея предубѣжденіе, и черезъ Императрицу вліять на рѣшенія Двора*). На самомъ дѣлѣ она была столь же послушнымъ, сколь безсознательнымъ и вреднымъ орудіемъ въ рукахъ кучки беззастѣнчивыхъ людей, которые пользовались ею для своихъ происковъ. Она не въ состояніи была имѣть ни собственной политики, ни продуманныхъ видовъ, неспособна была даже разгадать игру тѣхъ, которые ею пользовались. Будучи безвольна,

* Чрезвычайная слѣдственная комиссія, назначенная Керенскимъ, установила ложность клеветы, распространенной насчетъ ея отношений съ Распутинымъ.

Данныя по этому вопросу установлены въ докладѣ В. М. Руднева, одного изъ членовъ этой комиссіи, напечатанномъ подъ заглавіемъ: „Правда о Царской семье“, Парижъ, 1920 г.

Приводимые имъ факты были подтверждены миѣ во время нашего плененія въ Царскомъ Селѣ полковникомъ Коровиченко, о которомъ дальше будетъ рѣчь.

она всецѣло отдалась вліянію Распутина и стала самой твердой опорой его при Дворѣ.

Мнѣ не приходилось видѣть старца съ тѣхъ поръ, что я жилъ во дворцѣ, но однажды, собираясь выходить, я встрѣтился съ нимъ въ передней. Я успѣль разсмотрѣть его, пока онъ снималъ свою шубу. Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ изможденнымъ лицомъ, съ очень острымъ взглядомъ сѣро-синихъ глазъ изъ подъ всклокоченныхъ бровей. У него были длинные волосы и большая мужицкая борода; на немъ въ этотъ день была голубая шелковая рубашка, стянутая у пояса, широкіе шаровары и высокіе сапоги.

Эта встрѣча, которая больше никогда не повторялась, оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе, которое невозможно опредѣлить; въ тѣ нѣсколько мгновеній, когда наши взгляды встрѣтились, у меня было ясное сознаніе, что я нахожусь въ присутствіи зловреднаго и смущающаго душу существа.

Тѣмъ временемъ проходили мѣсяцы, и я съ радостью убѣждался, что мой ученикъ дѣлаетъ успѣхи. Онъ привязался ко мнѣ, старался заслужить довѣріе, которое я ему выказывалъ. Мнѣ приходилось еще много бороться съ его лѣнностью, но сознаніе, что та доля свободы, которою онъ пользовался, зависѣла всецѣло отъ того, какъ онъ ею будетъ располагать, подстрекало его энергию и укрѣпляло его волю. Къ счастью, зима прошла благополучно. Послѣ Ливадіи не было больше тяжелыхъ приступовъ болѣзни.

Я отлично зналъ, что это только передышка, но видѣль въ Алексѣѣ Николаевичѣ серьезное старанье сдерживать свою порывистую и живую натуру, которая такъ часто, увы, была причиной несчастныхъ случаевъ, и я себя спрашивалъ, не найду ли я въ этой болѣзни,

столь опасной въ другихъ отношеніяхъ, союзника, который заставитъ мало по малу ребенка научиться владѣть собою и закалить его характеръ.

Все это служило мнѣ большимъ успокоеніемъ, но я, однако, не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзій насчетъ огромныхъ трудностей моей задачи. Я понималъ яснѣ, чѣмъ когда либо, насколько условія среды мѣшали успѣху моихъ стараній. Мнѣ приходилось бороться съ подобо-страстіемъ прислуги и нелѣпымъ преклоненіемъ нѣкоторыхъ изъ окружающихъ. И я былъ даже очень удивленъ, видя какъ природная простота Алексея Николаевича устояла передъ этими неумѣренными восхваленіями.

Я помню, какъ депутація крестьянъ одной изъ центральныхъ губерній Россіи пришла однажды поднести подарки Наслѣднику Цесаревичу. Троє мужчинъ, изъ которыхъ она состояла, по приказу отданному шопотомъ боцманомъ Деревенко, опустились на колѣни передъ Алексѣемъ Николаевичемъ, чтобы вручить ему свои подношения. Я замѣтилъ смущеніе ребенка, который багрово покраснѣлъ. Какъ только мы остались одни, я спросилъ его, пріятно ли ему было видѣть этихъ людей передъ собою на колѣняхъ.

— „Ахъ нѣтъ! но Деревенко говорить, что такъ полагается!“

— „Это вздоръ! Государь самъ не любить, чтобы передъ нимъ становились на колѣни. Зачѣмъ вы позволяете Деревенко такъ поступать?“

— „Не знаю... я не смѣю.“

Я переговорилъ тогда съ боцманомъ, и ребенокъ былъ въ восторгѣ, что его освободили отъ того, что было для него настоящею непріятностью.

Цесаревичъ жнетъ рожь, посъянную имъ въ паркѣ.
Петергофъ, лѣто 1913 г.

Но еще болѣе существенными обстоятельствами были его одиночество и неблагопріятныя условія, въ которыхъ протекало его воспитаніе. Я отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что это почти роковымъ образомъ должно быть такъ; что воспитаніе каждого царственного ребенка клонится къ тому, чтобы сдѣлать изъ него существо одностороннее, которое въ концѣ концовъ оказывается далекимъ отъ жизни благодаря тому, что въ своей юности онъ не былъ подчиненъ общему закону. Обученіе, которое онъ получаетъ, можетъ быть только искусственнымъ, тенденціознымъ и догматическимъ, оно часто принимаетъ черты безусловности и непримиримости катехизиса. Это происходитъ по многимъ причинамъ: отъ выбора преподавателей, отъ того, что они ограничены въ самой свободѣ своихъ выражений имъ приходится считаться съ условностями данной среды и съ исключительнымъ положеніемъ своего воспитанника, наконецъ, съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ очень ограниченное число лѣтъ они должны пройти обширную программу. Это неизбѣжно побуждаетъ преподавателей прибѣгать къ формуламъ; они ограничиваются недоказанными утвержденіями и не думаютъ о томъ, чтобы пробудить въ своемъ ученикѣ духъ изысканія, анализа и способности сравненія, а только о томъ, чтобы устранить все, что могло бы породить въ немъ несвоевременную любознательность и наклонность познать все, что лежитъ въ положенныхъ рамокъ.

Кромѣ того ребенокъ, воспитанный въ этихъ условіяхъ, лишенъ одного элемента, который играетъ решающую роль въ образованіи его сужденій: ему всегда недостаетъ познаній, приобрѣтенныхъ въ урокахъ, дающихъся самой жизнью, свободнымъ общеніемъ съ себѣ подобными и различными, и порой противорѣчивыми вліяніями

людей разной среды, недостает непосредственного наблюдения, подлинного соприкосновения съ людьми и условіями жизни, словомъ всего того, что съ течениемъ годовъ развиваетъ критический умъ и пониманіе дѣйствительности.

При такихъ условіяхъ надо, чтобы человѣкъ былъ одаренъ исключительными способностями, чтобы достигнуть яснаго взгляда на жизнь, правильнаго мышленія и твердаго управлениія своею волей. Между нимъ и жизнью — непроницаемыя перегородки: онъ не можетъ понять того, что творится за стѣной, на которой рисуютъ для его забавы и развлечениія обманчивыя картины.

Все это меня сильно озабочивало, но я зналъ, что въ конечномъ итогѣ не мнѣ выпадетъ обязанность исправлять, въ предѣлахъ возможнаго, эти отрицательныя стороны и неблагопріятнаго условія. Въ русской Императорской сем'ѣ существовалъ обычай приставлять къ Наслѣднику Цесаревичу, когда ему наступалъ одиннадцатый годъ, воспитателя, обязаннаго руководить его образованіемъ и воспитаніемъ. Его выбирали преимущественно изъ среды военныхъ, педагогическая карьера которыхъ, казалось, подготовляла ихъ къ этой тяжелой по своей отвѣтственности задачѣ. Всего чаще ее поручали какому нибудь генералу, бывшему начальнику одного изъ военныхъ учебныхъ заведеній. Это была должность, которой очень добивались ввиду сопряженныхъ съ нею преимуществъ, а главное ввиду вліянія, которое можно было пріобрѣсти на Наслѣдника Цесаревича, вліянія, которое часто оставалось значительнымъ въ первые годы его царствованія.

Выборъ этого воспитателя имѣлъ огромное значеніе; отъ него должно было зависѣть направленіе всего дальнѣйшаго воспитанія Алексѣя Николаевича, и я не безъ тревоги ожидалъ этого назначенія.

ГЛАВА VIII

Путешествія въ Крымъ и Румынію. — Посѣщеніе Президента Пуанкарэ. — Объявленіе войны Германіей

(апрѣль — юнь 1914 г.)

Весной 1914 года Императорская семья, какъ и въ предыдущіе годы, уѣхала въ Крымъ. 13 апрѣля въ яркій, чудный день мы прибыли въ Ливадію. Насъ ослѣпило солнце, въ лучахъ котораго утопали скалистые утесы, возвышавшіеся отвѣсно надъ моремъ, маленькая татарскія деревушки, наполовину вросшія въ обнаженные скаты горъ, и ярко-блѣдныя мечети, которыхъ своимъ блескомъ, выдѣлялись на фонѣ старыхъ кипарисовъ, обрамляющихъ кладбища. Контрастъ съ тѣмъ, что мы только что покинули, былъ такъ рѣзокъ, что этотъ пейзажъ, хотя и хорошо намъ знакомый, представлялся намъ чѣмъ то сказочнымъ и волшебнымъ въ своей дивной красотѣ и переливахъ свѣта.

Эти прїезды весною въ Крымъ доставляли намъ чудный послѣ отдыхъ безконечныхъ петербургскихъ зимъ, и мы имъ радовались за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ.

Подъ предлогомъ устройства на новомъ мѣстѣ занятія на первые дни были прекращены, и мы пользовались этимъ временемъ, чтобы наслаждаться во всю этой дивной природой. Затѣмъ возобновились правильные уроки. Мой сотоварищъ г. Петровъ сопровождалъ насъ, какъ и въ предыдущіе прїезды.

Здоровье Алексія Николаевича за послѣдніе мѣсяцы значительно улучшилось, онъ выросъ и пріобрѣлъ здоровый видъ, что вызывало общую радость.

8 мая, чтобы доставить удовольствие сыну, Государь рѣшилъ воспользоваться днемъ, который обѣщалъ быть особенно хорошимъ, и подняться до „Красного камня“. Мы поѣхали въ автомобилѣ: Государь, Наслѣдникъ, одинъ изъ офицеровъ со „Штандарта“ и я. Боцманъ Деревенко и дежурный казакъ Государя слѣдовали за нами въ другомъ автомобиль. Мы поднялись мало по малу чудными сосновыми лѣсами по откосамъ горъ Яйлы. Громадные мѣдно-красные стволы сосенъ, покрытые сѣрымъ налетомъ, стройно и гордо поднимались къ своимъ похожимъ на зеленые куполы верхушкамъ. Мы довольно быстро достигли цѣли нашей поѣздки: большого, господствующаго надъ долиной утеса, по цвѣту которого можно было подумать, что онъ заржавѣлъ отъ времени.

День былъ такъ хороший, что Государь рѣшилъ продолжать прогулку. Мы перевалили черезъ сѣверный склонъ Яйлы. Тамъ были еще большія снѣжныя поля, и Алексѣю Николаевичу доставило большое удовольствие скользить по снѣгу. Онъ бѣгалъ вокругъ насъ, игралъ, шалилъ, катался въ снѣгу, падалъ и вновь подымался, чтобы снова упасть черезъ минуту. Никогда, казалось, живость его природы и радость жизни не проявлялись въ немъ съ такой силой. Государь съ очевидной радостью слѣдилъ за прыжками Алексѣя Николаевича; видно было, что онъ глубоко счастливъ, видя, что его сыну вернулись, наконецъ, здоровье и силы, которыхъ онъ такъ долго былъ лишенъ. Но страхъ возможнаго ушиба не покидалъ его, и онъ отъ времени до времени окликалъ ребенка, чтобы угомонить его рѣвность. Недугъ Наслѣдника причинялъ ему глубокое страданіе и непрерывныя заботы, хотя онъ объ этомъ никогда не говорилъ.

День клонился къ вечеру, и мы съ сожалѣніемъ пустились въ обратный путь. Государь былъ всю дорогу

Прогулка на „Красный камень“ 8 мая. Пребываніе въ Крыму весною 1914 г.

Императрица и Цесаревич во внутреннемъ дворѣ
Ливадийскаго дворца. Крымъ, осень 1913 г.

очень весель; создавалось впечатлѣніе, что этотъ свободный день, посвященный сыну, доставилъ ему большое наслажденіе. Онъ вырвался на одинъ день изъ атмосферы заботъ, связанныхъ съ его монаршимъ ремесломъ, и изысканной предупредительности окружающихъ. Благодаря тому, что эта маленькая экскурсія была совершена неожиданно, ему удалось даже обмануть бдительность дворцовой полиціи, присутствіе которой онъ всегда угадывалъ вокругъ себя, хотя она работала весьма незамѣтно; онъ ненавидѣлъ ее. Одинъ разъ, по крайней мѣрѣ, ему дано было пожить, какъ простому смертному, и казалось, что первы его успокоились, и онъ отдохнулъ.

Въ обыкновенное время Государь видѣлъ своихъ дѣтей довольно мало; его занятія и требованія придворной жизни мѣшали ему отдавать имъ все то время, которое онъ хотѣлъ бы имъ посвятить. Онъ всецѣло передалъ Императрицѣ заботу о ихъ воспитаніи и въ рѣдкія минуты близости съ ними любилъ безъ всякой задней мысли, съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ наслаждаться ихъ присутствіемъ. Онъ старался тогда отстранить отъ себя всѣ заботы, сопряженныя съ той громадной отвѣтственностью, которая тяготѣла надъ нимъ; онъ старался забыть на время, что онъ Царь, и быть только отцомъ.

Никакое сколько нибудь важное событие не нарушило нашей однообразной жизни втеченіе слѣдующихъ недѣль.

Въ концѣ мая мѣсяца при Дворѣ разнесся слухъ о предстоящемъ обрученіи Великой Княжны Ольги Николаевны съ принцемъ Карломъ Румынскимъ*). Ей было тогда восемнадцать съ половиною лѣтъ. Родители, съ обѣихъ сторонъ, казалось, доброжелательно относились

*) Текущий румынский наследникъ престола.

къ этому предположенію, которое политическая обстановка дѣлала желательнымъ. Я зналъ также, что министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы оно осуществилось, и что окончательное рѣшеніе должно было быть принято во время предстоявшей вскорѣ поѣздки русской Императорской семьи въ Румынію.

Въ началѣ юля, когда мы были однажды наединѣ съ Ольгой Николаевной, она вдругъ сказала мнѣ со своей ей прямотой, проникнутой той откровенностью и довѣрчивостью, которая позволяли наши отношенія, начавшіяся еще въ то время, когда она была маленькой дѣвочкой:

— „Скажите мнѣ правду, вы знаете почему мыѣдемъ въ Румынію?“

Я отвѣтилъ ей съ нѣкоторымъ смущеніемъ:

— „Думаю, что это актъ вѣжливости, которую Государь оказываетъ Румынскому королю, чтобы отвѣтить на его прежнее посѣщеніе.“

— „Да, это быть можетъ официальный поводъ, но настоящая причина... Ахъ, я понимаю, вы не должны ее знать, но я увѣрена, что всѣ вокругъ меня обѣ этомъ говорятъ, и что вы ее знаете.“

Когда я наклонилъ голову въ знакъ согласія, она прибавила:

— „Ну такъ вотъ! Если я этого не захочу, этого не будетъ. Папа мнѣ обѣщалъ не принуждать меня... а я не хочу покидать Россію.“

— „Но вы будете имѣть возможность возвращаться сюда всегда, когда вамъ это будетъ угодно.“

— „Несмотря на все, я буду чужой въ моей странѣ, а я русская и хочу остаться русской!“

13 юна мы отплыли изъ Ялты на Императорской яхтѣ „Штандартъ“ и на слѣдующій день утромъ по-

дошли къ Констанцѣ, большому румынскому порту на Черномъ морѣ, гдѣ должны были произойти торжества.

На набережной у пристани рота пѣхоты со знаменемъ и музыкой отдавала воинскія почести, въ то время какъ артиллерійская батарея, помѣщенная на плоскогоріи, господствующемъ надъ портомъ, произвѣдила установленный салютъ. Всѣ суда на рейдѣ были расцвѣчены флагами.

Ихъ Величества были встрѣчены старымъ королемъ Карломъ, королевой Елизаветой (Карменъ-Сильва) и принцами и принцессами королевскаго дома. Послѣ обычныхъ представлений, всѣ отбыли въ соборъ, гдѣ Нижне-Дунайскимъ епископомъ былъ отслуженъ молебенъ. Въ часть дня, пока предсѣдатель совѣта министровъ угощалъ лицъ свиты, члены обѣихъ Царственныхъ семей собирались за интимнымъ завтракомъ. Онъ былъ поданъ въ павильонѣ, построенномъ по желанию Карменъ-Сильвы въ самомъ концѣ мола. Это было одно изъ ея любимыхъ мѣстопребываній; ежегодно она подолгу живала тамъ. Она любила цѣлыми часами „слушать море“ на этой террасѣ, которая, казалось, повисла между небомъ и волнами, и гдѣ только морскія птицы нарушали ея одиночество.

Среди дня Ихъ Величества угощали чаемъ на „Штандартѣ“ и присутствовали затѣмъ на большомъ военному парадѣ.

Вечеромъ, въ 8 часовъ, всѣ вновь собирались на парадный обѣдъ въ красивой залѣ, построенной для этого случая. Общий видъ ея былъ очаровательный, стѣны и потолокъ — бѣлые, лѣпной работы, усыпанные маленькими электрическими лампочками, со вкусомъ расположеннымы; зеленая растенія и цветы въ красивомъ

сочетаніи — все это давало общее впечатлѣніе красокъ и линий, пріятныхъ для глазъ.

Государь, имѣя по правую руку отъ себя королеву Елизавету, а по лѣвую принцессу Марію*), сидѣлъ въ центрѣ длиннаго стола, за которымъ помѣстились 84 приглашенныхъ. Императрица сидѣла противъ него между королемъ Карломъ и принцемъ Фердинандомъ**). Ольга Николаевна, сидя около принца Карла, съ обычной привѣтливостью отвѣчала на его вопросы. Что касается остальныхъ трехъ Великихъ Княженъ, онѣ съ трудомъ скрывали скуку, которую всегда испытывали въ подобныхъ случаяхъ, и поминутно наклонялись въ мою сторону, указывая смѣющимися глазами на старшую сестру. Къ концу обѣда, который проходилъ съ обычнымъ церемоніаломъ, король всталъ, чтобы привѣтствовать Государя. Онъ говорилъ по французски, но съ сильнымъ нѣмецкимъ выговоромъ. Государь по французски же ему отвѣтилъ; онъ говорилъ пріятно, красивымъ и звучнымъ голосомъ. По окончаніи обѣда мы перешли въ другую залу, гдѣ Ихъ Величества милостиво бесѣдовали съ нѣкоторыми изъ присутствующихъ, прочие же сгруппировались сообразно своимъ симпатіямъ или всилу случайности. Но вечеръ рано окончился, потому что „Штандартъ“ въ тотъ же день долженъ былъ сняться съ якоря.

Часть спустя яхта отошла, держа направленіе на Одессу. На слѣдующій день утромъ я узналъ, что предположеніе о сватовствѣ было оставлено или, по крайней мѣрѣ, отложено на неопределѣленное время. Ольга Николаевна настояла на своемъ***).

*) Теперь королеву Румыніи.

**) Нынѣшній румынскій король.

***) Кто могъ предвидѣть тогда, что эта свадьба могла спасти ее отъ ожидавшей ея ужасной участіи.

Великія Княжни Анастасія, Ольга, Татьяна и Марія Николаевны (справа наліво). Яхта „Штандартъ“, 1914 г.

Утромъ 15 юня мы подошли къ Одессѣ. Государь сдѣлалъ смотръ войскамъ гарнизона. Парадомъ командовалъ генералъ Ивановъ, командующій войсками Одесского военного округа.

На слѣдующій день мы остановились на нѣсколько часовъ въ Кишиневѣ, чтобы присутствовать на открытии памятника Императору Александру I, а 18-го вернулись въ Царское Село. Два дня спустя Государь принялъ тамъ Саксонского короля, пріѣзжавшаго благодарить за назначеніе его шефомъ одного изъ полковъ гвардіи. Въ его честь былъ устроенъ парадъ передъ большимъ Царско-сельскимъ дворцомъ; это было единственное торжество за время короткаго пребыванія этого монарха. 23 юня онъ простился съ Царской семьей*). Вскорѣ за тѣмъ мы въ свою очередь отбыли въ Петергофъ. 14 юля мы отправились въ краткое плаванье въ финскія шхеры. „Александрия“ **) доставила насъ изъ Петергофа въ Кронштадтъ, гдѣ нась ожидалъ „Штандартъ“. Въ минуту посадки, Наслѣдникъ плохо расчиталъ движеніе и ударился щиколоткой о конецъ трапа. Я въ первый моментъ надѣялся, что этотъ ушибъ не будетъ имѣть серьезныхъ послѣдствій, но къ вечеру ребенокъ началъ страдать боли быстро усилились: все предвѣщало серьезный припадокъ.

Я проснулся на слѣдующее утро среди финскихъ шхеръ. Видъ былъ прелестенъ: изумрудное море отъ-

*) Нѣсколько спустя Саксонскій король вмѣстѣ съ братомъ Императрицы, великимъ герцогомъ Гессенскимъ были единственными изъ союзныхъ германскихъ князей, которые дѣлали попытки предотвратить разрывъ съ Россіей. Ему претило присоединиться къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ страны, гдѣ онъ былъ только что принятъ, какъ гость. Это не помѣшало ему, однако, послѣ объявленія войны держать самыя воинственные рѣчи.

**) Колесная яхта. „Штандартъ“ сидѣтъ слишкомъ глубоко, что не позволяло ему взять насъ прямо изъ Петергофа.

ненное на гребняхъ волнъ свѣтлыми переливами, было усѣяно островками изъ красного гранита; надъ ними высились сосны, стволы которыхъ горѣли на солнцѣ. Дальше, на второмъ планѣ, тянулся берегъ съ длинными полосами желтаго песка и темнозелеными лѣсами, которые уходили въ глубокую даль, теряясь въ небѣ...

Я спустился къ Алексѣю Николаевичу. Ночь была очень плохая. Императрица и докторъ Боткинъ, безсильные успокоить его страданія, находились при больномъ *).

День проходилъ тоскливо и медленно. Наканунѣ я замѣтилъ среди свиты какое то необычное волненіе. Я справился у полковника Д. и узналъ, что на Распутина было сдѣлано покушеніе, и что жизнь его въ опасности. За двѣ недѣли передъ тѣмъ онъ уѣхалъ въ Сибирь, и по его прїездѣ въ родное село Покровское какая то молодая женщина нанесла ему ударъ ножомъ въ животъ. Рана могла быть смертельна. Переполохъ на яхтѣ былъ большой: все время шептались, происходили таинственные совѣщанія, которыя внезапно прекращались, какъ только приближался кто нибудь, кого подозрѣвали въ принадлежности къ распутинскому кружку. Господствовавшимъ чувствомъ была надежда освободиться, наконецъ, отъ этого зловреднаго существа; впрочемъ, не рѣшались еще всецѣло отдаваться этой радости: у этого проклятаго мужика душа была, казалось, пришита къ тѣлу, и можно было опасаться, что онъ и тутъ избѣгнетъ смерти **).

*) Эти подкожныя кровоизлѣянія были особенно мучительны, когда они происходили въ связкахъ.

**) Распутинъ былъ отправленъ въ тобольскій госпиталь и оперированъ специалистомъ, присланнымъ изъ Петербурга. Операциѣ прошла блестяще, и восемь дней спустя больной былъ вне опасности. Его исцѣленіе было сочтено за чудо: ни огонь, ни ядъ не дѣйствовали на того, кого явно хранилъ Богъ!

19 июля мы вернулись въ Петергофъ, гдѣ ожидали пріѣзда президента французской республики; наше плаванье было только прервано, и мы должны были возобновить его по отъѣздѣ президента. Алексѣй Николаевичъ, которому уже два дня, какъ стало лучше, не могъ еще ходить, и его снесли съ яхты на рукахъ.

На слѣдующій день послѣ полудня президентъ прибылъ на кронштадтскій рейдъ на броненосцѣ „Франція“. Государь поѣхалъ его встрѣтить. Они вернулись вдвоемъ въ Петергофъ, гдѣ Пруанкарѣ прослѣдовать въ комнаты, приготовленныя для него въ Большомъ дворцѣ. Вечеромъ былъ данъ въ его честь парадный обѣдь, за которымъ присутствовала Императрица и придворныя дамы.

Президентъ французской республики прогостила у Императора Николая II. четыре дня, и это короткое пребываніе было ознаменовано многими торжествами. Онъ произвелъ прекрасное впечатлѣніе на Государя. Я имѣлъ случай въ этомъ лично убѣдиться при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Пуанкарѣ былъ приглашенъ одинъ завтракать съ Императорской семьей. Его приняли запросто въ Малой Александріи, въ интимной обстановкѣ повседневной жизни.

Послѣ завтрака Алексѣй Николаевичъ пришелъ за мной и показалъ мнѣ не безъ гордости ленту ордена почетнаго легіона, которую только что получилъ изъ рукъ президента. Мы вышли въ паркъ, гдѣ вскорѣ къ намъ присоединился Государь.

— „Знаете ли, что я только что говорилъ о васъ съ Пуанкарѣ?“, сказалъ онъ съ своей обычной привѣтливостью: „онъ нѣсколько минутъ бесѣдовалъ съ Алексѣемъ и спросилъ меня, кто даетъ ему уроки французскаго языка. Это совсѣмъ замѣчательный, высокаго ума человѣкъ, и, что никогда не мѣшаетъ, блестящий

собесѣдникъ. Но я больше всего оцѣнилъ въ немъ то, что онъ совсѣмъ не дипломатъ*). Въ немъ не замѣтно никакой скрытности; все просто и ясно, и онъ сразу завоевываетъ довѣріе. Ахъ! если бы добились возможности обходиться безъ дипломатіи — въ этотъ день человѣчество достигло бы огромнаго успѣха!“

23 іюля, послѣ прощального обѣда, даннаго въ честь Ихъ Величествъ на броненосцѣ „Франція“, президентъ покинулъ Кронштадтъ, направляясь въ Стокгольмъ.

На слѣдующій день мы были поражены извѣстіемъ, что Австрія наканунѣ вечеромъ передала ультиматумъ Сербіи**). Я встрѣтилъ среди дня Государя въ паркѣ; онъ былъ озабоченъ, но не казался обезпокоеннымъ.

25 іюля въ Красномъ Селѣ былъ собранъ чрезвычайный Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Государя. Рѣшили продолжать примирительную, но въ тоже время достойную и твердую политику. Газеты возбужденно обсуждали выступленіе Австріи.

Въ слѣдующіе дни тонъ печати сталъ дѣлаться все болѣе и болѣе рѣзкимъ. Австрію обвиняли въ желаніи раздавить Сербію. Писали, что Россія не можетъ дозволить уничтоженія этого маленькаго славянскаго народа; что она не можетъ допустить австро-германскаго главенства на Балканахъ; что затронута національная честь.

*) Государь говорилъ, что дипломатія обладаетъ даромъ дѣлать изъ чернаго бѣлое. Онъ разказывалъ мнѣ однажды по этому поводу, какъ Бисмаркъ опредѣлялъ, что такое посолъ: „Это — человѣкъ, посыпаемый въ чужую страну, чтобы обманывать въ пользу своей.“ Онъ добавилъ: „Они, слава Богу, не всѣ его школы, но дипломаты имѣютъ талантъ усложнять самые простые вопросы“.

**) Австрія задержала передачу ультиматума Сербіи до той минуты, когда стало фактически невозможно, чтобы извѣстіе объ этомъ дошло въ Петербургъ до отъѣзда Пуанкара.

Въ то время какъ умы разгорячались, и дипломатической канцеляріи работали полнымъ ходомъ, изъ Александрии шли полныя тревоги телеграммы въ далекую Сибирь, гдѣ Распутинъ медленно оправлялся отъ своей раны въ тюменскомъ госпиталѣ*). Онѣ были всѣ приблизительно одного и того же содержанія: „Мы испуганы грозящей намъ войной. Думаешь ли ты, что она возможна? Молись за насъ. Поддержки насть совсѣтомъ“. Распутинъ отвѣчалъ, что надо избѣжать войны какой угодно цѣною, если не хотять навлечь на династію и на всю страну самая ужасныя несчастія. Его совѣты отвѣчали завѣтнымъ желаніямъ Государя, миролюбіе котораго не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію. Надо было его видѣть втеченіе этой страшной недѣли конца июля, чтобы понять, черезъ какія муки и нравственную пытку онъ прошелъ. Но наступила минута, когда честолюбіе и коварство Германіи должны были сломить его послѣднія колебанія, и все увлечь въ общий водоворотъ.

Несмотря на всѣ попытки посредничества и предложеніе русскаго правительства разрѣшить инцидентъ пріямymi переговорами между Петербургомъ и Вѣной, 29 іюля мы узнали, что въ Австріи объявлена общая мобилизациѣ. На слѣдующій день пришло изъѣстіе о бомбардировкѣ Бѣлграда, и еще черезъ день Россія отвѣтила на это мобилизациѣ всей своей арміи. Вечеромъ того же дня германский посолъ въ Петербургѣ, графъ Пурталесъ, объявилъ Сазонову, что его правительство даетъ Россіи двѣнадцатичасовой срокъ, чтобы остановить моби-

*) Зимой 1918—19 года, когда я былъ въ Тюмени, я видѣлъ копіи этихъ телеграммъ, текстъ которыхъ впослѣдствіи мнѣ такъ и не удалось достать.

лизацио, — въ противномъ же случаѣ Германія сама будетъ мобилизоваться.*)

Срокъ германского ультиматума кончался въ субботу 1августа въ 12 ч. дня. Графъ Пурталесъ появился, однако, въ министерство иностранныхъ дѣль лишь вечеромъ. Войдя къ Сазонову, онъ ему торжественно передалъ объявление войны Германіей Россіи. Часы показывали 7 часовъ 10 минутъ. Непоправимое событие совершилось.

*) Германскій генеральный штабъ прекрасно зналъ, что пѣрвый русской мобилизациі, ввиду ея крайней сложности (изъ за обширности страны, малаго количества желѣзныхъ дорогъ и т. д.), вызвалъ бы такую путаницу, что для возобновленія ея потребовалось бы три недѣли. — Эти три недѣли, на которыя ее опередила бы Германія, обезпечили бы ей побѣду.

ГЛАВА IX

Царская семья въ первые дни войны. — Путешествіе въ Москву
(августъ 1914 г.)

Въ то время, когда эти историческія событія разыгрывались въ кабинетѣ министра иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, Государь, Государыня и Великія Княжны были у всенощной въ маленькой Александрийской церкви.

Встрѣтивъ Государя нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, я былъ пораженъ выраженіемъ большой усталости на его лицѣ; черты его вытянулись, цвѣтъ лица былъ землистый, и даже мѣшкі подъ глазами, которые появлялись у него, когда онъ бывалъ утомленъ, казалось, сильно выросли. Теперь онъ всей своей душой молился, чтобы Господь отвратилъ отъ его народа войну, которая, онъ это чувствовалъ, была близка и почти неизбѣжна. Все его существо казалось преисполненнымъ порывомъ простой и довѣрчивой вѣры. Рядомъ съ нимъ стояла Государыня, скорбное лицо которой выражало то глубокое страданіе, которое я такъ часто видѣль у нея у изголовья Алексѣя Николаевича. Она тоже горячо молилась въ этотъ вечеръ, какъ бы желая отвести грозящую опасность....

Служба кончилась, и Ихъ Величества съ Великими Княжнами вернулись на ферму Александрію. Было около 8 часовъ вечера. Государь, прежде чѣмъ пройти въ столовую, зашелъ въ свой рабочій кабинетъ, чтобы ознакомиться съ доставленными въ его отсутствіе депешами.

Изъ телеграммы Сазонова онъ узналъ, что Германія объявила войну. Онъ имѣлъ съ министромъ короткую бесѣду по телефону и просилъ его прїѣхать въ Александрію, какъ только будетъ имѣть къ тому возможность.

Государыня и Великія Княжны ожидали Государя въ столовой. Ея Величество, обезпокоенная его продолжительнымъ опозданіемъ, только что поручила Татьянѣ Николаевнѣ сходить за отцомъ, когда Государь, очень блѣдный, наконецъ появился и голосомъ, выдававшимъ противъ желанія его волненіе, сообщилъ, что война объявлена. Услыхавъ это извѣстіе, Государыня разрыдалась. Видя отчаяніе матери, Великія Княжны въ свою очередь залились слезами *).

Въ 9 часовъ Сазоновъ прїѣхалъ въ Александрію. Онъ былъ продолжительное время задержанъ Государемъ, который въ тотъ же вечеръ принялъ и великобританскаго посла сэра Д. Бьюкенена.

Я увидѣлъ Государя лишь на слѣдующій день послѣ завтрака, когда онъ пришелъ поцѣловать Наслѣдника **) передъ тѣмъ какъ ъѣхать на торжественный выходъ въ Зимній дворцъ, откуда онъ, по обычаю своихъ предковъ, долженъ былъ обратиться съ манифестомъ къ своему народу, чтобы объявить ему о войнѣ съ Германіей. Видѣ у него былъ еще хуже, чѣмъ наканунѣ, глаза его горѣли, какъ будто у него былъ жаръ. Онъ мнѣ сказалъ о только что полученномъ извѣстіи, что нѣмцы безъ объявленія

*) Я слышалъ эти подробности изъ устъ Анастасіи Николаевны, которая мнѣ ихъ передала на слѣдующій день.

**) Алексѣй Николаевичъ, еще плохо оправившійся послѣ своего ушиба, усложнилъ свое состояніе неосторожностью. Онъ не могъ слѣдовать за родителями въ Петербургъ, и это было для нихъ сильнымъ огорченіемъ.

войны Франціи вступили въ Люксембургъ и напали на французскіе сторожевые таможенные посты.

Я приведу здѣсь нѣсколько нѣсколько замѣтокъ, которая въ это время изо дня въ день заносилъ на бумагу.

Понедѣльникъ 3 августа. — Государь пришелъ сегодня утромъ къ Алексѣю Николаевичу; онъ преобразился. Вчерашняя церемонія дала поводъ грандиозной манифестаціи. Когда онъ появился на балконѣ Зимняго дворца, огромная толпа народа, собравшаяся на площади, опустилась на колѣни и запѣла гимнъ. Восторгъ народа показалъ Царю до какой степени эта война была народной.

Узнаю, что Государь даль вчера въ Зимнемъ дворцѣ торжественный обѣтъ не заключать мира, пока хоть одинъ непріятель останется на русской землѣ. Взявъ на себя это обязательство передъ всѣмъ міромъ, Николай II хорошо подчеркиваетъ характеръ этой войны: это борьба до конца, борьба за существованіе.

Государыня днемъ довольно долго бесѣдовала со мною. Она въ сильномъ негодованіи. Она только что узнала, что, по приказанію Вилгельма II, Вдовствующая Императрица была задержана на пути въ Петербургъ и должна была изъ Берлина прослѣдовать обратно въ Копенгагенъ.

— „Какъ онъ, монархъ, могъ задержать Императрицу! Какъ могъ онъ дойти до этого? Онъ совершенно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ военная партія, ненавидящая Россію, пріобрѣла надъ нимъ преобладающее влияніе, но я увѣрена, что войну онъ объявилъ противъ своей воли. Онъ вовлечено въ нее кронпринцемъ, который открыто выступилъ во главѣ военной партіи и пангерма-

нистовъ и, казалось, осуждалъ политику отца; онъ его заставилъ согласиться на нее.

„Я никогда не любила его за, его неискренность, онъ всегда игралъ комедію и онъ такъ тщеславенъ. Онъ меня постоянно упрекалъ въ томъ, что я ничего не дѣлаю для Германіи, и все пустилъ въ ходъ, чтобы разединить Россію съ Франціей*). Но я никогда не вѣрила, что это можетъ послужить на пользу Россіи. Этую войну онъ мнѣ не проститъ!“

„Вы знаете, что Государь получилъ отъ него третьяго дня ночью телеграмму черезъ нѣсколько часовъ послѣ объявленія войны. Въ этой телеграммѣ онъ требовалъ „немедленного отвѣта, который одинъ еще можетъ предотвратить ужасное несчастіе“. Онъ постарался лишній разъ обмануть Государя.... если только эта телеграмма не была умышленно задержана тѣми, которые во что бы то ни стало хотѣли войны“.

Вторникъ 4 августа. — Германія объявила войну Франціи; я узнаю также, что Швейцарія объявила мобилизацію. Отправляюсь въ нашу миссію, чтобы узнать, долженъ ли я готовиться къ отѣзду.

Среда 5 августа. — Я встрѣтилъ Государя въ паркѣ; онъ очень радостно объявилъ мнѣ, что вслѣдствіе нарушенія бельгійскаго нейтралитета Англія становится на сторону праваго дѣла. Кромѣ того, нейтралитетъ Италіи представляется обеспеченнымъ.

*) Я не могу сказать, чтобы Императрица испытывала личную симпатію къ Франціи, съ которой ее не связывали никакія воспоминанія и къ которой у нея не было природнаго предрасположенія. Она не понимала французскаго склада ума и придавала слишкомъ серьезное значеніе легкомысленнымъ произведеніямъ нашихъ имморалистовъ. Сама она любила крупныхъ поэтовъ XIX вѣка.

— „Мы уже одержали большую дипломатическую победу, за ней послѣдуетъ побѣда оружіемъ и, благодаря поддержкѣ Англіи, она наступитъ скорѣе, чѣмъ это можно думать. Нѣмцы имѣютъ всю Европу противъ себя, кромѣ Австріи. Ихъ наглость и деспотизмъ въ концѣ концовъ надоѣли даже ихъ союзникамъ; посмотрите на итальянцевъ!“

Вечеромъ я вновь имѣлъ длинную бесѣду съ Государыней, которая не допускаетъ возможности моего отѣзда въ Швейцарію.

— „Это безразсудно, вы никогда туда не доѣдете, всѣ пути отрѣзаны“.

Я ей сказалъ, что между французскимъ посольствомъ и швейцарской миссіей заключено соглашеніе, и что мы всѣ вмѣстѣ поѣдемъ черезъ Дарданеллы.

— „Бѣда въ томъ, что, если у васъ есть нѣкоторый шансъ, весьма впрочемъ незначительный, попасть къ себѣ, то у васъ не будетъ никакой возможности вернуться сюда до окончанія войны. А такъ какъ Швейцарія дрататься не будетъ, то вы будете сидѣть у себя, ничего не дѣляя.“

Въ эту минуту докторъ Деревенко вошелъ въ залу, гдѣ я находился съ Ея Величествомъ. Онъ держалъ въ рукахъ вечернія газеты, которые извѣщали о томъ, что Германія нарушила швейцарскій нейтралитетъ.

— „Какъ, еще?! Но вѣдь это съумасшествіе, это безмыслица. Они окончательно потеряли голову!“

И понимая, что она теперь уже не можетъ задерживать меня, она больше не настаивала и начала ласково говорить о моихъ родителяхъ, которые такъ долго еще не будутъ имѣть обо мнѣ извѣстій.

— „Я сама ничего не знаю о моемъ братѣ“, — добавила она: „Гдѣ онъ? Въ Бельгіи, на французскомъ фронтѣ? Я дрожу при мысли, какъ бы императоръ Виль-

гельмъ изъ мести ко мнѣ не послалъ его противъ Россіи, онъ вполнѣ способенъ на такую гадость. Ахъ! какой ужасъ война! Сколько бѣствій, сколько страданій! Боже мой!... Что будетъ съ Германіей? Какое униженіе, какъ она будетъ раздавлена! И все это по винѣ Гогенцолерновъ, изъ за ихъ безумной гордости и ненасытныхъ вожделѣній. Что они сдѣлали съ Германіей моего дѣтства! У меня остались отъ этихъ первыхъ лѣтъ такія красивыя, поэтическія и благотворныя воспоминанія о Дармштадтѣ. У меня было столько добрыхъ друзей. Но въ послѣдніе мои прѣзды Германія мнѣ показалась совсѣмъ другой, незнакомой страной, которую я уже больше не понимала.... Только со стариками я попрежнему находила общія мысли и чувства. Пруссія сдѣлала несчастье Германіи. Германскій народъ обманутъ, въ него внѣдрили чувства ненависти и мести, которыя были ему не свойственны. Борьба будетъ ужасна, чудовищна, и человѣчество идетъ навстрѣчу невообразимымъ страданіямъ.....

Четвергъ 6 августа. — Я былъ утромъ въ городѣ. Нарушеніе швейцарскаго нейтралитета не подтверждается и кажется весьма неправдоподобнымъ. Прѣздъ черезъ Дарданеллы невозможенъ. Нашъ отѣздъ отложенъ и нельзя предвидѣть, когда онъ можетъ состояться. Это неизѣдѣніе меня угнетаетъ.

Воскресенье 9 августа. — Государь вновь довольно долго бесѣдоваль со мною сегодня. Онъ говорилъ, какъ и въ предыдущіе дни, съ откровенностю и довѣрчивостью, которыя могутъ найти объясненіе только въ тѣхъ исключительныхъ событияхъ, которыя мы переживаемъ. Никогда раньше ни онъ, ни Государыня не касались въ разговорѣ со мною вопросовъ политического или интимнаго характера. Но необыкновенная событія этихъ послѣднихъ дней, и то обстоятельство, что я оказался такъ

близко стоящимъ къ ихъ заботамъ и тревогамъ, приблизили меня къ нимъ и на время заставили пасть условныя преграды этикета и дворцовыхъ обычаевъ.

Государь сначала заговорилъ со мною о вчерашнемъ торжественномъ засѣданіи Государственной Думы. Онъ сказалъ какую огромную радость доставило ему занятое ею положеніе, полное рѣшимости, достоинства и горячаго патріотизма.

— „Дума оказалась на высотѣ событий и дѣйствительной выразительницей націи, потому что весь русскій народъ понялъ оскорблѣніе, нанесенное ему Германіей. У меня теперь полная вѣра въ будущее... Самъ я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы избѣжать этой войны, я шелъ на встречу всѣмъ уступкамъ, совмѣстимымъ съ нашимъ достоинствомъ и національной честью.... Вы не повѣрите, какъ я счастливъ выйти изъ этой ужасной неизвѣстности; я никогда не переживалъ пытки, подобной этимъ мучительнымъ днямъ, предшествовавшимъ войнѣ. Я увѣренъ теперь, что въ Россіи поднимется движеніе, подобное тому, которое было въ Отечественную войну 1812 года.“

Среда 12 августа. — Сего дня день рождения Алексія Николаевича — ему минуло десять лѣтъ.

Пятница 14 августа. — Великій Князь Николай Николаевичъ *), Верховный Главнокомандующій, отбылъ на фронтъ. Передъ отѣздомъ изъ Петергофа онъ заѣхалъ въ Александрію, чтобы поднести Государю первый трофей войны — пулеметъ, взятый у нѣмцевъ въ бояхъ на границѣ Восточной Пруссіи.

Суббота 15 августа. — Минъ объявили сегодня вечеромъ, что мнѣ официально разрѣшено не возвращаться

*) Государь назначилъ Великаго Князя Николая Николаевича, внука Николая I, Верховнымъ Главнокомандующимъ русской арміи тотчасъ по объявлениіи войны.

въ Швейцарію. Я узналъ, что это является результатомъ представлениія, сдѣланного Сазоновыи въ Бернѣ по желанію Ея Величества. Впрочемъ все болѣе и болѣе сомнительно, чтобы швейцарцы могли выѣхать.

Царская семья должна отбыть 17—20 въ Москву, гдѣ Государь хочетъ, по обычаю своихъ предковъ, въ тяжелую годину, переживаемую Родиной, испросить благословенія Божія себѣ и своему народу въ трагическія для страны минуты.

Понедѣльникъ 17 августа. — Прибытіе Ихъ Величествъ въ Москву было самымъ трогательнымъ и умилительнымъ зрѣлищемъ, какое мнѣ довелось видѣть до сихъ поръ....

Послѣ обычныхъ пріемовъ на вокзалѣ мы длинной вереницей экипажей направились въ Кремль. Огромная толпа наполняла площади и улицы; люди взирались на крыши лавокъ, какъ грозы висѣли на деревьяхъ скверовъ, влѣзали въ окна магазиновъ, толпились на балконахъ и у оконъ домовъ. И подъ непрерывный звонъ колоколовъ всѣхъ церквей изъ тысячи устъ разносился внушительный своимъ религіознымъ величиемъ и сдержаннѣемъ волненіемъ тотъ чудный русскій гимнъ, въ которомъ выражена вѣра цѣлаго народа:

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу намъ.
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный.
Боже, Царя храни!

Сквозь раскрытыя настежь двери церквей были видны огни свѣчъ, горящихъ передъ иконостасами, священники въ полномъ облаченіи, съ золотыми крестами въ рукахъ,

благословляли Царя при его проѣздѣ. Звуки гимна то замираютъ, то вновь крѣпнутъ и растутъ, какъ молитва съ могучимъ и величественнымъ пріпѣвомъ:

Боже, Царя храни!

Шествіе приближается къ Воскресенскимъ воротамъ*). Государь выходитъ изъ экипажа и, по обычаю, входитъ въ часовню приложиться къ чудотворной иконѣ Иверской Божьей Матери. Онъ выходитъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается, господствуя надъ несмѣтной толпой. Его лицо серьезно и проникновенно; неподвижно внемлетъ онъ голосу своего народа и какъ бы входитъ въ общеніе съ нимъ. Еще разъ онъ слышитъ біеніе сердца великой Россіи...

Онъ поворачивается затѣмъ къ часовнѣ, крестится, накрываетъ и медленно подходитъ къ экипажу, который скрывается въ старинныхъ воротахъ и проѣзжаетъ въ Кремль.

Алексѣй Николаевичъ опять очень жалуется сегодня вечеромъ на боли въ ногѣ. Сможетъ ли онъ завтра ходить, или придется его нести, когда Ихъ Величества отправятся въ соборъ? Государь и Государыня въ отчаяніи. Ребенокъ не могъ уже участвовать на выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Это почти всегда такъ, когда ему надо показаться народу: можно быть почти увѣреннымъ, что въ послѣднюю минуту явится какое нибудь осложненіе. И правда кажется, что его преслѣдуетъ злой рокъ!

Вторникъ 18 августа. — Когда сегодня Алексѣй Николаевичъ убѣдился, что не можетъ ходить, онъ пришелъ въ большое отчаяніе. Ихъ Величества тѣмъ не

*) Подъ этими воротами цари всегда проѣзжали въ Кремль по прибытии въ Москву. Они ведутъ изъ города на Красную Площадь, которая тянется вдоль восточной стѣны Кремля.

менеѣ рѣшили, что онъ все же будетъ присутствовать при церемоніи. Его будетъ нести одинъ изъ казаковъ Государя. Но это жестокое разочарование для родителей: они боятся, что въ народѣ распространится слухъ, будто Цесаревичъ калѣка.

Въ одиннадцать часовъ, когда Государь появился на верху Краснаго крыльца, несмѣтная толпа, тѣснившаяся на площади, восторженно его привѣтствовала. Онъ медленно спустился подъ руку съ Государыней, сопутствующий длиннымъ шествиемъ, и направился по помосту въ Успенскій соборъ. Онъ входитъ въ церковь среди восторженныхъ кликовъ толпы Присутствуютъ митрополиты: Киевскій, Петербургскій и Московскій, а также высшее провославное духовенство. По окончаніи службы члены Императорской семьи прикладываются по очереди къ святымъ мощамъ. Они слѣдуютъ затѣмъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ молятся у гробницы святителя Алексія.

Еще долго послѣ возвращенія Ихъ Величествъ во дворецъ народѣ продолжалъ стоять на площади въ надеждѣ ихъ снова увидѣть. И когда мы вышли нѣсколько часовъ спустя, на площади были еще толпы крестьянъ.

Четвергъ 20 августа. — Энтузіазмъ все растетъ и растетъ. Кажется будто народъ московскій, гордясь пребываніемъ Царя среди него и желая удержать его въ Москвѣ возможно дольше, хочетъ привлечь его выраженіемъ своей любви. Манифестаціи дѣлаются все болѣе и болѣе непосредственными, бурными и яркими.

Мы каждый день выѣзжаемъ на автомобильѣ съ Алексѣемъ Николаевичемъ. Обыкновенно мы направляемся на Воробьевы Горы, откуда открывается поразительный видъ на долину Москвы-рѣки и на Царскую столицу. Съ этого мѣста Наполеонъ, передъ вступлениемъ въ Москву, смотрѣлъ на нее 14 сентября 1812 года.

Зрѣлище это поистинѣ величественно: на первомъ планѣ, у подножія холма, Новодѣвичій монастырь со своимъ кремлемъ и шестнадцатью башнями съ бойницами; немного позади его, Священный городъ со своими четырьмястами пятидесятью церквами, съ дворцами, садами, монастырями, обнесенными зубчатыми стѣнами, съ ихъ золотыми куполами и причудливыми формами ихъ ярко расцвѣченныя главы.

Сегодня утромъ, во время нашего возвращенія съ обычной прогулки, шоферъ принужденъ былъ остановиться при вѣзда въ одинъ изъ переулковъ около Якиманки — такъ велика была толпа. Она состояла исключительно изъ простонародья и окрестныхъ крестьянъ, пришедшихъ въ городъ по дѣламъ или въ надеждѣ увидѣть Царя. Вдругъ раздались крики: „Наслѣдникъ!... Наслѣдникъ!...“ Толпа бросилась впередъ, настѣ окружили, мы очутились какъ въ кольцѣ, словно въ пѣну у этихъ мужиковъ, рабочихъ, торговцевъ, которые толкали другъ друга, кричали и пробивались впередъ, чтобы лучше разглядѣть Цесаревича. Женщины и дѣти, мало по малу осмѣлѣвъ, влѣзаютъ на подножки автомобиля, протягиваютъ руки черезъ дверца и, когда имъ удается коснуться до ребенка, кричагъ съ торжествомъ: „Я его тронула, я тронула Наслѣдника!“

Испуганный бурнымъ проявленіемъ этихъ народныхъ чувствъ, Алексѣй Николаевичъ откинулся въ глубину автомобиля. Онъ былъ блѣденъ, взволнованъ неожиданностью этой народной манифестаціи, принимавшей столь крайнія и новыя для него формы. Однако онъ скоро оправился, видя добрыя улыбки этихъ славныхъ людей, но оставался сконфуженнымъ и смущеннымъ вниманіемъ, предметомъ котораго сдѣлался; онъ не зналъ, что ему говорить и дѣлать. Что касается меня, то я не безъ страха спрашивалъ себя, какъ все это кончится. Я зналъ, что

для прогулокъ Наслѣдника Цесаревича не дѣлается никакихъ нарядовъ полиціи, такъ какъ ни время, ни направление ихъ не могли быть заранѣе установлены. Я начинай бояться какого нибудь несчастнаго случая въ невѣроятной сутолокѣ и давкѣ, происходившей вокругъ насъ.

Наконецъ появилось два толстыхъ, запыхавшихся городовыхъ, грозно кричавшихъ изо всѣхъ силь. Толпа съ покорнымъ послушаніемъ русскаго мужика заколебалась и медленно отступила. Я далъ приказаніе боцману Деревенко, слѣдовавшому за нами въ другомъ автомобилѣ,ѣхать впередъ, и намъ такимъ образомъ удалось медленно выбраться изъ толпы.

Пятница 21 августа. — Ихъ Величества пожелали передъ возвращенiemъ въ Царское Село, посѣтить Троицко-Сергіевскій монастырь — святыню, наиболѣе чтимую въ Россіи послѣ древней Киевской лавры. Поѣздъ довезъ насъ до маленькой станціи Сергіево, откуда мы прослѣдовали въ экипажахъ до монастыря. Онъ построенъ на возвышенности, и его можно было бы принять издали за огромную крѣпость, если бы пестрыя колокольни и золоченые купола его тридцати церквей не выдавали его истиннаго назначенія. Какъ оплоту православія, ему пришлось подвергнуться, втеченіе своей исторіи грознымъ нападеніямъ, изъ которыхъ самымъ знаменитымъ была осада, выдержанная въ XVII вѣкѣ втеченіе шестнадцати мѣсяцевъ противъ тридцатитысячной польской арміи.

Здѣсь такъ же, какъ въ Москвѣ и на верхнемъ Поволжье, съ наибольшей силой воскресаетъ прошлое боярской Руси, великихъ князей московскихъ и первыхъ царей. Здѣсь лучше всего можно понять исторической ростъ русскаго народа.

Царская семья присутствовала на молебнѣ и приложилась къ мощамъ преподобнаго Сергія, основателя

монастыря. Архимандритъ благословилъ Государя иконой, писанной на доскѣ отъ гроба преподобнаго, одного изъ наиболѣе чтимыхъ во всей Россіи святыхъ. Въ былое время, эта икона всегда сопутствовала царямъ въ ихъ походахъ. По приказанію Государя, она будетъ перевезена въ Ставку и поставлена въ походную церковь Верховнаго Главнокомандующаго.

Послѣ этого Государь, Государыня и дѣти прошли въ маленьку церковь святого Никона, затѣмъ они задержались на нѣсколько минутъ въ бывшихъ Патріаршихъ палатахъ. Но времени было мало, и мы должны были отказаться отъ осмотра Геѳсиманской пустыни, которая находится въ небольшомъ разстояніи отъ монастыря и гдѣ, по обычаю еще нерѣдкому въ Россіи, нѣкоторые схимники затворяются въ подземныхъ замурованныхъ кельяхъ. Они живутъ тамъ въ постѣ и молитвѣ, иногда до конца своихъ дней, совершенно отдѣлившись отъ міра и получая пищу черезъ отверстіе въ стѣнѣ, которое остается для нихъ единственнымъ средствомъ сообщенія съ людьми.

Простиившись съ архимандритомъ, Императорская семья покинула монастырь, провожаемая до вѣнчаней ограды толпой монаховъ, тѣснившихся вокругъ экипажей.

ГЛАВА X

Первые шесть мѣсяцевъ войны

Мы вернулись 22 августа въ Царское Село, гдѣ Государь долженъ былъ провести нѣкоторое время до отъѣзда въ Ставку. Необходимость рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ требовала его присутствія въ непосредственной близости къ столицѣ.

Несмотря на лежавшую на немъ страшную отвѣтственность, Государь никогда не выказывалъ столько твердости, рѣшительности и сознательной энергіи, какъ въ это первое время войны. Никогда столь властно не проявлялась его личность. Создавалось впечатлѣніе, что онъ душой и тѣломъ отдался громадной задачѣ — вести Россію къ побѣдѣ. Въ немъ чувствовалась духовная сила и упорная воля къ побѣдѣ, которая сообщалась всѣмъ, кто къ нему приближался.

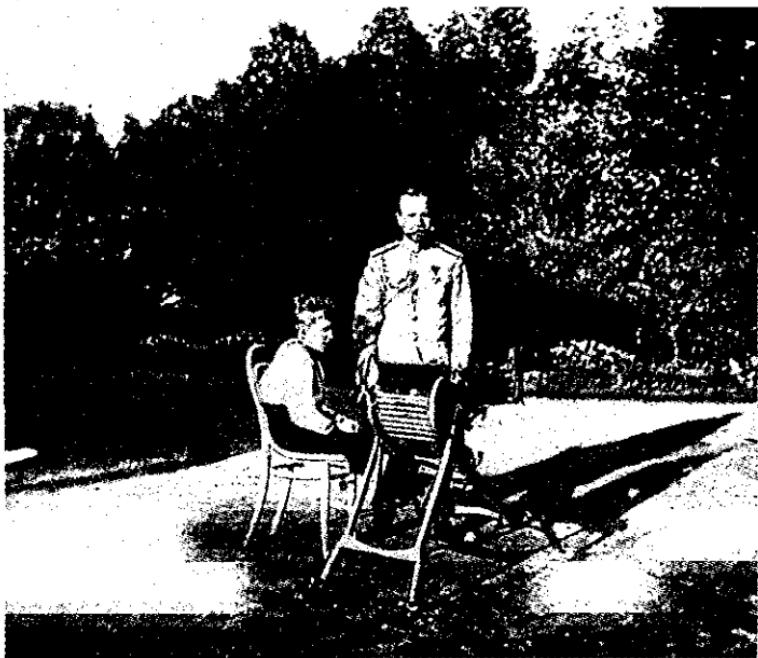
Государь быль скроменъ и застѣнчивъ. Онъ принадлежалъ къ числу людей, постоянно колеблющихся вслѣдствіе чрезмѣрной совѣстливости и изъ преувеличенной чувствительности и деликатности съ трудомъ рѣшающихъ навязывать свою волю другимъ. Онъ сомнѣвался въ самомъ себѣ и былъ убѣжденъ, что ему не везетъ. Его жизнь, увы, какъ будто доказавала, что онъ не вполнѣ въ этомъ ошибался. Это было источникомъ его колебаній и сомнѣній. Но на этотъ разъ, казалось, что что то измѣнилось въ немъ. Откуда же черпалъ онъ эту увѣренность?

Съ одной стороны у Государя была вѣра въ святость дѣла, которое онъ защищалъ. События конца іюля дали

ему возможность ясно увидѣть двуличность Германіи, жертвой которой онъ едва не сдѣлался. Съ другой стороны онъ никогда еще не былъ такъ близокъ къ своему народу; онъ чувствовалъ, что его какъ бы несётъ народная волна. Его московское путешествіе показало ему, насколько эта война была популярна, и какъ ему благодарны за то, что онъ своимъ достоинствомъ и твердостью еще поднялъ въ глазахъ иностранцевъ престижъ русской націи. Никогда восторгъ народныхъ массъ не выказывался съ такой искренностью и силой. Царь чувствовалъ, что за нимъ вся страна, и онъ надѣялся, что политическая рознь, прекратившаяся передъ лицомъ общей опасности, не возобновится, пока будетъ длиться война.

Ужасное пораженіе при Сольдау, въ Восточной Пруссіи, произшедшее черезъ нѣсколько дней по возвращеніи его изъ Москвы, не поколебало его увѣренности. Онъ зналъ, что причина этого несчастья была въ недостаткѣ сосредоточенія войскъ и въ излишней поспѣшности, съ которой генералъ Самсоновъ долженъ былъ проникнуть на германскую территорію, дабы оттянуть на себя часть непріятельскихъ силъ и облегчить такимъ образомъ западный фронтъ. Но эта неудача была вознаграждена недѣлей спустя побѣдой на Марнѣ. Значить, не приходилось сожалѣть объ этой жертвѣ, которая спасла Францію и тѣмъ самymъ и Россію. Правда, что того же можно было достигнуть съ меньшими потерями, и русское командованіе не было вполнѣ безупречно, но это было одно изъ такихъ несчастій, которыя всегда могутъ случиться въ началѣ войны.

Итакъ Государь сохранялъ полную увѣренность и энергію. Съ самаго начала войны и несмотря на оппозицію вліятельныхъ лицъ, онъ запретилъ производство и продажу спирта. Это былъ очень чувствительный

Императоръ Николай II и Цесаревичъ разсматриваютъ
первый пулеметъ, взятый у нѣмцевъ. Петергофъ,
августъ 1914 г.

ущербъ для казны и притомъ въ ту минуту, когда деньги нужны были болѣе, чѣмъ когда либо. Но его убѣженіе было сильнѣе всѣхъ возраженій, которыя ему представляли. Онъ проявилъ также свою личную волю, стараясь замѣнить непопулярныхъ министровъ людьми, которые, казалось, стяжали себѣ расположение Думы. Онъ хотѣлъ отмѣтить такимъ путемъ свое искреннее желаніе болѣе дѣйствительного сотрудничества съ народнымъ представительствомъ.

3 октября Государь уѣхалъ въ Ставку, гдѣ пробылъ три дня, и послѣ короткаго осмотра войскъ въ районѣ Бреста и Ковны вернулся въ Царское Село. Съ этого времени онъ сталъ совершать періодическія поѣздки на фронтъ и въ тылу, посѣщая различные секторы своей огромной арміи, перевязочные пункты, военные госпитали, тыловые заводы, однимъ словомъ все, что играло роль въ веденіи этой грандиозной войны.

Императрица съ самого начала посвятила себя раненымъ. Она рѣшила, что Великія Княжны Ольга и Татьяна Николаевны будутъ помогать ей въ этомъ дѣлѣ. Онѣ всѣ три проходили курсы обученія сестеръ милосердія и проводили каждый день по нѣсколько часовъ въ уходѣ за ранеными, которые были эвакуированы въ Царское Село. Ея Величество, иногда съ Государемъ, а иногда одна съ двумя старшими дочерьми, посѣщала краснокрестныя учрежденія западныхъ и центральныхъ городовъ Россіи. По ея просьбѣ было создано много военныхъ госпиталей и оборудованы санитарные поѣзда, специально приспособленные для перевозки раненыхъ въ тылъ, часто очень медленной вслѣдствіе дальности разстояній. Ея примѣру послѣдовали, и никогда частная иниціатива не проявлялась съ такимъ подъемомъ и щедростью.

Наконецъ въ Москвѣ былъ созванъ съѣздъ представителей всѣхъ земствъ и городскихъ самоуправлений, чтобы сплотить всѣ силы страны. Подъ вліяніемъ энергичныхъ и безкорыстныхъ людей, этотъ съѣздъ скоро превратился въ мощную организацію, которая располагала огромными средствами и имѣла возможность оказать правительству цѣнное содѣйствіе.

Въ Россіи до того времени никогда не проявлялось движенія, которое можно было бы сравнить съ этимъ по размаху и патріотизму. Эта война стала народнымъ дѣломъ.

Сентябрь прошелъ для русскихъ войскъ въ перемѣнныхъ успѣхахъ и неудачахъ. Въ Восточной Пруссіи за пораженіемъ у Сольдау послѣдовало пораженіе при Мазурскихъ озерахъ, гдѣ вновь проявилось превосходство нѣмцевъ. Въ Галиції, напротивъ, русскими былъ занятъ Львовъ, и они неудержимо продвигались впередъ, нанося серьезныя потери австрійской арміи, которая отступила къ Карпатамъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ нѣмцы пытались занять Варшаву, но ихъ бѣшеные приступы сломились обѣ удивительную стойкость русскихъ. Потери съ обѣихъ сторонъ были значительны.

Въ декабрѣ Государь уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ дѣйствовала южная армія. Онъ хотѣлъ провести иѣкоторое время среди этихъ войскъ, которая вели борьбу въ особенно трудныхъ условіяхъ противъ турецкихъ дивизій, сосредоточенныхъ на границахъ Арmenіи. На обратномъ пути онъ сѣхался въ Москвѣ съ Государыней и дѣтьми, выѣхавшими ему навстрѣчу. Государь посѣтилъ военные училища и нѣсколько разъ съ Государыней, Наслѣдникомъ и Великими Княжнами навѣщалъ городскія больницы и лазареты.

Энтузіазмъ народа, за тѣ пять дней, которые мы прошли въ Москвѣ, былъ такъ же силенъ, какъ и въ ав-

густѣ. Ихъ Величества съ сожалѣніемъ покинули древнюю Московскую столицу; Государь уѣхалъ въ Ставку, остальная же семья возвратилась въ Царское Село.

Послѣ празднествъ по случаю Новаго Года, Государь продолжалъ свои періодическія путешествія съ Ставку и на фронтъ. Армія готовилась къ рѣшительному наступленію, которое должно было состояться въ мартѣ.

Всю эту зиму здоровье Цесаревича было вполнѣ удовлетворительно, и уроки могли идти своимъ чередомъ. Въ началѣ весны Ея Величество заявила мнѣ, что Государь и она рѣшили, ввиду всѣхъ сложившихся обстоятельствъ, не давать пока воспитателя Алексѣю Николаевичу. Я принужденъ былъ, вопреки тому, что ожидалъ, нести одинъ впродолженіе еще нѣкотораго времени тяжелую отвѣтственность и стараться, по мѣрѣ силъ, пополнять пробѣлы въ воспитаніи Наслѣдника. Я очень ясно сознавалъ, что его надо было, хотя бы на нѣсколько часовъ въ день, выводить изъ его обычной обстановки и ставить въ непосредственное соприкосновеніе съ жизнью. Я досталъ себѣ карту мѣстности изданія генерального штаба и намѣтилъ рядъ прогулокъ въ автомобиль, которыя дали намъ возможность объѣздить постепенно всѣ окрестности на разстояніи 30 верстъ. Мы выѣзжали тотчасъ послѣ завтрака, часто останавливаясь у въездовъ встрѣчныхъ деревень, чтобы смотрѣть, какъ работаютъ крестьяне. Алексѣй Николаевичъ любилъ ихъ разспрашивать; они отвѣчали ему со свойственными русскому мужику добродушемъ и простотой, совершенно не подозрѣвая, съ кѣмъ они разговаривали. Желѣзныя дороги въ пригородахъ Петрограда также привлекали вниманіе Алексѣя Николаевича. Онъ очень живо интересовался движеніемъ на маленькихъ станціяхъ, которыхъ мы проѣзжали, работами по ремонту путей, мостовъ и т. д.

Дворцовая полиція забезпокоилась насчетъ этихъ прогулокъ, которыхъ происходили въ района ея охраны и направлениe которыхъ никогда не было известно заранѣе. Мы предложили подчиниться установленнымъ правиламъ, но я не обратилъ на это вниманія, и наши прогулки продолжались попрежнему. Тогда полиція прибѣгла къ новому способу охраны, и каждый день, выѣзжая изъ парка, мы неизбѣжно видѣли автомобиль, который несся вслѣдъ за нами. Однимъ изъ наибольшихъ удовольствій Алексея Николаевича было заставить его потерять нашъ слѣдъ; иногда это намъ удавалось.

Между тѣмъ я былъ особенно озабоченъ присканіемъ Наслѣднику товарищей. Эту задачу было очень трудно разрѣшить. По счастью обстоятельства сами собою отчасти пополнили этотъ пробѣль. Докторъ Деревенко имѣлъ сына однихъ, приблизительно, лѣтъ съ Наслѣдникомъ. Дѣти познакомились и вскорѣ подружились; не проходило воскресенья, праздника или дня отпуска, чтобы они не соединялись. Наконецъ они стали видаться ежедневно, и Цесаревичъ получилъ даже разрѣшеніе посѣщать доктора Деревенко, жившаго на маленькой дачѣ недалеко отъ дворца. Онъ часто проводилъ тамъ всю вторую половину дня въ играхъ со своимъ другомъ и его товарищами въ скромной обстановкѣ этой семьи средняго достатка. Это нововведеніе подверглось большой критикѣ, но Ихъ Величества не обращали на это вниманія; они сами были такъ просты въ своей частной жизни, что могли только поопирять такие же вкусы своихъ дѣтей.

Тѣмъ временемъ война внесла довольно значительное измѣненіе въ наше существованіе. Жизнь дворца стала еще болѣе суровой. Государь часто отсутствовалъ. Государыня такъ же, какъ и обѣ старшія дочери, всегда носила форму сестеръ милосердія; она дѣлила свое время между посѣ-

щеніями госпиталей и многочисленными занятіями по организации помощи раненымъ. Она очень утомляла себя въ началѣ войны. Она не считая тратила свои силы, съ тѣмъ пыломъ и страстью, которые вносила во всѣ свои начинанія и, хотя здоровье ея уже было сильно подорвано, выказывала изумительную выносливость. Казалось, она черпала большую поддержку въ выполненіи предпринятаго ею святого дѣла; она одновременно находила въ немъ удовлетвореніе своей потребности самопожертвованія и забвеніе своей тоски и опасеній, которая ей внушала болѣзнь Наслѣдника даже въ спокойные промежутки.

Война имѣла еще одно послѣдствіе, столь же радостное, сколь и неожиданное, а именно — удаленіе Распутина на второй планъ. Онъ вернулся изъ Сибири въ концѣ сентября, вполнѣ выздоровѣвшій послѣ тяжелаго раненія, которое подвергло его жизнь такой большой опасности. Но все склоняло къ предположенію, что со времени его возвращенія имъ слегка пренебрегали; во всякомъ случаѣ, его посѣщенія стали рѣже. Правда, Алексѣй Николаевичъ всю эту зиму былъ здоровъ, и не было надобности прибѣгать къ его вмѣшательству; такимъ образомъ онъ лишился того, что было источникомъ главной его силы.

Тѣмъ не менѣе его вліяніе, несмотря на все, оставалось очень значительнымъ. Мнѣ пришлось въ этомъ убѣдиться незадолго до того, во время страшного желѣзно-дорожнаго крушенія, чуть было не стоившаго жизни г-жѣ Вырубовой. Ее извлекли почти безжизненной изъ подъ обломковъ вагона и перевезли въ Царское Село въ отчаянномъ, казалось, состояніи. Императрица была потрясена. Она немедленно сѣла у изголовья той, которая была почти единственнымъ ея другомъ. Спѣшно вызван-

ный Распутинъ находился тамъ же. Императрица въ этомъ несчастіи видѣла новое доказательство судьбы, ожесточенно преслѣдовавшой, какъ она была въ томъ убѣждена, всѣхъ, кого она любила. И когда она въ сильной тревогѣ спросила Распутина, останется ли жива г-жа Вырубова, онъ отвѣтилъ:

— „Богъ оставить ее тебѣ, если она дѣйствительно нужна тебѣ и родинѣ; если же, наоборотъ, ея дѣятельность вредна, Господь ее возьметъ къ себѣ; даже мнѣ не дано знать его неисповѣдимыхъ путей“.

Это былъ, надо признаться, очень ловкій способъ выпутаться изъ затруднительного положенія. Если бы Вырубова поправилась, Распутинъ обеспечивалъ себѣ ея вѣчную признательность, такъ какъ, благодаря ему, ея выздоровленіе какъ бы вновь освящало призваніе, выполняемое ею при Императрицѣ; — если бы она умерла, Ея Величество видѣла бы въ ея смерти неисповѣдимую волю Провидѣнія и скорѣе бы утѣшилась въ ея потерѣ *).

Это его вмѣшательство вновь усилило вліяніе Распутина, но только временно; несмотря на все, чувствовалось, что что то измѣнилось, и значеніе его уменьшилось. Я испытывалъ большое удовлетвореніе, убѣждаясь въ этомъ; я тѣмъ болѣе радовался этому, что нѣсколько времени передъ тѣмъ у меня былъ длинный разговоръ о старцѣ съ швейцарскимъ посланникомъ въ Петроградѣ **). Подробности,анныя имъ во время нашего разговора, не оставили во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ дѣйствительной личности Распутина.

*) Г-жа Вырубова перенесла свои раненія, но она выздравливала очень медленно и вслѣдствіе этого случая осталась калѣкой.

**) 31 августа 1914 года, по указу Государя Императора, Петербургъ былъ переименованъ въ Петроградъ.

Онъ былъ, какъ я и предполагалъ, сбившимся съ пути мистикомъ, обладавшимъ какой то психической силой, неуравновѣшеннymъ человѣкомъ, обуреваемымъ поочередно, то плотскою похотью, то мистическими стремлениями; это было существо, способное послѣ ночныхъ оргий недѣлями предаваться религіозному экстазу... Но я никогда до этой бесѣды не подозрѣвалъ того значенія, которое, не только въ русскихъ кругахъ, но даже въ иностранныхъ посольствахъ и миссіяхъ Петрограда, придавали политической роли Распутина; значеніе его сильно преувеличивали, но одинъ тотъ фактъ, что подобное вліяніе могло существовать, было уже вызовомъ общественному мнѣнію. Кромѣ того, присутствіе этого человѣка при Дворѣ было поводомъ къ удивленію и осужденію для всѣхъ, кто зналъ разгульность его личной жизни. Я отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что въ этомъ заключалась большая угроза престижу Ихъ Величествъ, и что это послужитъ орудіемъ, которымъ враги рано или поздно воспользуются противъ нихъ.

Единственнымъ средствомъ было бы удаленіе Распутина, но гдѣ была сила, способная вызвать его опалу? Я слишкомъ хорошо зналъ глубокія причины его вліянія на Императрицу, чтобы не бояться, наоборотъ, новаго усиленія этого вліянія, если бы обстоятельства ему благопріятствовали.

Эти шесть первыхъ мѣсяцевъ войны не принесли ожидаемыхъ результатовъ, и все заставляло предвидѣть, что борьба будетъ очень долгая и тяжелая. Могли появиться непредвидѣнныя осложненія, такъ какъ продолженіе войны должно было повлечь за собой очень большія экономическихъ трудности, грозившія вызвать недовольство и беспорядки. Все это сильно беспокоило Государя и Государиню; они имѣли очень озабоченный видъ.

Какъ всегда, въ тяжелыя и тревожныя минуты, они черпали нужную имъ поддержку въ религіи и въ любви своихъ дѣтей. Великія Княжны просто и благодушно относились къ все болѣе и болѣе суровому образу жизни во дворцѣ. Правда, что все ихъ прежнее существованіе, совершенно лишенное всего, что обычно красить дѣвичью жизнь, подготовило ихъ къ этому. Въ 1914 году, когда вспыхнула война, Ольгѣ Николаевнѣ было почти 19-ть, а Татьянѣ Николаевнѣ только что минуло 17 лѣтъ. Онѣ никогда не присутствовали ни на одномъ балу; имъ довелось лишь участвовать на двухъ-трехъ вечерахъ у своей тетки, Великой Княгини Ольги Александровны. Съ начала военныхъ дѣйствій у нихъ была одна лишь мысль — облегчить заботы и тревоги своихъ родителей. Онѣ окружали ихъ своей любовью, которая выражалась въ самыхъ трогательныхъ и нѣжныхъ знакахъ вниманія.

Какой примѣръ если бы только о немъ знали, давала эта столь достойная семейная жизнь, полная такой нѣжности! Но какъ мало людей о ней ее подозрѣвали! Правда, что эта семья была слишкомъ равнодушна къ общественному мнѣнію и укрывалась отъ постороннихъ взоровъ.

ГЛАВА XI

Отступление русской армии. — Государь принимаетъ на себя Верховное командование. — Увеличивающееся вліяніе Государыни
(февраль—сентябрь 1915 г.)

Несмотря на осенне успѣхи русскихъ въ Галиціи, положеніе весной 1915 года оставалось очень неопределеннымъ. Съ обѣихъ сторонъ готовились возобновить борьбу съ новымъожесточеніемъ. Со стороны русскихъ были приняты, казалось, всѣ мѣры, дабы придать арміи возможно большую боеспособность и обеспечить правильное ея снабженіе. По крайней мѣрѣ Государь, на основаніи представленныхъ ему докладовъ, былъ въ этомъ увѣренъ и возлагалъ всѣ свои надежды на эту весеннюю кампанію.

Наступленіе начали австрійцы, но русскіе произвели сильную контратаку, и ихъ превосходство не замедлило ясно обнаружиться по всему фронту.

Въ первую половину марта ихъ успѣхъ продолжалъ утверждаться. 19-го они заняли крѣпость Перемышль; весь гарнизонъ и весьма значительная военная добыча попали въ ихъ руки. Это была громадная радость для всей страны. Государь вернулся 24 марта изъ Ставки; онъ сіялъ. Повернется ли боевое счастье окончательно въ сторону Россіи?

Въ половинѣ апрѣля русскія войска заняли вершины Карпатъ и стали угрожать богатымъ равнинамъ Венгрии; австрійская армія выбилась изъ силъ. Но эти успѣхи

были куплены цѣнной огромныхъ жертвъ. Борьба въ горахъ продолжалась въ условіяхъ, чрезвычайно тяжелыхъ для побѣдителя. Вдобавокъ, затянувшаяся война давала себя чувствовать и внутри страны; населеніе начало страдать отъ дороговизны съѣстныхъ припасовъ, а недостатокъ перевозочныхъ средствъ останавливалъ хозяйственную жизнь. Необходимо было найти выходъ изъ создавшагося положенія.

Между тѣмъ Германія не могла оставаться безучастной къ крушенію австрійской арміи. Какъ только опасность ясно ей представилась, она постаралась ее предотвратить, принявъ всѣ зависѣвшія отъ нея мѣры. Нѣсколько нѣмецкихъ корпусовъ было сосредоточено на востокѣ отъ Krakова и поставлено подъ команду генерала фонъ Макензена, который долженъ былъ атаковать русскую армію съ фланга и стараться отрѣзать отъ ихъ базы войска, дѣйствовавшія въ Карпатахъ. Наступленіе состоялось въ началѣ мая, и подъ давленіемъ нѣмцевъ русская армія была принуждена быстро отступить изъ западной Галиції на востокъ. Приходилось мириться съ очищеніемъ Карпатскихъ проходовъ, занятіе которыхъ стоило такихъ усилий, и спуститься въ равнину. Войска дрались съ замѣчательной храбростью и стойкостью, но у нихъ не было оружія и снарядовъ. Отступленіе продолжалось. 5-го июня непріятель вновь занялъ Перемышль, 22-го Львовъ, а въ концѣ мѣсяца почти вся Галиція, эта славянская земля, завоеваніе которой такъ радовало русскія сердца, — была очищена.

Вслѣдъ за этимъ нѣмцы предприняли сильное наступленіе въ Польшѣ и стали быстро продвигаться, несмотря на ожесточенное сопротивленіе русскихъ. Положеніе было серьезно, весь русскій фронтъ былъ поколебленъ и отодвигался подъ натискомъ австро-герман-

скихъ армій. Общественное мнѣніе было обезпокоено, хотѣло знать, на кого падала отвѣтственность за эти пораженія, искало виновниковъ, требовало наказаній.

Государь очень тяжело переживалъ событія. Ударъ для него былъ тѣмъ болѣе жестокъ, что онъ совершилъ его не предвидѣлъ. Однако онъ не склонялся передъ несчастью. 25 июня онъ смѣстилъ военного министра, генерала Сухомлинова, преступная бездѣятельность котораго, казалось, возлагала на него отвѣтственность за внезапно обнаружившуюся невозможность снабдить войска. Онъ замѣнилъ его генераломъ Поливановымъ. 27 июня онъ собралъ въ Ставкѣ подъ своимъ предсѣдательствомъ совѣтъ, въ которомъ приняли участіе всѣ министры. Надо было поднять общую энергію, мобилизовать всѣ силы и всѣ средства страны для борьбы до побѣдного конца съ ненавистнымъ врагомъ. Было рѣшено созвать Думу. Первое засѣданіе ея состоялось 1 августа, въ годовщину объявленія войны Германіей Россіи. Твердое и мужественное настроеніе собранія способствовало успокоенію умовъ. Но, приглашая всю страну содѣйствовать защите родины, Дума требовала, чтобы виновники несчастія были найдены и наказаны. Несколько дней спустя, Государь назначилъ "верховную слѣдственную комиссию", чтобы установить, на комъ лежитъ отвѣтственность за національное пораженіе.

Въ это время, наступленіе нѣмцевъ въ Польшѣ продолжало развиваться; 5 августа была покинута русскими Варшава, и войска перешли на правый берегъ Вислы. 17 августа было взято Ковно; одна за другой всѣ русскія крѣпости падали подъ напоромъ непріятеля, котораго, казалось, никакія преграды уже не способны были задержать. Въ концѣ августа все Царство Польское было въ рукахъ нѣмцевъ.

Пораженіе принимало размѣры катастрофы и ставило въ опасность самое существованіе родины. Удастся ли остановить потокъ завоевателей, или придется, какъ въ 1812 году, отступить вглубь страны, уступая русскія земли непріятелю? Неужели всѣ понесенные жертвы ни къ чему не привели?

Деревня страдала отъ постоянныхъ наборовъ и реквизицій; хлѣбопашцамъ не хватало рабочихъ рукъ и лошадей. Вмѣстѣ съ разстройствомъ желѣзнодорожного сообщенія и притокомъ бѣженцевъ въ городахъ росла дороговизна. Изъ устъ въ уста передавались самыя пессимистическія рѣчи, говорили о саботажѣ, обѣ измѣнѣ.... Русское общественное мнѣніе, столь непостоянное, столь склонное къ преувеличеніямъ, какъ въ радости, такъ и въ горѣ, — предавалось самымъ мрачнымъ предчувствіямъ.

И вотъ въ минуту, когда Россія переживала этотъ острый кризисъ, Николай II рѣшилъ взять на себя Верховное командование арміей.

Государыня уже втеченіе многихъ мѣсяцевъ побуждала Государя принять это рѣшеніе, но онъ все время противился ея настояніямъ: ему претила мысль отнять у Великаго Князя Николая Николаевича командованіе, которое онъ ему вручилъ. Какъ только вспыхнула война, его первымъ движениемъ было стать во главѣ арміи; однако, сдаваясь на просьбы министровъ, онъ отказался отъ самой завѣтной своей мечты. Онъ всегда сожалѣлъ обѣ этомъ, но теперь, когда нѣмцы, завоевавъ всю Польшу, продвигались по русской землѣ, ему казалось преступнымъ оставаться въ тылу и не принять болѣе дѣятельнаго участія въ защите своей страны.

Государь вернулся 11 июля изъ Ставки и раньше, чѣмъ прйтіи къ этому рѣшенію, провелъ два мѣсяца въ Царскомъ Селѣ. Я передаю адѣсь мой разговоръ съ нимъ

16 юля, потому что онъ ясно указываетъ, каковы были уже тогда воодушевлявшія его чувства. Онъ въ этотъ день встрѣтилъ насъ съ Алексѣемъ Николаевичемъ въ паркѣ. Разсказавъ ребенку нѣкоторыя впечатлѣнія о своей послѣдней поѣздкѣ въ армію, онъ обернулся ко мнѣ и добавилъ:

— „Вы не повѣрите, какъ тягостно мнѣ пребываніе въ тылу. Мнѣ кажется, что здѣсь все, даже воздухъ, которыемъ дышешь, ослабляетъ энергию, размягчаетъ характеры. Самые пессимистические слухи, самыя неправдоподобныя извѣстія встрѣчаютъ довѣріе и облетаютъ всѣ слои общества. Здѣсь заняты лишь интригами и происками, живутъ только эгоистическими и мелкими интересами; тамъ же — дерутся и умираютъ за родину. На фронтѣ одно чувство преобладаетъ надъ всемъ: желаніе побѣдить; остальное забыто, и, несмотря на потери, на неудачи, сохраняютъ вѣру.... Всякій человѣкъ, способный носить оружіе, обязанъ быть въ арміи. Что касается меня, я не могу дождаться минуты, когда присоединюсь къ моимъ войскамъ *).“

Императрица съумѣла использовать это горячее желаніе: она постаралась побѣдить его сомнѣнія, которыя, съ другой стороны, могли быть ему внушены нѣкоторыми соображеніями.

Она желала удаленія Великаго Князя Николая Николаевича, которого обвиняли въ томъ, что онъ подъ рукой пытается подорвать престижъ Государя и хочетъ вызвать въ свою пользу дворцовый переворотъ. Кромѣ

*) Это же чувство заставило его послѣ отреченія сказать одному изъ офицеровъ свиты: „И подумать только, что теперь, когда я уже больше не Императоръ, мнѣ не позволять даже сражаться за мою родину!“ — Эта фраза вполнѣ выражала его внутреннее чувство.

того, довѣряя свѣдѣньямъ, получаемымъ ею отъ г-жи Вырубовой, она была увѣрена, что Ставка была центромъ заговора, цѣль котораго была схватить ее въ отсутствіи Государя и удалить въ монастырь. Царь вполнѣ довѣрялъ вѣрности Великаго Князя Николая и считалъ его неспособнымъ на какой бы то ни было обманъ, но допускалъ возможность его соучастія въ козняхъ противъ Царицы. Онъ сдался, однако, лишь когда повелительное чувство, побуждавшее его стать во главѣ арміи, сдѣлалось въ его глазахъ долгомъ совѣсти. Вступая лично въ борьбу, онъ хотѣлъ показать, что война будетъ доведена до конца, и подчеркнуть непоколебимую свою вѣру въ конечную победу. Онъ считалъ своимъ долгомъ Главы государства въ эти трагическія минуты, не щадя себя, принять на себя всю отвѣтственность. Онъ хотѣлъ также своимъ присутствіемъ вселить вѣру въ войска, настроение которыхъ было поколеблено цѣльмъ рядомъ неудачъ. Они устали бороться съ врагомъ, главная сила котораго заключалась въ преимуществѣ его вооруженія.

Несмотря на послѣднія отступленія, военный престижъ Великаго Князя Николая Николаевича былъ значителенъ въ Россіи. Во все время этого первого года войны онъ доказалъ свою твердость и рѣшимость. Лишеніе его командованія въ минуту пораженія могло быть принято за указаніе, что его считаютъ отвѣтственнымъ. Оно могло быть истолковано, какъ наказаніе, столь же несправедливое въ отношеніи его заслугъ, сколь и оскорбительное для его чести. Государь отдавалъ себѣ въ этомъ отчетъ и рѣшился на это лишь скрѣпля сердце. Онъ сначала намѣревался оставить Великаго Князя при себѣ въ Ставкѣ, но это создало бы щекотливое положеніе для бывшаго Главнокомандующаго, и онъ рѣшилъ

назначить его Намѣстникомъ на Кавказъ и Главнокомандующимъ арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ.

Государь сообщилъ министрамъ свое рѣшеніе принять Верховное командованіе въ совѣтѣ, собранномъ въ Царскомъ Селѣ за нѣсколько дней до отъѣзда въ Ставку. Это извѣстіе совершенно ошеломило большинство присутствовавшихъ, и они пытались убѣдить Государя отказаться отъ своего предположенія. Они указали ему на серьезное неудобство, которое создастся для успѣшного хода дѣлъ, если онъ, Глава государства, будетъ почти постоянно пребывать въ Ставкѣ, на разстояніи болѣе 800 верстъ отъ мѣста пребыванія правительства. Они ссылались на многочисленныя его обязанности и просили не брать на себя новой и столь тяжкой ответственности. Наконецъ они умоляли его не становиться во главѣ войскъ въ такую критическую минуту: въ случаѣ неудачъ онъ рисковалъ подвергнуться нападкамъ, которые подорвали бы его престижъ и авторитетъ. Но Государь остался непоколебимъ. Нѣкоторые изъ окружающихъ сдѣлали новыя попытки отговорить его, но онъ равнымъ образомъ не удались, и 4 сентября вечеромъ онъ уѣхалъ въ Могилевъ, гдѣ находилась Ставка. На слѣдующій день онъ подписалъ приказъ, въ которомъ извѣщалъ войска о своемъ вступленіи въ Верховное командованіе и въ концѣ собственноручно прибавилъ: „Съ твердою вѣрою въ милость Божію и съ непоколебимой увѣренностью въ конечной побѣдѣ будемъ исполнять Нашъ святой долгъ защиты Родины до конца и не покрамимъ земли Русской“.

Это подтверждало обѣтъ, данный имъ въ началѣ войны, и связывало съ этой борьбой судьбу династіи.

Во Франціи и въ Англіи это извѣстіе вызвало удивленіе, не лишенное нѣкоторыхъ опасеній. Въ этомъ

увидѣли, однако, залогъ того, что русская Имперія въ лицѣ монарха, безвозвратно связала свою судьбу съ участю державъ Согласія и притомъ въ ту минуту, когда цѣлый рядъ пораженій даваль поводъ опасаться проявленія сепаратныхъ стремленій. Всѣ крупныя газеты союзныхъ государствъ подчеркнули важность этого решенія. Онѣ выражали надежду, что оно весьма благотворно отразится на настроеніи арміи и будетъ содѣйствовать одержанію конечной победы. Въ Россіи вся печать была полна торжествующихъ восхваленій, но въ дѣйствительности мнѣнія насчетъ цѣлесообразности этой перемѣны въ командованіи были вначалѣ довольно различны. Въ арміи присутствие Государя, содѣйствовало, какъ мы это увидимъ далѣе, поднятію духа солдатъ и вновь подбодрило войска.

Исторія когда нибудь установить, каковы были политическая и военные послѣдствія этой мѣры, которая со стороны Государя была проявленіемъ мужества и вѣры.

Какъ я и опасался, равнодушіе, которое какъ будто выказывалось Распутину втеченіе предыдущей зимы, было, увы, лишь времененнымъ. Во время майскихъ пораженій оно смѣнилось новымъ усиленіемъ его вліянія, которое еще увеличилось впослѣдствіи. Эта перемѣна настроенія легко объяснима. Въ началѣ войны Государь и Государыня, всецѣло проникнутые величиемъ собственного долга, переживали часы повышенного настроенія. Преисполненные любви къ своему народу, они чувствовали, что онъ отвѣчаетъ имъ тѣмъ же. Это горячее общеніе окрыляло ихъ надежды; они почувствовали себя подлиннымъ центромъ того великаго національного движенія, которое охватило всю Россію. Военные события послѣдующихъ мѣсяцевъ не поколебали ихъ мужества; они сохранили полной и неприкосновенною вѣру въ весеннее наступленіе, которое

должно было увѣнчаться окончательнымъ торжествомъ русскаго оружія.

Вотъ почему, когда разразилась катастрофа, они пережили дни невыразимой скорби. Въ своемъ страданіи Императрица должна была испытать неудержимое стремленіе искать нравственной поддержки въ томъ, который въ ея глазахъ былъ не только спасителемъ ея сына, но и представителемъ народа, посланнымъ отъ Бога, чтобы спасти Россію и ея Царя.

Государыня начала заниматься политикой не изъ личнаго честолюбія или жажды власти, какъ обѣ этомъ говорили. Побужденія, которыя ее къ этому влекли, простиекали изъ области душевыхъ чувствъ. Она въ такой же мѣрѣ обожала мужа, какъ боготворила своихъ дѣтей, и ея потребность посвящать себя тѣмъ, кого она любила, была безграницна. Единственнымъ ея желаніемъ было быть полезной Государю въ тяжелой его задачѣ и помочь ему своими совѣтами.

Убѣжденная, что самодержавіе есть единственная подходящая для Россіи форма правленія, Государыня считала широкія либеральныя уступки преждевременными. На ея взглядъ только Царь, который сосредоточивалъ въ своемъ лицѣ полноту власти, могъ воздѣйствовать на темную массу русскаго народа. Она была убѣждена въ томъ, что въ глазахъ мужика Государь представлялся символомъ единства, величія и славы Россіи, Главою государства и помазаникомъ Божіимъ. Затронуть его прерогативы — значило посягнуть на вѣру русскаго крестьянина, рисковать ввергнуть страну въ самыя худшія катастрофы. Царь долженъ не только царствовать, но и управлять государствомъ твердой иластной рукой.

Императрица внесла въ новую обязанность, которую на себя возложила, то же самозабвеніе и мужество,

но, увы, и то же ослѣпленіе, которая она проявила въ борьбѣ за жизнь своего ребенка. Она была послѣдовательна въ своемъ заблужденіи. Она была убѣждена, какъ я уже говорилъ объ этомъ выше, что династія можетъ найти опору только въ народѣ, и что Распутинъ — избранникъ Божій. Развѣ она не испытала дѣйственность его молитвъ во время болѣзни сына? Она непоколебимо увѣровала, что этотъ смиренный крестьянинъ можетъ своимъ сверхъестественнымъ озареніемъ оказать помошь тому, кто держалъ въ своихъ рукахъ судьбы русской Имперіи. Ловкій и хитрый Распутинъ лишь съ величайшей осторожностью рѣшался давать политическіе совѣты. Онъ всегда старался быть очень точно освѣдомленнымъ обо всемъ, что дѣжалось при Дворѣ, и каковы были потаенные чувства Ихъ Величествъ. Его пророческія слова всегда чаще подтверждали лишь завѣтныя желанія самой Императрицы. На самомъ дѣлѣ, сама того не подозрѣвая, она вдохновляла „вдохновителя“, но ея личныя желанія, проходя черезъ Распутина, принимали въ ея глазахъ силу и авторитетъ откровенія.

Передъ войной политическое влияніе Государыни проявлялось лишь урывками. Она ограничивала свое воздействиѳ главнымъ образомъ тѣмъ, что вызывала удаленіе тѣхъ, кто заявляли себя противниками „старца“. Въ первые мѣсяцы вслѣдъ за открытиемъ военныхъ дѣйствій положеніе это не измѣнилось, но съ начала большихъ неудачъ весны 1915 года, въ особенности же послѣ того, какъ Государь принялъ Верховное командованіе, Государыня, желая прійти на помощь мужу, котораго, какъ она чувствовала, все болѣе и болѣе подавляло бремя возраставшей отвѣтственности, стала принимать все большее участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Будучи изнурена, она жаждала для себя лишь покоя, но свое личное

спокойствіе она приносila въ жертву тому, что считала своей священnoй обязанностью.

Весьма сдержанная и въ то же время очень непосредственная, прежде всего — жена и мать, Императрица чувствовала себя счастливой только среди своихъ. Образованная и обладавшая художественнымъ чутью, она любила чтеніе и искусство. Она любила также созерцаніе и погружалась въ напряженную внутреннюю жизнь, изъ области которой выходила лишь при появлениі опасности. Тогда она со страстной горячностью вступала въ борьбу. Она была одарена самыми прекрасными нравственными качествами и всегда руководилась самыми благородными побужденіями. Но страданія сломили ее; она была лишь тѣнью самой себя и ей часто случалось впадать въ періоды мистического экстаза, который заставлялъ ее утрачивать ясное представленіе о вещахъ и о людяхъ. Ея вѣра въ святость Распутина доказываетъ это яснѣе всего. Вотъ какимъ образомъ, желая спасти мужа и ребенка, которыхъ она любила больше всего на свѣтѣ, она своими собственными руками выковала оружіе для ихъ погибели.

ГЛАВА XII

Императоръ Николай II — Верховный Главно-командующій. — Пріѣздъ Цесаревича въ Ставку. —

Поѣздки на фронтъ

(сентябрь—декабрь 1915 г.)

Великій Князь Николай Николаевичъ покинулъ Ставку 7 сентября, т. е. два дня спустя по прибытіи Государя. Онъ уѣхалъ на Кавказъ, взявъ съ собою генерала Янушкевича, который незадолго до того былъ замѣненъ въ должности начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго генераломъ Алексѣевымъ. Это назначеніе было очень хорошо принято въ военныхъ кругахъ, которые возлагали величайшія надежды на этого генерала. Въ самомъ дѣлѣ, ему принадлежалъ планъ осеннихъ операций 1914 года въ Галиціи, и онъ только что доказалъ еще разъ свои военные дарования въ должностіи Главнокомандующаго сѣверо-западнымъ фронтомъ. Задача, которая на него возлагалась, была чрезвычайно тяжела, ибо вслѣдствіе неудержимаго продвиженія нѣмцевъ русская армія находилась въ очень критическомъ положеніи, и рѣшенія, которыя надлежало принять, имѣли исключительное значеніе. Съ самаго начала Государь всецѣло предоставилъ генералу Алексѣеву руководство военными дѣйствіями, лично довольствуясь лишь тѣмъ, что покрывалъ его своимъ авторитетомъ и принималъ отвѣтственность за всѣ его начинанія.

Нѣсколько дней послѣ принятія Николаемъ II Верховнаго командованія положеніе внезапно ухудшилось. Нѣмцамъ, сосредочившимъ крупныя силы къ сѣверо-

западу отъ Вильны, удалось прорвать русскій фронтъ. Ихъ кавалерія стала работать въ тылу арміи и угрожать перерывомъ ея сообщеній. 18 сентября русская армія, казалось, была наканунѣ страшнаго пораженія. Однако, благодаря умѣлымъ распоряженіямъ, выдержанкѣ и геройству войскъ, несчастіе было предотвращено. Это было послѣднее усиленіе нѣмцевъ, которые сами выбились изъ силь. Съ первыхъ же дней октября русскіе въ свою очередь одержали успѣхъ надъ австрійцами. Мало по малу громадный фронтъ вновь пріобрѣлъ прочность, и обѣ стороны стали окапываться.

Это былъ конецъ долгаго отступленія, начавшагося въ маѣ мѣсяцѣ. Несмотря на все, нѣмцы не достигли рѣшительнаго результата; русская армія покинула значительную территорію, но повсюду избѣжала окруженія непріятелемъ.

Государь вернулся 6 октября на нѣсколко дней въ Царское Село, и было решено, что Алексій Николаевичъ вновь пойдетъ съ нимъ въ Ставку, такъ какъ ему очень хотѣлось показать войскамъ Наслѣдника. Государыня покорилась этой необходимости; она понимала, какъ Государь страдалъ отъ своего одиночества; въ самые тяжелые дни своего существованія онъ былъ лишенъ своей высшей радости — семьи. Она знала, какую поддержку онъ почерпнетъ въ присутствіи своего сына. Но сердце ея обливалось кровью при мысли объ отъездѣ Алексія Николаевича; это была ея первая разлука съ нимъ, и можно себѣ представить какую жертву приносила эта мать, не разстававшаяся съ своимъ ребенкомъ ни на минуту безъ тревоженой мысли, увидитъ ли она его вновь живымъ!

Мы уѣхали 14 октября въ Могилевъ. Императрица и Великія Княжны провожали насъ на вокзалъ.

Когда я прощался съ ней, Ея Величество просила меня писать ей ежедневно, чтобы сообщать извѣстія объ Алексѣѣ Николаевичѣ. Я обѣщалъ ей добросовѣстно исполнять ея желаніе во все время нашего отсутствія.

На слѣдующій день мы остановились въ Рѣжицѣ, гдѣ Государь хотѣлъ сдѣлать смотръ войскамъ, отведеннымъ съ фронта и расквартированнымъ въ окрестностяхъ. Всѣ эти полки принимали участіе въ тяжелой кампаніи въ Галиціи и на Карпатахъ, и ихъ составъ два или три раза почти полностью возобновлялся. Но, несмотря на понесенные ими ужасные потери, они прошли передъ Государемъ съ удивительнымъ подъемомъ. Правда, они были на отдыхѣ уже нѣсколько недѣль и успѣли оправиться отъ усталости и лишеній. Это былъ первый смотръ Царя войскамъ, послѣ принятія имъ Верховнаго командованія. Такимъ образомъ они видѣли въ немъ одновременно Царя и Главнокомандующаго. Послѣ смотра Государь подошелъ къ солдатамъ и вступилъ въ простой разговоръ съ нѣкоторыми изъ нихъ, разспрашивая ихъ о жестокихъ бояхъ, въ которыхъ они участвовали. Алексѣй Николаевичъ шагъ за шагомъ слѣдовалъ за отцомъ, слушая со страстнымъ интересомъ разсказы этихъ людей, которые столько разъ видѣли близость смерти. Его обычно выразительное и подвижное лицо было полно напряженія отъ усилия, которое онъ дѣлалъ, чтобы не пропустить ни одного слова изъ того, что они разсказывали. Присутствіе Наслѣдника рядомъ съ Государемъ возбуждало интересъ въ солдатахъ, и когда онъ отошелъ, слышно было, какъ они шепотомъ обмѣниваются впечатлѣніями о его возрастѣ, ростѣ, выраженіи лица и т. д. Но больше всего ихъ поразило, что Цесаревичъ былъ въ простой солдатской формѣ, ничѣмъ не отличавшейся отъ той, которую носила команда солдатскихъ дѣтей.

Мы пріѣхали 16 октября въ Могилевъ, маленькой городокъ Бѣлоруссіи очень провинціального вида, куда Великій Князь Николай Николаевичъ перевелъ Ставку за два мѣсяца передъ тѣмъ, во время большого германскаго наступленія. Государь жилъ въ домѣ губернатора, построенному на высотѣ, господствующей надъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра. Онъ занималъ въ первомъ этажѣ двѣ довольно большия комнаты, изъ которыхъ одна служила ему рабочимъ кабинетомъ, а другая спальней. Онъ рѣшилъ, что сынъ будетъ жить съ нимъ. Походная кровать Алексѣя Николаевича была поставлена рядомъ съ кроватью его отца. Я же былъ помѣщенъ, какъ и часть военной свиты Царя, въ зданіи окружного суда, которое было отдано въ распоряженіе Ставки. Наша жизнь сложилась слѣдующимъ образомъ. Государь уходилъ каждый день въ $9\frac{1}{2}$ часовъ въ штабъ и оставался тамъ обыкновенно до часу дня; я же пользовался его отсутствіемъ, чтобы заниматься съ Алексѣемъ Николаевичемъ въ его кабинетѣ, гдѣ мы должны были располагаться ввиду недостатка помѣщенія. Завтракъ подавался въ большой залѣ губернаторскаго дома. За нимъ собиралось ежедневно до тридцати приглашенныхъ. Среди послѣднихъ находился генераль Алексѣевъ, его главные сотрудники, начальники всѣхъ союзныхъ военныхъ миссій, свита и некоторые офицеры, находившіеся проѣздомъ въ Могилевѣ. Послѣ завтрака Государь разрѣшалъ срочныя дѣла, послѣ чего, около трехъ часовъ, мы выѣзжали на прогулку въ автомобильѣ. Отѣхавъ на извѣстное разстояніе отъ города, мы останавливались, выходили и около часа гуляли пѣшкомъ по окрестностямъ. Одной изъ любимыхъ цѣлей нашихъ поѣздокъ былъ красивый сосновый лѣсъ, окружающей деревушкѣ Салтановку, гдѣ 29 юля 1812 г. произошло столкновеніе маршала Даву съ войсками ген-

рала Раевского *). Часовня, построенная на берегу пруда неподалеку от старой мельницы, указываетъ мѣсто, гдѣ былъ центръ сопротивленія русскихъ.

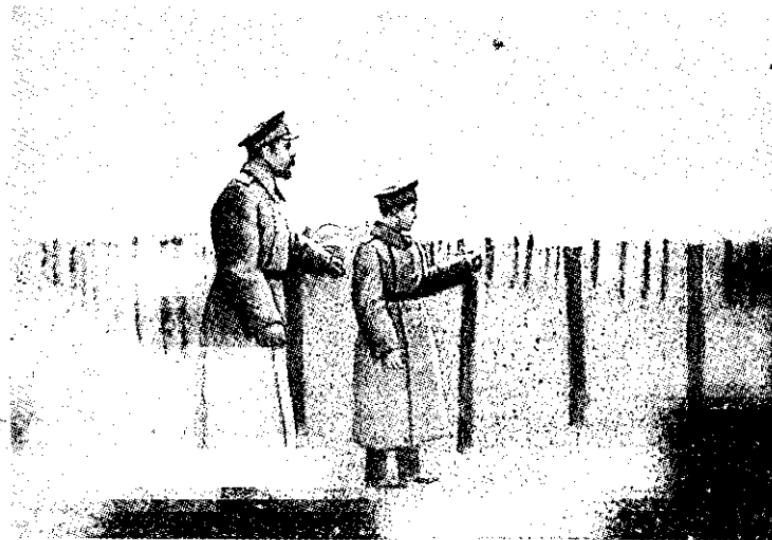
По возвращеній съ прогулки Государь вновь принимался за работу, а Алексѣй Николаевичъ готовилъ въ кабинетѣ отца уроки къ слѣдующему дню. Однажды, въ то время, какъ я, по обыкновенію, былъ при немъ, Государь, обернувшись ко мнѣ съ первомъ въ рукахъ, внезапно прервалъ мое чтеніе словами:

— „Если бы кто нибудь мнѣ сказалъ, что придетъ день, когда я подпишу объявление войны Болгаріи, я счелъ бы такого человѣка безумцемъ, и вотъ, однако, день этотъ насталъ. Но я подписываю это, скрѣпя сердце, такъ какъ убѣжденъ, что болгарскій народъ обманутъ своимъ королемъ, и что большая часть его сохраняетъ привязанность къ Россіи. Сознаніе племенного единства скоро пробудится въ немъ, и онъ пойметъ свое заблужденіе, но будетъ поздно!

Этотъ случай показываетъ всю простоту нашей жизни въ Ставкѣ и интимность, созданную совершенно исключительными обстоятельствами, въ которыхъ я находился.

Государь пожелалъ осмотрѣть войска въ сопровождении Наслѣдника, и мы отправились 24 октября въ армію. На слѣдующее утро мы прибыли въ Бердичевъ, гдѣ въ нашъ поѣздѣ сѣлъ Главнокомандующій юго-западнымъ фронтомъ, генералъ Ивановъ. Нѣсколько часовъ спустя мы были въ Ровно. Въ этомъ городѣ по-

*) Французская армія въ своемъ походѣ на Москву заняла Могилевъ 19 июня, и маршаль Даву жилъ нѣсколько дней въ томъ же домѣ губернатора, гдѣ теперь помѣстился Государь съ Алексѣемъ Николаевичемъ.

Государь и Наслѣдникъ передъ проволочными за-
гражденіями. Бѣлоруссія, осень 1915 г.

Императоръ Николай II и Цесаревичъ присутствуютъ на молебнѣ въ Ставкѣ.

Государь и Цесаревичъ въ окрестностяхъ Могилева, лѣто 1916 г.

мѣщался генераль Брусиловъ съ своимъ штабомъ, и мы должны были отправиться съ нимъ къ мѣсту расположения войскъ. Мы тотчасъ же сѣли въ автомобили, ибо приходилось проѣхать болѣе двадцати верстъ. При выѣздѣ изъ города къ намъ присоединился отрядъ аэро-плановъ, который провожалъ насъ до той минуты, когда мы увидѣли длинные сѣрые ряды войскъ, построенныхъ позади лѣса. Минуту спустя мы подъѣхали. Государь съ Цесаревичемъ прошелъ пѣшкомъ по всему фронту, затѣмъ части прошли одна за другой передъ нимъ. Вслѣдъ за этимъ онъ приказалъ выступить впередъ офицерамъ и солдатамъ, представленнымъ къ наградѣ, и самъ вручилъ имъ георгіевскіе кресты. Когда окончилась эта церемонія, уже наступила ночь. На возвратномъ пути, узнавъ отъ генерала Иванова, что неподалеку находится перевязочный пунктъ, Государь рѣшилъ прямо проѣхать туда. Мы вѣхали въ густой лѣсъ и вскорѣ замѣтили небольшое зданіе, слабо освѣщенное краснымъ свѣтомъ факеловъ. Государь, сопутствуемый Алексѣемъ Николаевичемъ, вошелъ въ домъ, подходилъ ко всѣмъ раненымъ и съ большой добротой съ ними бесѣдовалъ. Его внезапное посѣщеніе въ столь поздній часъ и такъ близко отъ линіи фронта вызвало изумленіе, выражавшееся на всѣхъ лицахъ. Одинъ изъ солдатъ, котораго только что вновь уложили въ постель послѣ перевязки, пристально смотрѣлъ на Государя и, когда послѣдній нагнулся надъ нимъ, онъ приподнялъ единственную свою здоровую руку, чтобы дотронуться до его одежды и убѣдиться, что передъ нимъ дѣйствительно Царь, а не видѣніе. Алексѣй Николаевичъ стоялъ немнога позади своего отца, глубоко потрясенный стонами, которые онъ слышалъ, и страданіями, которыя угадывалъ вокругъ себя.

Мы вернулись въ нашъ поѣздъ, который тотчасъ прослѣдовалъ на югъ. На слѣдующее утро мы проснулись въ Галиціи; ночью мы проѣхали бывшую границу Австріі. Государь желаль поздравить войска, которыя, благодаря чудесамъ храбрости и несмотря на недостатокъ оружія и снарядовъ, все же удержались на непріятельской территорії. Мы покинули желѣзную дорогу въ Богдановкѣ и постепенно поднялись на плоскогорье, гдѣ были собраны части отъ всѣхъ полковъ арміи генерала Щербачева. По окончаніи церемоніи, несмотря на представленія окружающихъ, Государь посѣтилъ Печерскій полкъ, расположенный на разстояніи пяти километровъ отъ передовыхъ окоповъ въ мѣстѣ, доступномъ для огня непріятельской артиллериі. Послѣ этого мы вернулись къ автомобіямъ, которые были оставлены въ лѣсу, и направились къ арміи генерала Лечицкаго, находившейся въ 50 километрахъ оттуда. На возвратномъ пути насть застигла ночь; густой туманъ покрывалъ поля; мы заблудились, и намъ дважды пришлось поворачивать назадъ. Наконецъ, послѣ долгихъ блужданій, намъ удалось выбраться къ полотну желѣзной дороги, но мы находились въ 25 километрахъ отъ мѣста, гдѣ насть ожидалъ нашъ поѣздъ!... Два часа спустя мы выѣхали въ Ставку.

Государь вынесъ изъ своего осмотра наилучшее впечатлѣніе. Онъ впервые вошелъ въ непосредственное соприкосновеніе съ войсками и былъ счастливъ удостоѣриться лично, почти на самой линіи огня, въ хорошемъ состояніи полковъ и превосходномъ настроеніи, которое ихъ одушевляло.

Мы вернулись въ Могилевъ 27 октября вечеромъ, а на слѣдующее утро Ея Величество и Великія Княжны въ свою очередь прибыли въ Ставку. Государыня съ

Г. Цесаревич

1915.

Наслѣдникъ Цесаревичъ

дочерьми останавливалась во время путешествія во многихъ городахъ Тверской, Псковской и Могилевской губерній для посѣщенія военныхъ госпиталей. Онъ проѣздили съ нами три дня въ Могилевѣ. Затѣмъ вся семья выѣхала обратно въ Царское Село, гдѣ Государь долженъ былъ пробыть нѣсколько дней.

На предыдущихъ страницахъ я долго распространялся о первомъ путешествіи Государя съ Наслѣдникомъ. Чтобы избѣгнуть скучныхъ повтореній, я ограничусь въ дальнѣйшемъ разсказомъ лишь краткими указаніями о нашихъ поѣздахъ въ армію втеченіе ноября.

Мы покинули Царское Село 9 ноября; 10 мы были въ Ревель, гдѣ Царь посѣтилъ отрядъ подводныхъ лодокъ, который только что вернулся изъ плаванія. Суда были покрыты толстымъ слоемъ льда, какъ сверкающей чешуей. Тутъ же находились двѣ англійскихъ подводныхъ лодки, которые цѣною огромныхъ усилий проникли въ Балтійское море. Имъ удалось уже потопить нѣкоторое количество нѣмецкихъ судовъ. Государь передалъ георгіевскіе кресты командирамъ этихъ лодокъ.

На слѣдующій день, въ Ригѣ, которая представляла собой какъ бы бастіонъ, вдававшійся вглубь нѣмецкаго расположенія, мы провели нѣсколько часовъ среди удивительныхъ сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ, которые считались однѣми изъ лучшихъ воинскихъ частей русской арміи. Они молодецки прошли предъ Государемъ, отвѣчая на его привѣтствіе установленнымъ возгласомъ: „рады стараться, Ваше Императорское Величество!“ и восторженно провожая его неудержимыми кликами.

Нѣсколько дней спустя мы были въ Тирасполѣ, маленькому городку въ ста километрахъ на сѣверо-западъ отъ Одессы, гдѣ Государь сдѣлалъ смотры частямъ войскъ генерала Щербачева. По окончаніи смотра Царь

пожелалъ лично отдать себѣ отчетъ въ потеряхъ, понесенныхъ войсками, и черезъ командировъ полковъ приказалъ, чтобы всѣ, кто находился въ рядахъ съ начала кампаниі подняли руку. Приказъ былъ отданъ, и только нѣсколько рукъ поднялось надъ этой тысячной толпой; были цѣлые роты, въ которыхъ никто не шевельнулся... Этотъ случай произвелъ очень глубокое впечатлѣніе на Алексѣя Николаевича; въ первый разъ жизнь столь непосредственно показала ему весь ужасъ войны.

На слѣдующій день, 22 ноября, мы прибыли въ Рени, маленький городокъ на Дунаѣ у границы Румыніи. Въ немъ находились большие склады, такъ какъ тамъ была база для судовъ, снабжавшихъ продовольствіемъ, вооруженіемъ и снарядами несчастную Сербію, которая, благодаря измѣнѣ Болгаріи, только что подверглась австро-германскому вторженію.

На другой день, недалеко отъ Балты, въ Подоліи, Государь дѣлалъ смотръ знаменитой кавказской кавалерійской дивизіи, полки которой вновь покрыли себя славой во время этой войны. Среди нихъ были, между прочимъ, кубанские и терские казаки на высокихъ сѣдлахъ, съ длинными тонкими пиками, въ мохнатыхъ папахахъ, придававшихъ имъ свирѣпый видъ. Когда мы тронулись въ обратный путь, эта масса кавалеріи вдругъ двинулась, развернулась по обѣ стороны дороги и понеслась галопомъ, взираясь на возвышенности, спускаясь по кручѣ овраговъ, перескакивая черезъ препятствія, и проводила насъ до вокзала стремительной лавиной, въ которой люди и лошади сталкивались, падали наземь. Воздухъ оглашался дикими криками кавказскихъ горцевъ. Зрѣлище было одновременно величественное и страшное; тутъ проявлялись всѣ дикие инстинкты этихъ первобытныхъ племенъ.

Мы вернулись въ Ставку лишь 26 ноября, объѣхавъ почти весь огромный русскій фронтъ отъ Балтійского до Чернаго моря.

Около 10 декабря мы узнали, что Государь намѣренъ посѣтить гвардейскіе полки, которые были тогда сосредоточены на границѣ Галиціи. Утромъ въ день нашего отъѣзда, въ четвергъ 16 декабря, у Алексѣя Николаевича, простудившагося наканунѣ и схватившаго страшный насморкъ, послѣ сильнаго чиханія открылось кровотеченіе носомъ. Я послалъ за профессоромъ Федоровымъ *), но ему не удалось вполнѣ остановить кровотеченіе. Мы пустились въ путь, несмотря на это происшествіе, потому что все было приготовлено для прибытія Государя. Ночью болѣзнь ухудшилась; температура поднялась, и больной слабѣлъ. Въ три часа утра профессоръ Федоровъ, испуганный ложившейся на него отвѣтственностью, рѣшился послать разбудить Государя и просить вернуться въ Могилевъ, гдѣ онъ могъ бы въ лучшихъ условіяхъ ухаживать за ребенкомъ.

На слѣдующій день мы возвратились въ Ставку, но состояніе Цесаревича стало такъ тревожно, что рѣшено было отвезти его обратно въ Царское Село. Государь все же отправился въ штабъ, гдѣ провелъ два часа съ генераломъ Алексѣевымъ. Потомъ онъ вернулся къ намъ, и мы немедленно тронулись въ путь. Возвращеніе въ Царское Село было особенно тревожно, потому что силы больного быстро падали. Приходилось нѣсколько разъ останавливать поѣздъ, чтобы смѣнять тампоны. Втеченіе ночи съ Алексѣемъ Николаевичемъ, — котораго

*) Профессоръ Федоровъ сопровождалъ Государя во всѣхъ его поѣздахъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ взялъ на себя Верховное командование. Докторъ Боткинъ и докторъ Деревенко остались въ Царскомъ Селѣ.

въ постели поддерживалъ матросъ Нагорный, такъ какъ его нельзя было оставлять въ совершенно лежачемъ положеніи — дважды дѣлались обмороки, и я думалъ, что это конецъ. Къ утру однако наступило легкое улучшеніе, и кровотеченіе уменьшилось. Мы прибыли наконецъ въ Царское Село; было одиннадцать часовъ утра. Государыня въ смертельной тревогѣ ожидала насъ съ Великими Княжнами на платформѣ вокзала. Съ безконечными предосторожностями больного доставили во дворецъ. Наконецъ удалось прижечь ранку, образовавшуюся на мѣстѣ маленькаго лопнувшаго кровеноснаго сосуда. Государыня приписала однако молитвамъ Расputина улучшеніе, наступившее утромъ въ состояніи здоровья Цесаревича; она осталась при убѣжденіи, что ребенокъ былъ спасенъ благодаря его помощи.

Государь пробылъ нѣсколько дней съ нами, но онъ спѣшилъ снова уѣхать, желая воспользоваться относительнымъ затишьемъ на всемъ протяженіи фронта, чтобы осмотрѣть войска и войти съ ними въ возможно болѣе близкое соприкосновеніе. Его поѣздки на фронтъ удались великолѣпно. Его присутствіе повсемѣстно возвуждало сильнѣйшій энтузіазмъ не только среди солдатъ, но также и среди крестьянъ, которые на каждой остановкѣ поѣзда толпами сбѣгались изъ окрестностей, стараясь увидѣть Царя. Государь былъ убѣжденъ, что долженъ сдѣлать всѣ усилия, чтобы оживить въ народѣ и въ арміи чувство патріотизма и привязанности къ нему. Пережитые имъ только что часы заставляли его вѣрить, что онъ этого дѣйствительно достигъ, и тѣ, кто его сопровождалъ, повѣрили въ это такъ же, какъ и онъ. Была ли это иллюзія? Надо очень плохо понимать русскій народъ и не знать, насколько глубоко укоренилось монархическое чувство въ мужикѣ, чтобы не допустить, что это была дѣйствительность.

ГЛАВА XIII

**Государь и Дума. — Галиційская кампанія. —
Наша жизнь въ Ставкѣ. — Растущее недовольство**

въ тылу

(1916 годъ)

Государь выѣхалъ 25 декабря обратно въ Ставку одинъ и три дня спустя сдѣлалъ смотръ на границѣ Галиції гвардейскимъ дивизіямъ, сосредоточеннымъ тамъ ввиду предстоявшаго наступленія. Отсутствіе Алексія Николаевича причинило ему настоящее горе, такъ какъ онъ заранѣе радовался мысли показать его гвардіи. Вслѣдъ за этимъ онъ вернулся въ Могилевъ.

Къ концу 1915 года военное положеніе Россіи значительно улучшилось. Армія воспользовалась мѣсяцами, послѣдовавшими за остановкой большого германского наступленія (въ концѣ сентября 1915 года), и, благодаря громаднымъ резервамъ, имѣвшимся въ странѣ, легко возмѣстила тяжелыя потери, понесенные ею во время отступленія. Еще разъ нѣмцы увидѣли, что обманулись въ ожиданіи тѣхъ крупныхъ преимуществъ, на которыхъ они расчитывали и которыхъ, казалось, должны были быть имъ обеспечены блестящими успѣхами начала кампаніи. Они все болѣе и болѣе сомнѣвались въ возможности силою оружія сломить упорное сопротивленіе русскихъ. Умѣлой пропагандой и ловкими интригами они пытались вызвать внутри Россіи волненія, которыхъ ускорили бы, какъ они на то надѣялись, развязку, составлявшую предметъ столь страстнаго ихъ желанія. Но они встрѣтили въ лицѣ Государя непреодолимое препятствіе къ осу-

ществленію своихъ замысловъ. Это препятствіе требовалось устраниить.

Принявъ лично командованіе и подвергая риску въ этой борьбѣ свою корону, Государь окончательно отнялъ у врага всякую надежду на соглашеніе. Въ Берлинѣ понимали, что Николай II останется вѣренъ своимъ союзникамъ до конца, и что всѣ попытки сближенія разобьются объ его непоколебимую волю продолжать войну во что бы то ни стало. Кромѣ того было извѣстно, что Царь являлся единственной связью, объединяющей различныя части Имперіи, и что въ случаѣ его сверженія никакая организованная власть не въ состояніи помѣшать расчлененію и предотвратить анархію въ странѣ. Всѣ усилия нѣмецкаго главнаго командованія имѣли цѣлью подкопаться подъ престижъ монархіи и вызвать сверженіе Государя. Чтобы достигнуть этой цѣли, надо было прежде всего скомпрометировать Царя въ глазахъ народа и союзниковъ. Германія располагала въ Россіи могущественными орудіями дѣйствія и освѣдомленія и все пустила въ ходъ, чтобы распространить мысль, будто Государь не очень склоненъ продолжать войну и хочетъ заключить сепаратный миръ. Царь рѣшилъ покончить съ этими интригами и ясно опредѣлить свои намѣренія. 2 января, въ Замирѣ, гдѣ онъ дѣлалъ смотръ полкамъ арміи генерала Куропаткина, онъ заключилъ свое обращеніе къ войскамъ слѣдующимъ торжественнымъ заявлениемъ:

„Вы можете быть вполнѣ спокойны; какъ я уже заявилъ въ началѣ войны, я не заключу мира до тѣхъ поръ, пока мы не изгонимъ изъ нашихъ предѣловъ послѣдняго непріятеля, и я заключу этотъ миръ лишь въ полномъ согласіи съ нашими союзниками, съ которыми мы связаны не только договорами, но искренней дружбой и пролитою кровью!“

Николай II подтверждалъ такимъ образомъ среди своихъ войскъ торжественное обязательство, принятое имъ 2 августа 1914 года и возобновленное имъ, когда онъ взялъ на себя Верховное командование русскими войсками. Правительство, желая дать возможно болѣе широкую огласку этой рѣчи Государя, приказало напечатать ее для распространенія въ полкахъ и деревняхъ.

Царь продолжалъ посѣщать фронтъ и Ставку втечение января и февраля. Въ Могилевѣ онъ провелъ и русскій Новый годъ и вернулся въ Царское Село 21 февраля, наканунѣ открытия Думы. Пять дней передъ тѣмъ вѣсть о взятіи Эрзерума, который такъ долго былъ центромъ сопротивленія турецкой арміи, наполнила радостью всѣ русскія сердца. Это было дѣйствительно блестящей успѣхъ, и наступленіе кавказской арміи продолжало быстро развиваться. На слѣдующій день по своемъ прибытии Царь, согласно уже ранѣе высказанному намѣренію, отправился вмѣстѣ съ братомъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ, въ Таврический дворецъ, гдѣ Дума должна была возобновить въ этотъ день свои занятія. Тутъ въ первый разъ представители народа принимали своего Монарха, и въ политическихъ кругахъ приписывали большое значеніе этому отнынѣ историческому событию. Оно свидѣтельствовало объ искреннемъ желаніи Государя установить болѣе тѣсное сотрудничество съ народнымъ представительствомъ, и ему за это были тѣмъ болѣе благодарны, что довѣріе къ правительству было поколеблено пораженіями, испытанными арміей, и тяжелыми обвиненіями, возведенными на бывшаго военного министра, генерала Сухомлинова.

По своемъ прибытии въ Таврический дворецъ Царь былъ встрѣченъ предсѣдателемъ Государственной Думы М. В. Родзянко, который провелъ его въ Екатерининскій

залъ, гдѣ онъ присутствовалъ на благодарственномъ молебнѣ по случаю взятія Эрзерума. Обратившись вслѣдъ за тѣмъ къ депутатамъ, Государь высказалъ имъ всю радость, которую онъ испытывалъ, находясь среди нихъ, и свое безусловное убѣжденіе, что въ трагическія минуты, переживаемыя Россіей, они соединятъ всѣ свои усилия и будутъ работать въ полномъ согласіи на благо родины. Бурная овация была отвѣтомъ на его слова. Послѣ осмотра залъ и канцелярій Таврическаго дворца Государь выѣхалъ. Полчаса спустя, предсѣдатель Думы, открывая засѣданіе, сказалъ въ своей рѣчи: „Великое и необходимое благо для Русскаго Царства, непосредственное единеніе Царя съ его народомъ, отнынѣ закрѣплено еще могучѣе и сильнѣе, и радостная вѣсть эта наполнитъ счастьемъ сердца всѣхъ русскихъ людей во всѣхъ уголкахъ земли русской и одушевитъ новымъ приливомъ мужество нашихъ славныхъ и доблестныхъ бойцовъ — защитниковъ родины“.

Въ этотъ памятный день казалось, что всѣ — Царь, министры и народные представители имѣли одну лишь мысль — побѣдить во что бы то ни стало!

Въ тотъ же вечеръ Государь посѣтилъ Государственный Совѣтъ, который равнымъ образомъ приступалъ къ работамъ. Затѣмъ онъ вернулся въ Царское Село, откуда на слѣдующій день выѣхалъ въ Ставку. Это было во время самого сильнаго натиска на Верденъ, и Россія должна была выступить безъ замедленія, чтобы оттянуть на себя возможно болѣе значительныя силы непріятеля. Наступленіе было рѣшено: оно началось около 15 марта въ районѣ между Двинскомъ и Вильной и вначалѣ увѣничалось успѣхомъ. Но русскіе продвигались медленно, потому что нѣмцы оказывали имъ ожесточенное сопротивленіе. Кромѣ того, условія мѣстности были

чрезвычайно неблагопріятны. Была оттепель, дороги были почти непроходимы, и люди продвигались по страшной грязи и болотамъ. Съ начала апрѣля русское наступленіе стало ослабѣвать и, наконецъ, совсѣмъ остановилось. Однако эта диверсія принесла свою пользу, и нѣмцы при-нуждены были притянуть значительныя силы на угрожаемые участки фронта.

Алексѣй Николаевичъ очень ослабѣлъ послѣ силь-наго кровотечения въ декабрѣ, которое подвергло его жизнь такой большой опасности. Онъ вполнѣ собрался съ силами лишь въ февраль, но Императрица, наученная опытомъ, рѣшила оставить его въ Царскомъ Селѣ до наступленія теплой погоды. Я далеко не жаловался на это рѣшеніе, такъ какъ, несмотря на всѣ мои усилия, об-разованіе Цесаревича терпѣло ущербъ отъ нашихъ дли-тельныхъ поѣздокъ на фронтъ *).

Мы вновь выѣхали въ Ставку лишь 17 мая, гдѣ Государь долженъ былъ пробыть довольно долгое время, не возвращаясь въ Царское Село. Черезъ двѣ недѣли послѣ нашего прїѣзда, 4 юна, началось большое насту-пленіе генерала Брусилова. Оно блистательно удалось, и

*). Я хочу отмѣтить здѣсь одинъ случай, имѣвшій мѣсто въ началѣ весны въ одинъ изъ прїѣздовъ Государя съ фронта въ Царское Село. Этотъ случай хорошо показываетъ характеръ чувствъ, которыя Государь испытывалъ къ нѣмцамъ и которыя онъ старался внушить своему сыну. Цесаревичъ игралъ въ паркѣ, гдѣ находился также и Государь съ Великими Княжнами. Онъ проскользнулъ сзади самой младшей изъ нихъ, не будучи замѣченъ ею, и бросилъ ей въ упоръ въ спину большой комокъ снѣга. Отецъ, который издали наблюдалъ за этой сценой, подозвалъ его къ себѣ и строго ему замѣтилъ: „Стыдно тебѣ, Алексѣй! Ты ве-дешь себя, какъ нѣмецъ. Нападать сзади на человѣка беззащитнаго — это гадко, подло. Предоставь это нѣмцамъ!”

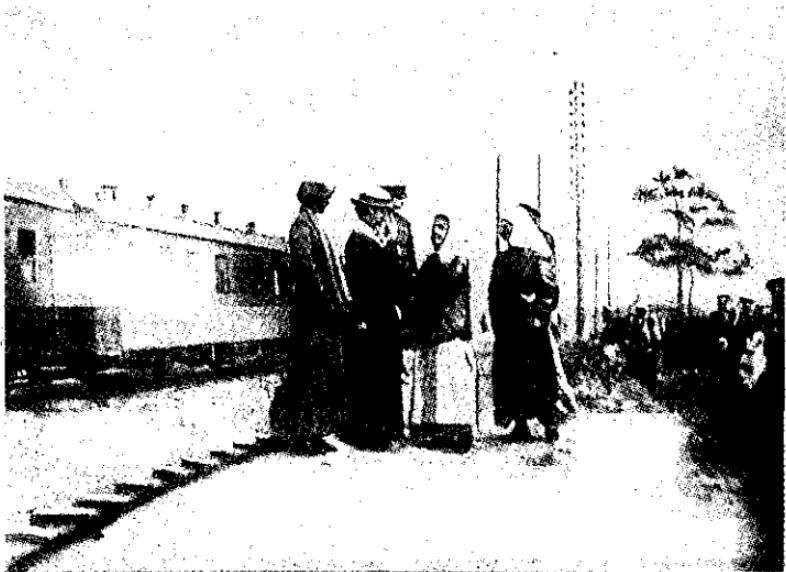

Государь и Цесаревичъ на берегу Днѣпра, лѣто 1916 г.

въ послѣдующіе дни успѣхи продолжали развиваться. Австрійскій фронтъ подавался подъ нажимомъ русской арміи и отступалъ въ направлениі къ Львову. Количество пленныхъ было значительно, и положеніе австрійцевъ въ районѣ Луцка было очень критическое. Вѣсть объ этой блестящей побѣдѣ была восторженно встрѣчена въ Ставкѣ. Ей суждено было быть послѣдней большой радостью Государя.

Со времени нашего возвращенія въ Ставку наша жизнь сложилась приблизительно такъ же, какъ и въ предыдущіе наши прїезды. Однако я давалъ уроки Алексѣю Николаевичу уже не въ рабочемъ кабинетѣ его отца, а на маленькой верандѣ, которую мы приспособили, какъ классную комнату, или же въ большой палаткѣ въ саду, служившей столовой. Здѣсь съ наступлениемъ жаркихъ дней Государь завтракалъ и обѣдалъ. Мы пользовались хорошими лѣтними днями для красивыхъ прогулокъ по Днѣпру. Министръ путей сообщенія для этой цѣли отдалъ въ наше распоряженіе маленькую яхту.

Государыня и Великія Княжны изрѣдка прїезжали на короткое время въ Ставку. Онѣ жили въ поѣздѣ, завтракали у Государя и принимали участіе въ нашихъ прогулкахъ. Царь въ свою очередь обѣдалъ у Государыни и, когда могъ, проводилъ часть вечера со своими. Великія Княжны очень любили эти поѣздки въ Могилевъ, всегда слишкомъ короткія, какъ имъ казалось; это вносило небольшую перемѣну въ ихъ однообразную и суровую жизнь. Онѣ пользовались тамъ большей свободой, чѣмъ въ Царскомъ Селѣ. Станція въ Могилевѣ, какъ это часто бываетъ въ Россіи, была очень далеко отъ города и стояла почти въ полѣ. Великія Княжны, пользовались своими досугами, чтобы посѣщать окрестныхъ

Императрица и Великая Княжна Татьяна Николаевна разговаривают съ бѣженцами. Могилевъ, май 1916 г.

Великія Княжны Ольга, Анастасія и Марія Николаевни посѣщають жену и дѣтей желѣзнодорожного сторожа въ Могилевѣ

крестьянъ и семьи желѣзнодорожныхъ служащихъ. Ихъ простота и безыскусственная доброта побѣждали всѣ сердца, и такъ какъ онъ очень любили дѣтей, ихъ всегда можно было видѣть, окружеными толпою ребятишекъ, которыхъ онъ собирали по дорогѣ во время прогулокъ и закармливали конфетами.

Къ несчастію жизнь въ Могилевѣ сильно задерживала занятія Алексея Николаевича. Кромѣ того, она вредила его здоровью. Онъ воспринималъ тамъ слишкомъ много черезчуръ сильныхъ для такого хрупкаго существа впечатлѣній. Онъ становился нервнымъ, разсѣяннымъ, неспособнымъ ко всякой плодотворной работѣ. Я подѣлился моими наблюденіями съ Государемъ. Признавая ихъ основательность, онъ возразилъ мнѣ, что эти неудобства возмѣщаются тѣмъ, что Алексѣй Николаевичъ утрачиваетъ свою природную робость и дикость и что отъ зрелища страданій, которыя онъ увидѣть, онъ сохранитъ на всю жизнь здоровое отвращеніе къ войнѣ. Но, чѣмъ больше мы оставались на фронѣ, тѣмъ болѣе я отдавалъ себѣ отчетъ въ ущербѣ отъ этого для Цесаревича. Мое положеніе становилось труднымъ, и два или три раза я долженъ былъ сдѣлать очень энергичныя внушенія ребенку. Мнѣ казалось, что Государь не вполнѣ одобряетъ мои взгляды и не оказываетъ мнѣ поддержки въ той мѣрѣ, въ какой онъ могъ бы это дѣлать. Чувствуя себя чрезвычайно утомленнымъ отъ напряженія трехъ послѣднихъ лѣтъ, — я не имѣлъ отдыха съ сентября 1913 г., — я рѣшилъ проситься въ отпускъ на нѣсколько недѣль. Мой сотоварищъ г. Петровъ пріѣхалъ замѣнить меня, и я покинулъ Ставку 14 июля.

По пріѣздѣ моемъ въ Царское Село Государыня вызвала меня и имѣла со мною длинную бесѣду, во время которой я силился ей доказать серьезныя неудоб-

Императрица Александра Феодоровна

ства этого долгаго и неоднократнаго пребыванія на фронтѣ Алексѣя Николаевича. Она мнѣ отвѣтила, что Государь и она отдаютъ себѣ въ этомъ ясный отчетъ, но что они полагаютъ, что лучше временно пожертвовать образованіемъ сына, даже съ рискомъ вреда для его здоровья, чѣмъ лишать его той пользы, которую ему въ другихъ отношеніяхъ приносила жизнь въ Могилевѣ. Она съ удивившѣй меня откровенностью сказала, что Государь много страдаль всю свою жизнь отъ природной застѣнчивости и отъ того, что его слишкомъ долго держали вдали отъ дѣлъ, вслѣдствіе чего, послѣ внезапной кончины Александра III., онъ чувствовалъ себя очень плохо подготовленнымъ къ обязанностямъ монарха. Вотъ почему онъ далъ себѣ обѣщаніе, прежде всего, не повторять тѣхъ же ошибокъ въ воспитаніи своего сына.

Я поняль, что имѣю дѣло съ вполнѣ установившимся рѣшеніемъ Ихъ Величествъ и что мнѣ не удастся его измѣнить. Тѣмъ не менѣе было условлено, что уроки Алексѣя Николаевича возобновятся съ большей послѣдовательностью, начиная съ сентября, и что я найду поддержку въ исполненіи своей задачи.

По окончаніи этого разговора Государыня задержала меня обѣдать; въ этотъ вечеръ я быль единственнымъ приглашеннымъ. Послѣ обѣда мы вышли на террасу; быль чудный, тихій, теплый вечеръ. Ея Величество прилегла на кушетку, она и двѣ ея дочери взяли шерстяныя издѣлья для солдатъ. Другія двѣ Великія Княжны шили. Главнымъ предметомъ нашего разговора былъ естественно Алексѣй Николаевичъ, о которомъ онѣ хотѣли знать всѣ мельчайшія подробности. Я провелъ такимъ образомъ часъ въ ихъ обществѣ въ этой мирной и простой обстановкѣ, пріобщенный внезапно къ интимной жизни этой

Императрица работает у Великих Княженъ

семьи, куда этикетъ позволялъ мнѣ проникать лишь отчасти и изрѣдка.

Въ слѣдующіе дни я воспользовался своимъ досугомъ, чтобы сдѣлать многочисленные визиты и возобновить отношенія, которыхъ я невольно забросилъ, благодаря моимъ поѣздкамъ на фронтъ. Такимъ образомъ я увидаль людей разныхъ слоевъ столичнаго общества и не замедлилъ убѣдиться, что въ настроеніи умовъ за эти послѣдніе мѣсяцы произошла глубокая перемѣна. Уже не удовлетворяясь рѣзкими нападками на правительство, задѣвали непосредственно личность Государя.

Со времени памятнаго дня 22 февраля 1916, когда Иператоръ Николай II, воодушевленный искреннимъ желаніемъ примиренія, посѣтилъ Думу, рознь, существовавшая между монархомъ и народнымъ представительствомъ все усиливалась. Царь все не рѣшался пойти на либеральныя уступки, которыхъ отъ него требовали; онъ полагалъ, что время было для этого не подходящее и что опасно производить опыты новыхъ реформъ въ разгарѣ войны. Не то, чтобы онъ лично стоялъ за свои права Самодержца — онъ былъ воплощенной простотой и скромностью — но онъ опасался послѣдствій, которыхъ могла бы имѣть столь рѣзкая перемѣна въ условіяхъ, имѣвшихъ исключительно серьезный характеръ. Объявляя 22 февраля, что „онъ счастливъ находиться среди представителей своего народа“, Государь выразилъ свою искреннюю мысль. Призывая членовъ Думы „объединить всѣ усилия на благо родины въ критической минуты, переживаемыя страной“, онъ приглашалъ ихъ забыть свои политическія распри во имя одной общей цѣли — побѣды, и поддержать его своимъ довѣріемъ до окончанія войны. Почему не принялъ онъ на себя въ этотъ день торжественнаго обязательства, какъ

только обстоятельства позволять, даровать странѣ свободы, которыхъ отъ него требовали? Почему не постарался онъ какими либо дѣйствіями вновь завоевать довѣріе Думы, которое, какъ онъ чувствовалъ, уходило отъ него? Дѣло въ томъ, что тѣ, кто его окружали, создавали для него невозможность самому разобраться въ дѣйствительномъ состояніи страны.

Посѣщеніе Государемъ Таврическаго дворца породило большія надежды. Но эти надежды не оправдались, и вскорѣ всѣ замѣтили, что ничто не измѣнилось. Борьба противъ правительства тотчасъ возобновилась, день ото дня требованія становились болѣе рѣзкими. Введеній въ заблужденіе ложными свѣдѣніями людей, злоупотреблявшихъ его довѣріемъ. Царь усмотрѣль въ оппозиціи Думы результатъ революціонныхъ происковъ. Руководясь дурными соѣдѣтвіями, онъ вообразилъ, что можетъ восстановить свой авторитетъ мѣрами, которыя на самомъ дѣлѣ лишь увеличили общее недовольство.

Но борьба велась главнымъ образомъ противъ Государыни. На ея счетъ распространялись самыя ужасныя инсинуаціи, которая стали встрѣчать довѣріе даже въ кругахъ, до тѣхъ поръ съ презрѣніемъ отвергавшихъ ихъ. Присутствіе Распутина при Дворѣ, какъ я предвидѣлъ, приносило все большій и большій ущербъ престижу Ихъ Величествъ и давало поводъ къ самымъ недоброжелательнымъ толкамъ.

Не ограничиваясь нападками на частную жизнь Императрицы, ее открыто обвиняли въ германофильствѣ и давали понять, что ея симпатіи къ Германии могутъ стать опасностью для страны. Слова „измѣна“ еще не было на устахъ, но полные недоговоренности намеки показывали, что подозрѣніе укоренилось во многихъ умахъ.

Это было, какъ я зналъ, результатомъ нѣмецкой пропаганды и интригъ *).

Я уже выше объяснилъ, что берлинское правительство еще осенью 1915 года отдало себѣ отчетъ въ томъ, что никогда не покончить съ Россіею, пока она будетъ сплочена вокругъ своего Царя, и что съ этой минуты оно задалось одной лишь мыслью — вызвать революцію, которая привела бы къ сверженію Николая II. Ввиду того, что задѣть самого Царя оказалось затруднительнымъ, нѣмцы направили свои усилия противъ Царицы и подъ рукой очень ловко повели клеветническую кампанію, которая не замедлила принести свои плоды. Они не останавливались ни передъ какими поклепами. Они воспользовались старымъ, классическимъ пріемомъ, неразъ испытаннымъ въ исторіи Европы и заключающимся въ томъ, чтобы поразить монарха въ лицѣ его супруги. На самомъ дѣлѣ, всегда легче повредить репутаціи женщины, особенно, когда она иностранка! Понимая, какую выгоду можно извлечь изъ того обстоятельства,

*) Минѣ удалось самому убѣдиться въ этомъ въ концѣ 1915 года. Я встрѣтилъ однажды у знакомыхъ молодого офицера, который по своимъ политическимъ убѣжденіямъ былъ скорѣе хорошо расположенъ ко Двору. Съ глубокимъ негодованіемъ онъ рассказалъ намъ, что какая то личность, по приказанію Императрицы, принесла подарки и деньги германскимъ офицерамъ, лежавшимъ въ одномъ съ нимъ военному госпиталѣ, и что этотъ человѣкъ даже не зашелъ въ палаты, занятые русскими офицерами. Удивленный этимъ разсказомъ, я просилъ выяснить это дѣло. Было приказано произвести разслѣдованіе, которое подтвердило точность сообщенныхъ мнѣ фактovъ; однако оказалось невозможнымъ напасть на слѣды этого лица, которому удалось при помощи фальшивыхъ документовъ заставить поверить, что онъ облечень официальнымъ порученіемъ. Случай заставилъ меня столкнуться съ одной изъ многочисленныхъ провокаций, организованныхъ германскими агентами и на германское золото.

что Императрица была германской принцессой, они старались очень ловкими провокациами создать ей репутацию измѣнницы Россіи. Это былъ лучшій способъ скомпрометировать ее въ глазахъ народа. Это обвиненіе было благопріятно встрѣчено нѣкоторыми русскими кругами и сдѣлалось опаснымъ оружіемъ противъ династіи.

Государыня знала о кампаніи, которая велась противъ нея, и страдала отъ этого, какъ отъ глубокой несправедливости, ибо она приняла свое новое отечество такъ же, какъ и новую религию, со всѣмъ порывомъ своего сердца; она была русская по чувствамъ, такъ же какъ православная — по убѣжденію *).

Мое пребываніе въ тылу дало мнѣ также возможность удостовѣриться въ томъ, до какой степени страна

*) Въ ту минуту, что я пишу эти страницы, я нахожу полное ихъ подтвержденіе въ приводимой ниже выдержкѣ изъ статьи французского посла въ Петроградѣ г. Палеолога „Царская Россія во время великой войны“ (Revue des deux Mondes, 15 марта 1921): „Вотъ уже нѣсколько разъ мнѣ приходится слышать упреки, которые дѣлаютъ Императрицѣ, будто она сохранила на престолѣ симпатіи, предпочтенія и долю нѣжности къ Германіи. Несчастная женщина никоимъ образомъ не заслуживаетъ этого обвиненія, которое ей извѣстно и повергаетъ ее въ отчаяніе. Александра Феодоровна ни умомъ, ни сердцемъ — не нѣмка и никогда ею не была...“ Далѣе: „Ея воспитаніе, образованіе, ея умственное и нравственное развитіе — были чисто англійскія; по своей виѣшности, манерѣ себя держать, по иѣкоторому оттѣнку холодной сдержанности и пуританизма, по непримиримой и воинственной суровости своей совѣсти, наконецъ по многимъ интимнымъ своимъ привычкамъ, она еще до сихъ поръ осталась англичанкой. Этимъ ограничивается въ ея характерѣ то, что сохранилось въ ней отъ ея западнаго происхожденія. Сущность ея природы стала вполнѣ русской. Прежде всего и несмотря на враждебную легенду, которая создается вокругъ нея, я не сомнѣваюсь въ ея патріотизмѣ. Она любить Россію горячей любовью.“

страдала отъ войны. Усталость и лишения вызвали общее недовольство. Вследствие возрастающей убыли подвижного состава, топливо, недостатокъ котораго жестоко даваль себя чувствовать зимой, продолжало стоить неимовѣрно дорого; то же было и съ продовольствиемъ. Дороговизна жизни возрастала въ тревожныхъ размѣрахъ.

Я вернулся 11 августа въ Ставку, весьма озабоченный всѣмъ слышаннымъ и видѣннымъ. Я былъ счастливъ вновь найти въ Могилевѣ совершенно другое настроение, чѣмъ въ Петроградѣ, а также получить возможность снова окунутся въ ту среду, которая такъ стойко сопротивлялась пораженческому духу тыла. Тѣмъ не менѣе, хотя это было сначала и незамѣтно, здѣсь также были нѣсколько озабочены политическимъ положеніемъ.

Алексѣй Николаевичъ выказалъ мнѣ по моемъ возвращеніи большую привязанность (онъ регулярно писалъ мнѣ во время моего отсутствія), а Государь принялъ меня съ чрезвычайною благосклонностью. Такимъ образомъ я могъ только поздравить себя съ тѣмъ, что на нѣкоторое время, хотя мнѣ это и было тяжело, удалось отъ своего воспитанника. Я опять съ новой энергией принялъся за выполненіе своей задачи. Мой англійскій сотоварищъ мистеръ Гиббсъ присоединился тѣмъ временемъ къ намъ, и такъ какъ г. Петровъ также оставался съ нами, уроки Алексѣя Николаевича могли возобновиться почти правильно.

На фронтѣ, въ районѣ сѣвера и центра, бои мало по малу прекратились; они продолжались лишь въ Галиціи, гдѣ русскіе попрежнему оттесняли австрійскую армію. Пораженіе послѣдней давно превратилось бы въ беспорядочное бѣгство, если бы австрійцевъ не поддерживали

многочисленные германскіе полки. Однако опытъ кампаніи 1916 года доказалъ русскому командованію, что ему не удастся сломить сопротивленія непріятеля и одержать окончательной побѣды, пока будетъ продолжаться такой недостатокъ въ артиллериі. Этотъ недочетъ по сравненію съ нѣмцами мѣшалъ русскимъ использовать до конца успѣхи, которые мужество войскъ и ихъ численное превосходство позволяли имъ одерживать въ началѣ всякаго наступленія. Приходилось мириться съ этимъ въ ожиданіи прибытія къ мѣсту дѣйствій боевыхъ материаловъ, обѣщанныхъ союзниками и задержанныхъ трудностями перевозки. Пораженіе австрійцевъ оказалось глубокое воздѣйствіе на Румынію. Послѣдняя все болѣе склонялась на сторону державъ Согласія, но не решалась еще вмѣшаться въ общую борьбу. Чтобы вывести ее изъ нерѣшительности, потребовалось сильное давленіе со стороны русского посланника въ Бухарестѣ*). 27 августа она, наконецъ, объявила войну Австро-Венгрии. Положеніе Румыніи было чрезвычайно трудно; она была представлена своимъ силамъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ огромнаго русскаго фронта, отъ которого ее отдѣляли Карпаты. Ей угрожала съ сѣвера и запада возможность австро-германскаго наступленія, а съ тыла на нее могли напасть болгары. Такъ оно и произошло. Первые числа октября были отмѣчены началомъ пораженія, которому было суждено закончиться почти полнымъ занятіемъ Румыніи.

Какъ только эта опасность выяснилась, русское командованіе попыталось прйті на помощь румынской армії, но разстоянія были огромны, а средства сообщенія крайне

*) Я узналъ лишь впослѣдствіи, что замѣнившій Сагонова министръ иностранныхъ дѣлъ Штурмеръ, чтобы сломить сопротивленіе Бухареста, безъ сношенія со Ставкой обѣщалъ посылку войскъ въ Румынію.

недостаточны. Кроме того Россия была не въ состояніи снять значительное количество людей съ фронта, такъ какъ въ случаѣ необходимости она не имѣла бы возможноти во-время вернуть войска, посланныя въ Румынію. Однако, по настоянію Государя, туда направлены были всѣ силы, которыми можно было располагать. Могли ли, однако, эти войска прйти своевременно, чтобы спасти Бухарестъ?

Мы вернулись въ Царское Село 1 ноября. Впечатлѣніе, произведенное пораженіемъ Румыніи, было значительно и отвѣтственность возлагали на министра иностранныхъ дѣлъ Штурмера, который въ началѣ года замѣнилъ Горемыкина на посту предсѣдателя Совѣта министровъ. Его назначеніе было плохо встрѣчено, и онъ только и дѣлалъ, что ошибку за ошибкой. Изъ за его интригъ долженъ быть уйти Сазоновъ, оказавшій такія крупныя услуги въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Штурмеръ поторопился его замѣнить, сохрания постъ предсѣдателя Совѣта министровъ. Не только его дѣйствія, но и самое его имя дѣлали его ненавистнымъ. Про него говорили, что онъ удерживается у власти лишь благодаря вліянію Распутина. Доходили до того, что его обвиняли въ симпатіи къ нѣмцамъ и подозрѣвали въ склонности къ сепаратному миру съ Германіей*). Николай II подрывалъ свое положеніе, сохрания у власти ministra, ставшаго всѣмъ подозрительнымъ. Надѣялись, что Царь пойметъ, наконецъ, что его снова обманыва-

*) Исторія выяснитъ когданибудь роль Штурмера: если онъ не искалъ сближенія съ Германіей, хотя все какъ будто доказывается это, то онъ тѣмъ не менѣе принесъ непоправимый вредъ своей родинѣ преступной безпечностью и полнымъ отсутствиемъ совѣсти.

ють, но боялись, что онъ это замѣтить слишкомъ поздно, когда зло будетъ уже непоправимо*).

*) Уже по самому своему воспитанію, монархъ — человѣкъ всего хуже подготовленный къ предстоящей ему задачѣ и ему впослѣдствіи невозможно восполнить эту пробѣль.

Чѣмъ болѣе онъ хочетъ самъ править, тѣмъ менѣе онъ въ курсѣ того, что происходитъ; чтобы отдалить его отъ его народа, ему доставляютъ только искаженные, подтасованные и подстроенные свѣдѣнія. Отдаютъ ли себѣ отчетъ въ силѣ сопротивленія окружающей его среды, въ непобѣдимой косности бюрократіи, застывающей въ обычномъ своемъ формализмѣ и въ рутинѣ? Сколько бы силы воли, сколько бы упорства онъ ни проявлялъ, чтобы узнать истину, удается ли ему это когданибудь? Наполеонъ, который прошелъ, однако, школу жизни и достигъ престола своимъ геніемъ и смѣлостью, испыталъ общую участь всѣхъ монарховъ. Развѣ въ послѣдніе годы своего царствованія, онъ зналъ еще, что дѣжалось во Франціи? Сохранилъ ли онъ ясное представление о дѣйствительности?

ГЛАВА XIV

Политическое напряжение. — Смерть Распутина (декабрь 1916 г.)

Политическая атмосфера становилась все болѣе и болѣе тяжелой, и чувствовалось приближеніе грозы. Недовольство стало настолько общимъ, что, несмотря на цензуру, оно начинало обнаруживаться въ печати. Разногласія становились все глубже. На одномъ только сходились всѣ — на необходимости положить предѣлъ всемогуществу Распутина. Всѣ видѣли въ немъ пагубнаго совѣтчика при Дворѣ, на него возлагали отвѣтственность за всѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдала страна. Его обвиняли во всѣхъ порокахъ и всяческихъ излишествахъ, изъ него дѣлали чудовищное и отвратительное, почти сказочное существо, способное на всѣ низости и мерзости. Для многихъ онъ былъ порожденіемъ дьявола, Антихристомъ, пріицествіе котораго должно было положить начало самымъ страшнымъ бѣдствіямъ.

Государь долго не поддавался вліянію Распутина. Въ самомъ началѣ онъ терпѣлъ его, не рѣшаясь посягнуть на вѣру, которую питала къ нему Государыня, и въ которой она черпала надежду, позволявшую ей жить. Онъ побоялся его удалить, такъ какъ, если бы Алексѣй Николаевичъ не выжилъ, онъ бы несомнѣнно оказался въ глазахъ матери убийцей своего ребенка. Онъ сохранилъ, однако, осторожную сдержанность и лишь мало попытки выяснить ему настоящій обликъ Распутина и

вызвать удаленіе старца. Царь бывалъ часто поколебленъ, но убѣдить его такъ и не удалось *).

7 ноября мы покинули Царское Село и послѣ короткаго пребыванія въ Могилевѣ отбыли 9-го въ Киевъ, гдѣ Государь долженъ быль посѣтить Вдовствующую Императрицу. Онъ пробылъ два дня съ матерью и нѣ-которыми изъ своихъ родственниковъ, которые старались ему выяснить серьезность положенія и приложили всѣ усилия, чтобы убѣдить его поправить дѣло энергичными мѣрами. Государь былъ подъ очень сильнымъ впечатлѣніемъ высказанныхъ мнѣній. Никогда онъ мнѣ не казался такимъ смущеннымъ. Несмотря на свое само-обладаніе, онъ былъ нервенъ, раздражителенъ, и два или три раза ему случилось рѣзко оборвать Алексея Николаевича.

Мы вернулись 12 ноября въ Ставку, и черезъ нѣ-сколько дней послѣ нашего возвращенія Штурмеръ, ко всеобщей несказанной радости, наконецъ, палъ. Государь поручилъ предсѣдательство въ Совѣтѣ министровъ А. Ф. Трепову, который слыть сторонникомъ умѣренныхъ и разумныхъ реформъ. Снова возродились надежды. Къ несчастью, интриги продолжались. Нѣмцы льстили себя мыслю, что онѣ лишь предвѣстники серьезной смуты, и удвоили усилия, съя повсюду недовѣrie и подозрѣнія и стараясь окончательно опорчить Дворъ въ глазахъ народа.

*) Казалось, что какой то рокъ упорно покровительствовалъ Распутину. Однажды Государю передали весьма подробное разслѣданіе о разгульной жизни старца. Просматривая его, онъ замѣтилъ, что въ день и часъ, въ который произошелъ одинъ изъ указанныхъ въ разслѣданіи фактовъ, Распутинъ какъ разъ находился въ Царскомъ Селѣ. Этого было достаточно, чтобы убѣдить Государя, что весь докладъ представляеть изъ себя сплошную клевету.

Треповъ просилъ у Государя удаленія министра внутреннихъ дѣлъ Протопопова, полная неспособность которого, и то обстоятельство, что онъ былъ сторонникомъ Распутина, дѣлали его крайне непопулярнымъ. Предсѣдатель Совѣта министровъ чувствовалъ, что ему не удастся принести никакой пользы, если этотъ министръ останется у власти, потому что всѣ сколько нибудь извѣстные политическіе дѣятели, при создавшейся обстановкѣ, отказывались и уклонялись отъ отвѣтственной дѣятельности.

Мужественные выступленія такихъ патріотовъ, какъ Сазоновъ, Кривошеинъ, Самаринъ, Игнатьевъ; А. Ф. Треповъ (я перечисляю лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ), не были поддержаны въ должной мѣрѣ. Если бы вся сознательная часть народа объединилась вокругъ нихъ, они были бы въ силахъ предотвратить надвигавшуюся опасность, не выходя изъ рамокъ законности. Но они не нашли поддержки, на которую были бы въ правѣ разсчитывать; критика, интриги, соперничество лицъ и партий помѣшали этому объединенію, которое одно могло спасти положеніе. Если бы это единеніе осуществилось, оно представило бы такую силу, которая парализовала бы пагубное вліяніе Распутина и его сторонниковъ. Къ несчастію люди, понявши это, были исключеніемъ; большинство осталось безучастнымъ въ этой неблагодарной борбѣ и, устранившись, предоставило поле дѣйствій авантюристамъ и интриганамъ. Никто не захотѣлъ облегчить работу тѣхъ, которые, сознавая опасность, пытались спасти Государя наперекоръ ему самому и поддержать до конца войны пошатнувшійся государственный строй. Государь сначала было согласился на просьбу Трепова, но потомъ, подъ вліяніемъ Государыни, измѣнилъ свое рѣшеніе и оставался въ нерѣшительности, мучимый колебаніями пе-

редъ рѣшеніемъ, которое надлежало принять. Онъ такъ часто бывалъ обманутъ, что уже не зналъ кому довѣриться. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ, всѣми покинутымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ принялъ на себя Верховное командованіе, онъ безъ счета тратилъ свои силы. Но задача, которая выпала на его долю, была слишкомъ тяжела, она превышала его силы. Онъ самъ это чувствовалъ. Это и было причиной его слабости по отношенію къ Государынѣ. Поэтому онъ въ концѣ концовъ сталъ все болѣе и болѣе подчиняться ея вліянію. Однако многія рѣшенія, принятые имъ въ 1915 году, и его посѣщеніе Думы въ февралѣ 1916 года, — указываютъ, что въ это время онъ умѣль еще не поддаваться ей, когда бывалъ увѣренъ, что дѣйствуетъ на благо родины. Онъ окончательно пересталъ бороться съ ея вліяніемъ лишь осенью 1916 года, когда, изнемогая подъ бременемъ сана Императора и Главнокомандующаго, онъ въ своемъ все возрастающемъ одиночествѣ уже пересталъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, какія надо принять мѣры, чтобы выйти изъ положенія, ухудшавшагося со дня на день. Если бы въ это время умѣренныя партіи поддержали его, кто знаетъ, не нашелъ ли бы онъ въ себѣ энергию для дальнѣйшей борьбы?

Что касается Государыни, то она, благодаря своему довѣрію къ Распутину, была убѣждена, что Протопоповъ — тотъ именно человѣкъ, который можетъ спасти Россію. Его удержали у власти. И Треповъ, видя свое безсиліе, вкорѣ не замедлилъ выйти въ отставку.

Мы вернулись въ Царское Село 8 декабря. Положеніе съ каждымъ днемъ становилось все болѣе напряженнымъ. Распутинъ, чувствуя накопляющуюся вокругъ него ненависть, не смѣль больше выходить изъ своей

маленькой петроградской квартиры. Негодованіе достигло высшихъ предѣловъ, страна ждала своего избавленія и страстно желала, чтобы кто нибудь освободилъ ее отъ человѣка, которого она считала злымъ геніемъ Россіи. Но Распутинъ хорошо охраняли. Днемъ и ночью его домъ стерегла царская полиція; его оберегали и революціонеры, понимавшіе, что онъ работаетъ на нихъ.

Я не думаю, чтобы Распутинъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, агентомъ на содержаніи у Германіи, но онъ былъ, конечно, страшнымъ орудіемъ въ рукахъ нѣмецкой главной квартиры. Послѣдняя была весьма заинтересована въ сохраненіи жизни столь цѣнного пособника и окружила его шпіонами, которые въ то же время были его тѣлохранителями. Нѣмцы нашли въ немъ замѣчательно дѣйствительное средство, чтобы опорочить Дворъ, и они широко его использовали.

Было сдѣлано много попытокъ повліять на Государыню и именно лицами наиболѣе близкими ея сердцу, и открыть ей глаза на настоящую личность Распутина; все онъ разбились о непоколебимую вѣру, которую она питала къ нему. Однако Великая Княгиня Елизавета Феодоровна *) захотѣла еще разъ попытать въ эти роковые дни послѣднее усилие. Она пріѣхала изъ Москвы съ намѣреніемъ прожить нѣсколько дней въ Царскомъ Селѣ среди тѣхъ, кого такъ глубоко любила. Великая Княгиня Елизавета Феодоровна была на девять лѣтъ старше Государыни и питала къ ней почти материнскую нѣжность. Надо припомнить, что Государыня еще молодой принцессой гостила у нея во время своего первого пребыванія въ Россіи;

*) Великая Княгиня Елизавета Феодоровна создала въ Москвѣ небольшую религиозную общину и была ея настоятельницей. Она жила въ ней, удалившись отъ света и посвящая все свое время молитвѣ и добрымъ дѣламъ.

въ началѣ супружества Александры Феодоровны она окружала ее внимательной заботливостью и давала ей совѣты. Уже много разъ она пробовала вывести сестру изъ ея заблужденія, но это ей не удавалось. Она надѣялась, однако, что на этотъ разъ Господь ниспошлетъ ей силу убѣжденія, которой ей не хватало до того времени, и дозволитъ предотвратить ужасную катастрофу, неминуемость которой она чувствовала.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Царское Село, она говорила съ Государыней, стараясь со всей той любовью, которую она къ ней испытывала, дать ей, наконецъ, понять ея ослѣпленіе. Она умоляла Императрицу взять ея предупрежденія во имя спасенія ея близкихъ и ея страны. Государыня осталась непоколебимой въ своемъ довѣріи; она понимала чувство, внушившее ея сестрѣ этотъ шагъ, но испытывала безконечное огорченіе, видя, что и сестра вѣрить клеветамъ тѣхъ, кто хочетъ погубить старца, и она просила ее не возвращаться больше въ этому предмету. Видя, что Великая Княгиня продолжаетъ настаивать, Императрица оборвала разговоръ. Поэтому это свиданіе оказалось бесполезнымъ.

Нѣсколько часовъ спустя, Великая Княгиня въ смертельномъ ужасѣ направилась обратно въ Москву. Императрица съ дочерьми провожала ее на вокзалѣ. Сестры разстались; они сохранили нетронутымъ чувство безграничной нѣжности, которое соединяло ихъ съ дѣствомъ, но понимали, что между ними что то порвалось*). Имъ не пришлось больше свидѣться.

*) Я знаю эти подробности отъ г-жи Шнейдеръ, лектрисы Императрицы, которая въ былое время состояла при Великой Княгинѣ Елизавѣтѣ Феодоровнѣ и сохранила къ ней глубокую привязанность.

Мы выѣхали 18 декабря обратно въ Могилевъ. Тамъ положеніе тоже ухудшилось. Вѣсть о взятіи Букареста еще больше омрачила настроеніе, и все предвѣщало, по-видимому, самыя мрачныя возможности. Румынія, казалось, погибла.

Всѣ были подавлены, встревожены, испытывали неизѣяснимо тяжелое чувство, какъ бываетъ передъ приближеніемъ опасности или катастрофы; въ воздухѣ чувствовалась гроза. — Вдругъ, какъ ударъ грома, пронеслась вѣсть о смерти Распутина*). Это было 31 декабря. Въ тотъ же день мы выѣхали въ Царское Село.

Я никогда не забуду глубокаго волненія, которое испыталъ, снова увидавъ Императрицу. Ея взволнованное лицо выдавало, противъ ея желанія, силу ея страданій. Ея горѣ было безграниценно. Разбита была ея вѣра, убить тотъ, кто одинъ лишь могъ спасти ея ребенка. Безъ него становились возможны всѣ несчастія, всякия катастрофы. И началось ожиданіе, мучительное ожиданіе несчастія, котораго нельзя избѣжать!...

*) Обстоятельства смерти Распутина, были воспроизведены въ газетахъ того времени. Здѣсь достаточно кратко напомнить ихъ. Его смерть была послѣдствіемъ заговора, въ которомъ приняли участіе, между прочими, Великій Князь Димитрій Павловичъ, двоюродный братъ Царя, князь Ф. Юсуповъ, женатый на родной племянницѣ Николая II, членъ Думы монархистъ Пуришкевичъ и сопровождавшій его докторъ Лазаревскій. Великій Князь своимъ присутствіемъ хотѣлъ показать, что этотъ заговоръ не былъ проявленіемъ бунтарства противъ Государя, а карой преступника, котораго осудилъ народъ за то, что онъ злоупотребилъ довѣріемъ своего Царя.

Распутинъ былъ убитъ въ ночь на 30 декабря. Князь Юсуповъ заѣхалъ за нимъ очень поздно вечеромъ въ автомобиль и привезъ къ себѣ. Сначала попробовали отравить его, но, такъ какъ дѣйствіе яда заставляло себя ждать, князь Юсуповъ и депутатъ Пуришкевичъ убили его выстрѣлами изъ револьвера. Тѣло его было брошено въ Неву, гдѣ его нашли черезъ два дня.

ГЛАВА XV

Революція. — Отреченіе Николая II (мартъ 1917 г.)

Распутинъ больше не было — страна была отомщена. Нѣсколько смѣлыхъ людей взяли на себя устранить человѣка, который сдѣлался предметомъ всенародной ненависти*).

Можно было надѣяться, что послѣ этого взрыва злобы наступить умиротвореніе. Но ничего этого не случилось, и разладъ между Царемъ и Думой принималъ наоборотъ, все болѣе острый характеръ.

Государь быль убѣжденъ, что всякая уступка съ его стороны будетъ, при данныхъ обстоятельствахъ, сочтена за признакъ слабости, что не устрания поводовъ недовольства, вызванного лишеніями и страданіями войны, такія уступки лишь ослабятъ его авторитетъ и рискуютъ ускорить революцію. Оппозиція Думы выявила лишь неспособность и безсліе правительства и не улучшала положенія. Кон-

*) Здѣсь, разумѣется, идетъ рѣчь о сознательной части Россіи. Темная масса русского народа была довольно безразлична къ личности Распутина, и среди тѣхъ, кто зналъ о его существованіи, многие относились къ нему сочувственно. Его смерть была принята многими, какъ месть придворныхъ круговъ, ревниво охраняющихъ свои прерогативы. „Единственный разъ, что нашъ братъ дошелъ до Царя“, говорили они, „и тутъ господа его убили“. Въ глазахъ мужиковъ, главными виновниками былъ тѣ, кто разъединили Царя съ народомъ, не давая его милостямъ доходить до нихъ. Объ этомъ свидѣтельствовала поговорка: „жалуетъ Царь, да не жалуетъ псарь“. Поговорка эта выражала вѣру народа въ доброту Царя и ненависть къ людямъ, его окружавшимъ.

флікты стали пріобрѣтать болѣе серъезный характеръ, интриги усилились въ то время, когда только объединеніе всей сознательной части народа могло бы парализовать зловредная дѣйствія Протопопова и необходимы были всеобщія усилія, чтобы предотвратить неминуемую катастрофу. Правда, для этого требовалось, чтобы правящіе классы показали столько же самоотверженія, какъ и просвѣщенного патріотизма; трагическія обстоятельства, которая переживала страна, и сознаніе народной гибели должны были, казалось бы, сдѣлать ихъ способными на это.

Какъ не понимали въ Россіи того, что такъ ясно было нѣмцамъ, а именно, что революція неизбѣжно предастъ страну въ руки непріятеля. „Я часто мечталъ“, говорить Людендорфъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о войнѣ“, „о русской революціи, которая должна была облегчить намъ наши военные задачи. Несбыточная мечта! Теперь она внезапно осуществлялась. Я чувствовалъ, что съ меня свалилось тяжелое бремя*).“ Германія была единственной страной въ Европѣ, которая знала Россію; она имѣла о ней болѣе точное и полное представленіе, чѣмъ сами russkie. Она давно отдала себѣ отчетъ въ томъ, что царскій режимъ, несмотря на свои ошибки, былъ одинъ въ состояніи продолжить сопротивленіе Россіи. Она знала, что паденіе Царя отдастъ Россію въ ея руки, и всѣми средствами старалась его вызвать. Вотъ отчего нужно было во что бы то ни стало поддержать существовавшій строй до конца войны. Революція неизбѣжно вспыхнула бы тогда, ее можно было предотвратить лишь немедленнымъ дарованіемъ конституції, и то.... Но рокъ, ослѣплявшій

*⁴) Людендорфъ „Воспоминанія о войнѣ“, Т. II — Людендорфъ не говоритъ, по понятнымъ причинамъ, о неустанныхъ усиліяхъ, которая прилагала Германія, чтобы вызвать ту русскую революцію, которая „внезапно осуществилась“.

Царственную чету, долженъ быть, въ свою очередь, ввести въ заблужденіе и народъ!...

У Государя было, однако, два всемогущихъ чувства, его политические враги сами признавали ихъ, — чувства которыхъ всѣ русскіе люди могли раздѣлить съ нимъ, — это была, съ одной стороны, его любовь къ своей странѣ, и съ другой — твердое намѣреніе продолжать войну до конца. Ослѣпленные страстями, люди не поняли, какую нравственную силу еще представлялъ, несмотря на все, для русскаго народа Царь, безповоротно рѣшившій побѣдить; не поняли, что идея, которую онъ воплощалъ въ глазахъ народныхъ массъ, одна могла привести страну къ побѣдѣ и спасти Россію отъ порабощенія Германіей.

Положеніе Царя было чрезвычайно трудно. Для крайнихъ правыхъ, видѣвшихъ свое спасеніе въ соглашеніи съ Германіей, онъ былъ непреодолимымъ препятствиемъ, которое нужно было устранить, чтобы замѣнить его другимъ монархомъ. Для крайнихъ лѣвыхъ, хотѣвшихъ побѣды, но побѣды безъ Царя, онъ былъ препятствиемъ, которое надо было уничтожить посредствомъ революціи. И въ то время, какъ эти послѣдніе, усиленной пропагандой въ тылу и на фронтѣ, старались подточить основы монархіи, безсознательно играя такимъ образомъ въ руку Германіи, умѣренныя партіи заняли положеніе самое опасное, но наиболѣе свойственное русскому характеру, тому славянскому фатализму, который заключается въ ожиданіи событий и въ надеждѣ, что сила Прорицанія направить ихъ на общее благо. Онѣ заняли позицію бездѣйствія. Онѣ ограничивались пассивнымъ сопротивленіемъ, не понимая, что дѣйствуя такъ, парализуютъ страну.

Что касается широкой публики, то, не отдавая себѣ въ томъ отчета, она стала послушнымъ проводникомъ

германскихъ происковъ. Самыя удручающіе слухи воспринимались и разносились ею, создавая въ тылу противомонархическое и пораженческое настроение и атмосферу недовѣрія и подозрѣнія, которая не замедлила отразиться на фронтѣ. Каждый наносилъ свой ударъ топора, подрубая главное стропило зданія, которое шаталось, и никто не подумалъ во-время подставить подпорки, которыхъ помѣшиали бы ему рухнуть. Было сдѣлано все, чтобы вызвать революцію, и ничего, чтобы предупредить ея послѣдствія. Забыли, что Россія состоитъ на только изъ пятнадцати-двадцати миллионовъ людей, созрѣвшихъ для парламентарного строя, но заключаетъ въ себѣ также отъ ста двадцати до ста тридцати миллионовъ крестьянъ, по большей части необразованныхъ и несознательныхъ, для которыхъ Царь оставался Помазанникомъ Божіемъ, тѣмъ, кого Господь избралъ, для направленія судебъ великой Россіи. Привыкнувъ съ самого ранняго дѣтства слышать поминаніе Царя на ектеніяхъ и въ самыя торжественные минуты литургіи, мужикъ естественно приписывалъ ему въ своей мистически настроенной душѣ почти божественные свойства*).

Царь не былъ главою русской Церкви, онъ былъ ея покровителемъ и защитникомъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій уничтожилъ Патріаршество, народъ былъ склоненъ видѣть въ Царѣ воплощеніе не только свѣтской, но и духовной власти. Это было, конечно, заблужденіе, но такое смѣщеніе понятій все же держалось. Эта двоякій характеръ личности монарха и былъ именно источникомъ силы царизма въ глубинахъ народ-

*) Развѣ это представленіе не находить себѣ отраженія въ народной поговоркѣ, выражающей простодушную вѣру крестьянина и его сознаніе своего бессилия: „До Бога высоко, до Царя далеко“?

ныхъ массъ. Такъ какъ русскій народъ по существу расположень къ мистицизму, то въ его глазахъ второй факторъ имѣлъ не меныше значенія, чѣмъ первый. Въ представлениіи мужика самодержавіе было нераздѣльно съ православіемъ.

Русская революція не могла быть исключительно политической; она неизбѣжно должна была принять религіозный характеръ. При своемъ паденіи царская власть должна была оставить въ политическомъ и религіозномъ сознаніи русскаго народа зіяющую пустоту и, безъ особыхъ мѣръ предосторожности, могла въ страшномъ вихрѣ увлечь съ собой при своемъ крушеніи весь соціальный организмъ. Для простого крестьянина Царь быль воплощеніемъ его мистическихъ запросовъ и одновременно реальной, такъ сказать осязаемой величиной, которую нельзя было замѣнить какою либо политической формулой; послѣдня оставалась бы для него непонятной отвлеченностью. Русская революція должна была ринуться въ пустоту, образовавшуюся вслѣдствіе крушенія царской власти, съ той потребностью безусловнаго и стремленіемъ къ крайностямъ, которая присуща славянской природѣ, съ такой бурной силой, что никакая форма правленія не могла бы ее остановить; такимъ образомъ ей предстояло докатиться до полнаго политического и религіознаго нигилизма; до анархіи.

Чтобы предотвратить эти грозныя возможности, тѣ, кто желалъ революціи, должны были къ ней приготовиться. Она заключала въ себѣ, даже въ мирное время, возможность ужасающихъ случайностей; рискнуть же пойти на нее въ разгаръ войны было преступно. Мы, западные европейцы, склонны судить о положеніи въ Россіи по руководящимъ слоямъ общества, съ которыми имѣемъ дѣло и которые достигли одинаковой съ нами степени

культуры и цивилизациі, но мы слишкомъ часто забываемъ, о тѣхъ миллионахъ первобытныхъ и невѣжественныхъ крестьянъ, на которыхъ имѣютъ воздѣйствие самыя простыя, примитивныя чувства: религіозное преклоненіе передъ царской властью — поразительный тому примѣръ.

Англійскій посолъ, освѣдомляемый русскими политическими дѣятелями, патріотизмъ которыхъ былъ вѣ подозрѣній, но которые видѣли свою страну такою, какой хотѣли бы ее видѣть, а не такой, какова она была въ дѣйствительности, — далъ ввести себя въ заблужденіе. Не приняты были въ соображеніе совершенно особыя условія, благодаря которымъ Россія была религіознымъ, политическимъ и соціальнымъ анахронизмомъ, и никакая западно-европейская формула и мѣрка къ ней не подходила. Забыли, что если во всякой странѣ революція во время войны всегда вызываетъ вначалѣ, вслѣдствіе неизбѣжныхъ колебаній, ослабленіе націи и значительно уменьшаетъ боеспособность арміи, то въ Россіи тѣ же послѣдствія должны были проявиться съ сугубой силой и полнотой.

Заблужденіе державъ Согласія*) заключалось въ томъ, что онѣ повѣрили, будто движеніе, которое обрисовывалось въ началѣ февраля 1917 года, было по

*) Людендорфъ преувеличиваетъ роль державъ Согласія въ русской революціи, когда пишетъ: „Въ мартѣ 1917 г. революція, вызванная державами Согласія, свергла Царя“. Движеніе было поддержано, а не вызвано союзниками, но Людендорфъ правильно указываетъ, каковы были ея немедленныя послѣдствія для Германіи: „Революція неизбѣжно влекла за собою уменьшеніе боеспособности русскихъ, ослабляя державы Согласія и значительно облегчала нашу тяжелую задачу. Главное командование получило возможность тотчасъ же выгадать существенную экономію въ войскахъ и боевыхъ запасахъ, а также предпринять смѣшную дивизій въ большомъ масштабѣ“. И дальше: „Въ апрѣль и маѣ 1917 г. настѣ

Императоръ Николай II расчищаетъ аллею въ царскосельскомъ паркѣ, еще покрытомъ снѣгомъ, въ концѣ марта 1917 г.

происхождению народнымъ, — этого вовсе не было, и въ немъ участвовали только правящіе классы; широкія массы оставались безучастными. Монархія была свергнута вовсе не поднявшимся изъ глубины бурнымъ валомъ, какъ обѣ этомъ говорили; наоборотъ, ея крушеніе подняло такую страшную волну, которая поглотила Россію и едва не затопила сосѣднія государства.

Государь, по возвращеніи изъ Ставки, провелъ январь и февраль въ Царскомъ Селѣ; онъ чувствовалъ, что политическое положеніе становится все болѣе и болѣе натянутымъ, но все еще не вполнѣ терялъ надежду. Страна страдала, устала отъ войны и страстно жаждала мира. Оппозиція росла со дня на день, гроза гремѣла, но Николай II продолжалъ надѣяться, что, несмотря на все, чувство патріотизма возьметъ верхъ надъ гибельными мыслями, порождаемыми въ умахъ тревогою данной минуты; онъ надѣялся, что не захотятъ необдуманными дѣйствіями подвергнуть риску результаты войны, столь дорого стоившей странѣ. Онъ сохранилъ нерушимую вѣру въ армію; онъ зналъ, что боевое снаряженіе, высланное изъ Франціи и Англіи, своевременно приходило и что оно улучшало условія, въ которыхъ

спасли не побѣды на рѣкѣ Энѣ и въ Шампани, а русская революція (Людендорфъ, „Воспоминанія о войнѣ“ т. II). Итакъ, по признанію самихъ иѣмцевъ, безъ русской революціи, война окончилась бы осенью 1917 г., и миллионы жизней были бы сохранены. Отдаются ли себѣ отчетъ въ силѣ, которую имѣть бы Версальскій договоръ, подписанный державами Согласія вмѣстѣ съ Россіей? Германія, взятая въ тиски, не избѣжала бы своей участіи побѣдленной державы. Своими послѣдствіями (большевизмомъ) русская революція бросила Россію въ объятія Германіи, и въ нихъ она осталась. Германія одна въ силахъ организовать и извлечь выгоду изъ огромныхъ ресурсовъ, которые она представляеть; въ Россіи Германія готовить свою отплату державамъ Согласія.

армія воевала. Онъ возлагалъ величайшую надежду на новыя части, созданныя въ Россіи втеченіе зимы *), и былъ убѣжденъ, что русская армія будетъ въ состояніи присоединиться весной къ большому наступленію союзниковъ, которое нанесетъ роковой ударъ Германіи и спасеть Россію. Еще нѣсколько недѣль — и побѣда была обеспечена.

Тѣмъ не менѣе Государь не рѣшался покинуть Царское Село, настолько его озабочивало политическое положеніе; съ другой стороны, онъ считалъ, что не можетъ далѣе отлагать свой отъѣздъ и что долгъ повелѣваетъ ему вернуться въ Ставку. Наконецъ въ четвергъ 8 марта Царь отправился въ Могилевъ, куда прибылъ на слѣдующій день. Едва онъ успѣлъ покинуть столицу, какъ первые признаки волненія начали проявляться въ рабочихъ кварталахъ столицы. Заводы забастовали, и въ слѣдующіе дни движеніе быстро разрослось. Населеніе Петрограда подвергалось втеченіе зимы большимъ лишеніямъ, такъ какъ вслѣдствіе недостатка подвижного состава перевозка продовольствія и топлива была въ высшей степени затруднена, и положеніе не давало надеждъ на улучшеніе. Правительство не сумѣло принять никакихъ мѣръ, могущихъ успокоить броженіе, а Протопоповъ лишь раздражалъ населеніе столь же нелѣпыми, сколь преступными репрессивными полицейскими мѣрами. Прибѣгли къ вмѣшательству военной силы. Но всѣ полки были на фронтѣ, и въ Петроградѣ остались лишь обучавшіяся запасныя части, сильно разложенные пропагандой, организованной въ казармахъ, несмотря на надзоръ. Не замедлили произойти случаи отказа въ повиновеніи, и послѣ

*) Россія приступила къ реорганизаціи арміи, которая увеличивала количество дивизій и давала въ результатѣ значительное увеличеніе силь.

трехъ дней слабаго сопротивленія войска перешли одни за другими на сторону мятежниковъ. 13 марта городъ былъ почти весь въ рукахъ революціонеровъ, и Дума приступила къ образованію временнаго правительства.

Въ Могилевѣ вначалѣ не отдавали себѣ отчета въ значеніи событій, развертывавшихся въ Петроградѣ. Однако въ субботу, 10 марта, генералъ Алексѣевъ и нѣкоторыя лица изъ свиты Государя попытались разъяснить ему событія и уговаривали его безъ замедленія даровать свободы, требуемыя народомъ. Но Николай II, лишній разъ введенный въ заблужденіе намѣренno невѣрными или неполными свѣдѣньями, представленными нѣсколькими несознательными лицами изъ числа его приближенныхъ*), не счелъ нужнымъ внять этимъ совѣтамъ. 12-го сдѣжалось невозможнымъ долѣ скрывать отъ Государя правду; онъ понялъ, что необходимо принять чрезвычайныя мѣры, и рѣшился немедленно вернуться въ Царское Село.

Царскій поѣздъ покинулъ Могилевъ въ ночь съ 12-го на 13-ое. Когда черезъ сутки онъ подошелъ къ станціи Малая Вишера, стало извѣстно, что станція Тосно, въ пятидесяти километрахъ на югъ отъ Петрограда, занята мятежниками, и что доехать до Царскаго Села невозможно. Пришлось вернуться. Царь рѣшилъ проѣхать

*.) Профессоръ Федоровъ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что каждый часъ промедленія уменьшаетъ возможность предотвратить надвигавшуюся катастрофу и стать разыскивать генерала В., занимавшаго одинъ изъ высшихъ постовъ въ свитѣ Государя. Онъ нашелъ его на приставной лѣстницѣ, занятымъ прибиваніемъ гвоздя въ стѣну для какой то картины. Федоровъ подѣлился съ нимъ своей тревогой и умолялъ его сейчасъ же пойти къ Государю. Но генералъ обозвалъ его „маньякомъ“, заболѣвшимъ страхомъ революцій“ и, вяявъ молотокъ въ руки, продолжалъ свое занятіе, прерванное докучливымъ посѣтителемъ.

въ Псковъ, гдѣ находился Главнокомандующій съвернымъ фронтомъ генераль Рузскій; онъ прибыль туда 14-го вечеромъ. Поставленный генераломъ въ извѣстность о послѣднихъ петроградскихъ событияхъ, Государь поручилъ ему передать по телефону Родаянко, что онъ готовъ на всѣ уступки, если Дума считаетъ, что онъ въ состояніи возстановить порядокъ въ странѣ. Отвѣтъ былъ: уже поздно. Было ли это такъ въ дѣйствительности? Распространеніе революціоннаго движенія ограничивалось Петроградомъ и ближайшими окрестностями. И несмотря на пропаганду, престижъ Царя былъ еще значителенъ въ арміи и не тронутъ среди крестьянъ. Развѣ недостаточно было дарованія конституціи и поддержки Думы, чтобы вернуть Николаю II популярность, которою онъ пользовался при началѣ войны?

Отвѣтъ Думы ставилъ передъ Царемъ выборъ: отреченіе или попытка идти на Петроградъ съ войсками, которыя оставались ему вѣрны; но это была гражданская война въ присутствіи непріятеля... У Николая II не было колебаній, и 15-го утромъ онъ передалъ генералу Рузскому телеграмму съ увѣдомленіемъ предсѣдателя Думы о своемъ намѣреніи отречься отъ престола въ пользу сына.

Нѣсколько часовъ спустя, онъ приказалъ позвать къ себѣ въ вагонъ профессора Феодорова и сказалъ ему:

— „Сергѣй Петровичъ, отвѣтьте мнѣ откровенно, болѣзнь Алексія неизлѣчима?“

Профессоръ Федоровъ, отдавая себѣ отчетъ во всѣмъ значеніи того, что ему предстояло скавать, отвѣтилъ:

— „Государь, наука говоритъ намъ, что эта болѣзнь неизлѣчима. Бываютъ, однако, случаи, когда лицо, одер-

жимое єю, достигаетъ почтеннаго возраста. Но Алѣксѣй Николаевичъ, тѣмъ не менѣе, во власти случайности".

Государь грустно опустилъ голову и прошепталъ:

— „Это какъ разъ то, что мнѣ говорила Государыня... Ну, разъ это такъ, разъ Алексѣй не можетъ быть полезенъ родинѣ, какъ я бы того желалъ, то мы имѣемъ право сохранить его при себѣ.“

Рѣшеніе имъ было принято, и вечеромъ, когда прїѣхали изъ Петрограда представители Временного правительства и Думы, онъ передалъ имъ актъ отреченія, составленный имъ заранѣе; въ немъ онъ отрекался за себя и за своего сына отъ русскаго престола въ пользу своего брата Великаго Князя Михаила Александровича. Вотъ текстъ этого документа, который своимъ благородствомъ и горячимъ патріотизмомъ привель въ восхищеніе даже враговъ Государя:

АКТЪ

объ отречениіи Государя Императора Николая II
отъ престола Государства Россійскаго въ пользу
Великаго Князя Михаила Александровича.

Въ дни великой борьбы съ вѣнчаннымъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской Нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого Нашего отечества требуетъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія Наша, совмѣстно со славными нашими союзниками, сможетъ окончательно

сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли Мы долгомъ совѣсти облегчить народу Нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достижения побѣды и, въ согласіи съ Государственной Думой, признали Мы за благо отречься отъ престола Государства Россійского и сложить съ себя Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ Нашимъ, Мы передаемъ наслѣдіе Наше Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляемъ его на вступленіе на престолъ Государства Россійского. Заповѣдуемъ Брату Нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній помочь Ему, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи."

Г. Псковъ, 2 Марта 15 час. 3 мин. 1917 года.

НИКОЛАЙ.

Министръ Императорскаго Двора, генералъ-адъютантъ
графъ Фредерикъ.

Царь былъ свергнутъ. Германія готовилась одержать самую крупную свою побѣду, но это торжество могло еще быть вырвано изъ ея рукъ. Для этого достаточно было, чтобы сознательная часть общества во-время споконтилась и сплотилась вокругъ Великаго Князя Михаила Александровича, который, по волѣ брата, — актъ объ

отреченіи ясно на это указывалъ — долженъ былъ сдѣлаться конституціоннымъ монархомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Къ этому не было никакихъ препятствій, потому что еще не было наличности такого большого народнаго движенія, которое не поддается никакой логикѣ, увлекая народъ въ пропасть и неизвѣстность. Революція была дѣломъ исключительно петроградскаго населенія, большинство котораго безъ колебанія стало бы на сторону нового монарха, если бы Временное правительство и Дума подали ему въ этомъ примѣръ. Армія, еще хорошо дисциплинированная, представляла значительную силу; что же касается большинства народа, то оно не вѣдало даже о томъ, что что нибудь случилось.

Желаніе закрѣпить за собою власть и страхъ, который внушали крайніе лѣвые, привели къ тому, что была упущена эта послѣдняя возможность предотвратить катастрофу. На слѣдующій день послѣ отреченія Государя Великій Князь Михаилъ Александровичъ, по совѣту всѣхъ членовъ Временного правительства (кромѣ двухъ*), отрекся въ свою очередь и предоставилъ Учредительному собранію разрѣшеніе вопроса о будущемъ образѣ правленія въ Россіи.

Непоправимое совершилось. Исчезновеніе Царя оставило въ душѣ народной огромный пробѣль, который она была не въ силахъ заполнить. Сбитый съ толку и не знающій, на что рѣшился въ поискахъ идеала и вѣрованій, способныхъ замѣнить ему то, что онъ утратилъ, народъ находилъ вокругъ себя лишь полную пустоту.

Чтобы закончить дѣло разрушенія, Германіи осталось лишь напустить на Россію Ленина и его сторонниковъ, широко снабдивъ ихъ золотомъ. Эти люди и не

* А. И. Гучкова и П. Н. Милюкова. Примѣч. издательства.

думали говорить крестьянамъ о демократической республике или объ Учредительномъ собраніи; они знали, что это напрасный трудъ. Новоявленные пророки, они пришли проповѣдывать священную войну и попытаться увлечь миллионы темныхъ людей приманкой ученія, въ которомъ высокіе завѣты Христа переплетались съ худшими софизмами, и которое, въ рукахъ евреевъ-авантюристовъ большевизма, должно было привести къ порабощенію мужика и гибели отечества.

ГЛАВА XVI

Императоръ Николай II

Николай II, желая проститься со своими войсками, покинулъ Псковъ 16 марта и вернулся въ Ставку. Онъ оставался тамъ до 21-го, живя попрежнему въ губернаторскомъ домѣ и принимая ежедневно доклады генерала Алексѣева. Вдовствующая Императрица Марія Феодоровна прїѣхала изъ Кіева повидать Государя, и оставалась съ нимъ до его отѣзда въ Царское Село.

21-го прїѣхали въ Могилевъ комиссары, посланные Временнымъ правительствомъ и Думой. Они поручили генералу Алексѣеву объявить Царю, что, согласно рѣшенію Временного правительства, онъ арестованъ, и имъ поручено доставить его обратно въ Царское Село. Вагонъ комиссаровъ быль прицѣпленъ къ царскому поѣзду, и отѣздъ состоялся въ тотъ же вечеръ.

Передъ отѣздомъ изъ Ставки Николай II пожелалъ проститься съ войсками, обратившись къ нимъ со слѣдующимъ приказомъ:

ПРИКАЗЪ

Начальника Штаба Верховнаго Главно- командующаго

Отрекшійся отъ престола Императоръ Николай II передъ своимъ отѣздомъ изъ района дѣйствующей арміи обратился къ войскамъ со слѣдующимъ прощальнымъ словомъ:

„Въ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ, горячо любимыя мною войска. Послѣ отреченія моего за себя и за сына моего отъ престола Россійскаго, власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможетъ ему Богъ вести Россію по пути славы и благоденствія. Да поможетъ Богъ и вамъ, доблестныя войска, отстоять нашу Родину отъ злого врага. Въ продолженіе двухъ съ половиной лѣтъ вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сдѣлано усилий, и близокъ часъ, когда Россія, связанная со своими доблестными союзниками однимъ общимъ стремленіемъ къ побѣдѣ, сломить послѣднее усиление противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной побѣды.

Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его — тотъ измѣнникъ Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воинъ такъ мыслить. Исполняйте же вашъ долгъ, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь вашихъ начальниковъ, помните, что всякое ослабленіе порядка службы только наручку врагамъ.

Твердо вѣрю, что не угасла въ вашихъ сердцахъ безпредѣльная любовь къ нашей Великой Родинѣ. Да благословитъ Васъ Господь Богъ и да ведетъ Васъ къ побѣдѣ Святой Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій“.

НИКОЛАЙ.

Ставка, 8 Марта 1917 г.

Подпись:
Начальникъ Штаба Генералъ
Алексѣевъ.

Въ этотъ трагическій и скорбный часъ у Государя было одно желаніе — облегчить задачу правительства, которое лишило его престола. Его единственнымъ опасеніемъ было, чтобы только что совершившіяся событія не имѣли на армію пагубнаго воздействиія, которымъ могъ бы воспользоваться непріятель.

По приказанію военнаго министра этотъ приказъ никогда не былъ объявленъ войскамъ.

Почему судьбѣ было угодно, чтобы Императоръ Николай II царствовалъ въ началѣ ХХ вѣка и въ одно изъ самыхъ смутныхъ временъ, когда либо извѣстныхъ исторіи? Одаренный замѣчательными личными качествами, онъ былъ воплощеніемъ всего, что въ русской натурѣ есть самаго благороднаго и рыцарскаго, но онъ былъ слабъ. Безуокоризненно честный, онъ всегда оставался рабомъ даннаго имъ слова. Его вѣрность союзникамъ, которая, вѣроятно, и послужила причиной его смерти, доказываетъ это съ исчерпывающей полнотой. Онъ презиралъ дипломатическіе пріемы и не былъ созданъ для борьбы; событія его погубили.

Николай II былъ скроменъ и застѣнчивъ. Онъ слишкомъ сомнѣвался въ самомъ себѣ: отсюда всѣ его неудачи. Его первое движеніе бывало всего чаще вѣрнымъ, но несчастіе заключалось въ томъ, что, самъ себѣ недовѣряя, онъ рѣдко ему слѣдовалъ. Онъ искалъ совѣта у людей, которыхъ считалъ болѣе свѣдущими, чѣмъ онъ, и съ той минуты переставалъ владѣть положеніемъ — оно ускользало изъ его рукъ; онъ колебался между противоположными мнѣніями и часто кончалъ тѣмъ, что присоединялся къ мнѣнію, наиболѣе противорѣчившему его собственному чувству.

Государыня знала нерѣшительный характеръ Государя. Она сочла, какъ мы уже это замѣтили, своимъ

священнымъ долгомъ помочь ему въ тяжелой задачѣ, выпавшей на его долю. Ея вліяніе на Государя было очень велико, но почти всегда гибельно. Она сдѣлала изъ политики вопросъ чувства и личнаго предпочтенія и слишкомъ часто руководилась симпатіями или антипатіями своими собственными, или своихъ окружающихъ. Импульсивная по природѣ, Императрица была подвержена увлеченіямъ, благодаря которымъ она оказывала самое полное довѣріе тѣмъ, кого считала искренно преданными странѣ и династіи. Такъ было съ Протопоповыми.

Государь стремился быть справедливымъ и дѣлать добро. Если онъ и не всегда достигалъ этого, то вина лежитъ всецѣло на тѣхъ, которые всячески старались скрыть отъ него правду и совершенно отдалить его отъ народа. Всѣ его великодушныя начинанія разбивались о пассивное сопротивленіе всесильной бюрократіи или завѣдомо не исполнялись тѣми, кому онъ довѣрялъ проведеніе ихъ въ жизнь. Онъ считалъ, что личная инициатива человѣка, какъ бы могущественна и геніальна она ни была, ничто въ сравненіи съ высшими силами, которыхъ руководятъ событиями. Отсюда проистекала его своего рода мистическая покорность судьбѣ, которая его побуждала скорѣе подчиняться обстоятельствамъ, чѣмъ руководить ими. Это одна изъ отличительныхъ чертъ русской души.

Созданный для семенной жизни, онъ былъ бы вполнѣ счастливъ, если бы могъ жить, какъ простой смертный, но онъ покорился своей участіи, и съ полнouю покорностью принялъ на себя непосильную для человѣка задачу, возложенную на него Богомъ. Онъ любилъ свой народъ и свою родину всѣми силами своего существа; онъ больше всѣхъ любилъ самыхъ смиренныхъ изъ своихъ подданныхъ — мужиковъ, долю которыхъ онъ искренно жалаль улуч-

шить. Трагична судьба этого монарха, который впродолжение всего своего царствования стремился лишь къ тому, чтобы приблизиться къ своему народу, и которому такъ и не удалось найти возможности это сдѣлать. Правда, его тщательно охраняли и притомъ именно тѣ, въ чьихъ интересахъ было помѣшать ему въ этомъ *).

*) Большимъ несчастьемъ для Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны было ихъ слишкомъ раннее воцареніе. Они могли бы, подобно Людовику XVI и Маріи Антуанеттѣ, воскликнуть при своемъ восшествіи на престолъ: „Боже! защити нась, сохрани нась, мы слишкомъ молодыми начали царствовать!“

Исторія отдастъ имъ должное. Чего только не писали о Людовикѣ XVI во время французской революціи? Какихъ обвинений только на него не возводили! Какихъ клеветъ не придумывали! А въ наше время школьники во Франціи учатъ, „что онъ былъ честенъ и добрь и стремился ко благу народа“. (Малэ, Революція и Имперія, стр. 12). Тоже будетъ и съ Николаемъ II съ тою лишь разницей, что онъ кромѣ того, отвергнувъ всякое соглашательство съ врагомъ, умеръ жертвой своей преданности родинѣ.

ГЛАВА XVII

Какъ смотрѣли на революцію въ Александровскомъ дворцѣ. — Возвращеніе Государя въ Царское Село

Пока драматическія событія, описанныя мною въ предыдущихъ главахъ, развертывались во Псковѣ и Могилевѣ, Государыня съ дѣтьми, оставшись въ Александровскомъ дворцѣ, переживала часы невыразимой тревоги.

Какъ мы это видѣли, Государь лишь послѣ долгихъ сомнѣній, уже сильно встревоженный, рѣшился покинуть Царское Село 8 марта, чтобы поѣхать въ Ставку.

Его отъездъ особенно удручили Государыню, такъ какъ къ опасеніямъ, которая вызывало политическое положеніе, присоединялись еще опасенія, которая внушало ей здоровье Александра Николаевича. Цесаревичъ уже нѣсколько дней лежалъ въ постели: у него была корь, и положеніе его ухудшилось вслѣдствіе различныхъ осложненій. Къ довершенію несчастія, три Великія Княжны заболѣли въ свою очередь, и одна Марія Николаевна могла помогать своей матери.

10 марта мы узнали, что въ Петроградѣ вспыхнули беспорядки и что между полиціей и манифестантами уже были кровавыя столкновенія.

Произошло это вслѣдствіе того, что за послѣдніе дни недостатокъ продовольствія вызвалъ сильное недовольство въ кварталахъ, где жило простонародье. Собрались толпы, которая направились по улицамъ города, требуя хлѣба.

Я понялъ, что Ея Величество была очень озабочена, такъ какъ, отступая отъ своей привычки, она заговорила со мною о политическихъ событіяхъ и сказала, что Протопоповъ обвиняетъ соціалистовъ въ желаніи, путемъ дѣятельной пропаганды среди желѣзодорожниковъ, помѣшать подвозу продовольствія въ городъ, чтобы возбудить народъ къ революціи.

11 марта положеніе внезапно стало крайне критическимъ. Самые тревожныя извѣстія приходили къ намъ одно за другимъ. Волненіе захватывало центръ города, и войска, которые уже наканунѣ были привлечены для поддержанія порядка, оказывали лишь слабое сопротивленіе.

Я узналъ также, что былъ опубликованъ указъ Государя о перерывѣ сессіи Думы, но что, ввиду серьезности переживаемыхъ событій, Дума рѣшила не подчиняться ему и приступила къ организаціи исполнительного комитета, поручивъ ему возстановленіе порядка.

На слѣдующій день вооруженная борьба возобновилась съ еще большимъ ожесточеніемъ, и мятежникамъ удалось захватить арсеналъ. Къ вечеру мнѣ телефонировали изъ Петрограда, что запасныя части многихъ гвардейскихъ полковъ, какъ то Павловскаго, Преображенскаго и др., присоединились къ возставшимъ. Эта новость какъ громомъ поразила Императрицу. Уже наканунѣ она была въ сильномъ беспокойствѣ и отдавала себѣ отчетъ въ неотвратимости опасности.

Втеченіе этихъ двухъ дней она поочереди проводила время въ комнатахъ Великихъ Княжень и Алексія Николаевича, состояніе здоровья котораго еще ухудшилось. Она старалась скрыть отъ больныхъ терзавшую ее смертельную тревогу.

13 марта, въ 9½ часовъ утра, когда я входилъ къ Цесаревичу, Императрица сдѣлала мнѣ знакъ слѣдовать за нею въ сосѣднюю залу. Она мнѣ объявила, что столица фактически въ рукахъ революціонеровъ и что Дума образовала временное правительство, во главѣ котораго стоитъ Родзянко.

— „Дума оказалась на высотѣ положенія“, сказала она, „мнѣ кажется, что она поняла, наконецъ, опасность, грозящую странѣ, но я боюсь, какъ бы это не было слишкомъ поздно: образовался комитетъ изъ революціонеровъ-соціалистовъ, который не хочетъ признавать власти временного правительства. Я только что получила отъ Государя телеграмму, въ которой онъ извѣщаетъ о своемъ прибытии къ 6 часамъ утра. Но онъ желаетъ, чтобы мы покинули Царское Село и перѣѣхали въ Гатчину*) или чтобы мы выѣхали къ нему навстрѣчу. Прикажите все приготовить на случай отѣзда Алексія“.

Приказанія отданы. Ея Величество находится въ тревожной нерѣшительности. Она дала знать Родзянко о тяжеломъ состояніи Цесаревича и Великихъ Княженъ. Родзянко отвѣтилъ: „Когда домъ горитъ, изъ него прежде всего выводятъ больныхъ“.

Въ 4 часа докторъ Деревенко возвращается изъ госпиталя и обявляетъ намъ, что весь петроградскій желѣзнодорожный узель уже занятъ революціонерами, что мы не можемъ выѣхать и что очень мало вѣроятнѣй, чтобы Государь могъ сюда доѣхать.

Вечеромъ, около 9 часовъ, ко мнѣ входитъ баронесса Буксгевденъ. Она только что узнала, что царскосельскій гарнизонъ взбунтовался, и на улицахъ стрѣляютъ. Надо

*) Другая Императорская ревиденція въ 20 километрахъ на юго-западъ отъ Петрограда.

предупредить Императрицу, которая находится у Великихъ Княженъ. Какъ разъ въ эту минуту она выходитъ въ корридоръ, и баронесса ставить ее въ извѣстность о томъ, что происходитъ. Мы подходимъ къ окнамъ и видимъ, какъ генераль Рессинъ съ двумя ротами сводного полка занимаетъ позицію передъ дворцомъ. Я замѣчаю также матросовъ гвардейскаго экипажа и конвойцевъ. Ограда парка занята усиленными караулами, которые находятся въ полной боевой готовности.

Въ эту минуту мы узнали по телефону, что мятежники продвигаются въ нашемъ направлениі и что они только что убили часового въ 500 шагахъ отъ дворца. Ружейные выстрѣлы все приближались, столкновеніе казалось неизбѣжнымъ. Императрица была внѣ себя отъ ужаса при мысли, что кровь прольется на ея глазахъ, и вышла съ Маріей Николаевной къ солдатамъ, чтобы побудить ихъ сохранять спокойствіе. Она умоляла, чтобы вступили въ переговоры съ мятежниками. Наступаетъ рѣшающая минута. Тревога сжимаетъ всѣ сердца. Несторожность можетъ вызвать рукопашную схватку и рѣзню. Съ обѣихъ сторонъ выступаютъ офицеры, и начинаются переговоры. Слова ихъ бывшихъ начальниковъ и рѣшимость тѣхъ, которые остались вѣрны долгу, — дѣйствуютъ на мятежниковъ.

Возбужденіе понемногу падаетъ и, наконецъ, рѣшаютъ установить нейтральную зону между обѣими сторонами.

Такъ прошла ночь. Утромъ официальный приказъ Временного правительства положилъ предѣль этому мучительному положенію.

Послѣ полудня Ея Величество вызвала Великаго Княза Павла Александровича и спросила его, не знаетъ ли онъ, гдѣ Государь. Великій Князь былъ въ полномъ невѣдѣніи. На вопросы Государыни о положеніи онъ

отвѣчалъ, что на его взглядъ только немедленное дарованіе конституціи можетъ еще предотвратить опасность. Государыня присоединилась къ этому мнѣнію, но она была бессильна, ибо съ предыдущаго дня не могла больше сноситься съ Государемъ.

Весь день 15 марта прошелъ въ подавленномъ ожиданіи событий. Ночью, въ 3½ часа, докторъ Боткинъ былъ вызванъ къ телефону однимъ изъ членовъ Временного правительства, который спрашивался о здоровье Алексея Николаевича. Какъ мы узнали впослѣдствіи, по городу распространился слухъ о его смерти.

Пытка Государыни продолжалась и на слѣдующій день. Она уже третьи сутки была безъ извѣстій о Государѣ, и ея мучительная тревога возрастала отъ вынужденного бездѣйствія*).

Къ концу дня во дворцѣ получилось извѣстіе объ отреченіи Государя. Государыня отказывалась ему вѣрить, считая это ложнымъ слухомъ. Однако, немного позднѣе, Великій Князь Павелъ Александровичъ подтвердилъ это извѣстіе. Она все еще отказывалась вѣрить ему, и только когда Великій Князь сообщилъ ей подробности, Ея Величество сдалась, наконецъ, передъ очевидностью. Государь отрекся отъ престола наканунѣ вечеромъ, во Псковѣ, въ пользу своего брата Великаго Князя Михаила Александровича.

Отчаяніе Государыни превзошло все, что можно себѣ представить. Но ея стойкое мужество не покинуло

*.) Мука Императрицы въ эти дни смертельной тревоги, когда, безъ извѣстій отъ Государя, она приходила въ отчаяніе у постели больного ребенка, — превзошла все, что можно себѣ вообразить. Она дошла до крайняго предѣла силъ человѣческихъ; это было послѣднее испытаніе, изъ котораго она вынесла то изумительно свѣтлое спокойствіе, которое потомъ поддерживало ее и всю ея семью до дня ихъ кончины.

ея. Я увидѣлъ ее вечеромъ у Алексѣя Николаевича. На ней лица не было, но она принудила себя, почти сверхчеловѣческимъ усилиемъ воли, прійти, по обыкновенію, къ дѣтямъ, чтобы ничѣмъ не обезпокоить больныхъ, которые ничего не знали о томъ, что случилось съ отъѣзда Государя въ Ставку.

Поздно ночью мы узнали, что Великій Князь Михаилъ Александровичъ отказался вступить на Престолъ, и что судьба Россіи будетъ рѣшена Учредительнымъ собраниемъ.

На слѣдующій день я вновь засталъ Государыню у Алексѣя Николаевича. Она была спокойна, но очень блѣдна. Она ужасно похудѣла и постарѣла за эти нѣсколько дней.

Днемъ Ея Величество получила телеграмму отъ Государя, въ которой онъ старался успокоить ее и сообщалъ, что ждетъ въ Могилевѣ предстоящаго пріѣзда Вдовствующей Императрицы.

Прошло три дня. 21 марта, въ 10½ часовъ утра, Ея Величество вызвала меня и сказала, что генераль Корниловъ отъ имени Временнаго правительства только что объявилъ ей, что Государь и она арестованы, и что всѣ тѣ, кто не желаетъ подвергаться тюремному режиму, должны покинуть дворецъ до четырехъ часовъ. Я отвѣтилъ, что рѣшилъ остаться.

— „Государь возвращается завтра, надо предупредить Алексѣя, надо все ему сказать.... Не сдѣлаете ли вы это? Я пойду поговорить съ дочерьми“.

Было замѣтно, какъ она страдаетъ при мысли о томъ, какъ ей придется взволновать больныхъ Великихъ Княженъ, объявляя имъ объ отречениіи ихъ отца, тѣмъ болѣе, что это волненіе могло ухудшить состояніе ихъ здоровья.

Я пошелъ къ Алексѣю Николаевичу и сказалъ ему, что Государь возвращается завтра изъ Могилева и больше туда не вернется.

— „Почему?“

— „Потому, что вашъ отецъ не хочетъ быть больше Верховнымъ Главнокомандующимъ!“

Это извѣстіе сильно его огорчило, такъ какъ онъ очень любилъ ъздить въ Ставку. Черезъ нѣсколько времени я добавилъ:

— „Знаете, Алексѣй Николаевичъ, вашъ отецъ не хочетъ быть больше Императоромъ“.

Онъ удивленно посмотрѣлъ на меня, стараясь прочесть на моемъ лицѣ, что произошло.

— „Зачѣмъ? Почему?“

— „Потому, что онъ очень усталъ и перенесъ много тяжелаго за послѣднее время“.

— „Ахъ, да! мама мнѣ сказала, что, когда онъ хотѣлъ ъхать сюда, его поѣздъ задержали. Но папа потомъ опять будетъ Императоромъ?“

Я объяснилъ ему тогда, что Государь отрекся отъ престола въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича, который въ свою очередь уклонился.

— „Но тогда, кто же будетъ Императоромъ?“

— „Я не знаю, пока никто!“ ...

Ни слова о себѣ, ни намека на свои права Наслѣдника. Онъ сильно покраснѣлъ и былъ взолнованъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія онъ сказалъ:

— „Если нѣтъ больше Царя, кто же будетъ править Россіей?“

Я объяснилъ ему, что образовалось Временное правительство, которое будетъ заниматься государственными дѣлами до созыва Учредительного собранія, и что тогда, быть можетъ, его дядя Михаилъ взойдетъ на престолъ.

Я еще разъ пораженъ скромностью этого ребенка.

Въ 4 часа двери дворца запираются. Мы въ заключеніи! Сводно-гвардейскій полкъ замѣненъ однимъ изъ полковъ царскосельскаго гарнизона, и солдаты стоятъ на часахъ уже не для того, чтобы насъ охранять, а съ тѣмъ, чтобы насъ караулить.

22 марта, въ 11 часовъ утра, пріѣхалъ, наконецъ, Государь въ сопровожденіи гофмаршала князя Долгорукова. Онъ немедленно поднялся къ дѣтямъ, гдѣ его ожидала Государыня.

Послѣ завтрака онъ зашелъ къ Алексѣю Николаевичу, гдѣ я находился въ эту минуту, и разговаривалъ со мною съ обычной простотой и благожелательностью. Но при видѣ его поблѣднѣвшаго и похудѣвшаго лица было ясно, что онъ также много перестрадаль за время своего отсутствія.

Возвращеніе Государя, несмотря на обстоятельства, было большимъ счастьемъ для его семьи. Государыня и Марія Николаевна, и больные дѣти, когда ихъ освѣдомили о положеніи, испытали на его счетъ столько страха и тревоги! Для нихъ было большимъ уг҃шеніемъ чувствовать себя вмѣстѣ во время такого суроваго испытанія. Имъ казалось, что это облегчало ихъ скорбь и что громадная любовь, которую они испытывали другъ къ другу, давала имъ достаточно силъ, чтобы перенести всѣ страданія.

Несмотря на обычное его самообладаніе, Государю не удавалось скрыть глубокаго потрясенія, которое онъ пережилъ, но онъ быстро оправлялся, окруженный лаской своей семьи. Онъ посвящалъ ей большую часть своего дня; остальное время, онъ читалъ или гулялъ съ княземъ Долгоруковымъ. Вначалѣ ему былъ запрещенъ входъ въ паркъ и предоставлено лишь пользованіе примыкашимъ

Въ креслѣ выздоравливающая Великая Княжна Марія Николаевна,
слѣва Анастасія, справа Татьяна Николаевны, апрѣль 1917 г.

ко дворцу маленьkimъ садомъ, еще покрытымъ снѣгомъ и окруженнymъ часовыми. Но Государь принималъ всѣ эти строгости съ изумительнымъ спокойствиемъ и величиемъ духа. Ни разу, ни слова упрека не слетѣло съ его устъ. Дѣло въ томъ, что одно чувство, болѣе сильное даже, чѣмъ семейныя связи, преобладало въ немъ — это была его любовь къ родинѣ. Чувствовалось, что онъ готовъ все простить тѣмъ, кто подвергалъ его унижениямъ, лишь бы они оказались способными спасти Россію.

Государыня проводила почти все свое время на кушеткѣ въ комнатѣ Великихъ Княженъ или у Алексѣя Николаевича. Волненія и жгучая тревога физически истощили ее, но съ возвращенiemъ Государя она почувствовала нравственное успокоеніе; она жила очень сильной внутренней жизнью и мало разговаривала, уступая, наконецъ, той повелительной потребности въ отдыхѣ, которая такъ давно ощущалась ею. Она была счастлива, что не приходится больше бороться, и что она можетъ всецѣло посвятить себя тѣмъ, кого любила такою великой любовью. Одна Марія Николаевна продолжала еще ее беспокоить. Она заболѣла гораздо позднѣе сестеръ, и ея болѣзнь осложнилась злокачественнымъ воспаленіемъ легкихъ; организмъ ея, хотя и очень крѣпкій, съ трудомъ боролся съ блѣзнью. Она къ тому же была жертвой своего самоотверженія. Эта 17-ти лѣтняя дѣвушка безъ счета расходовала свои силы въ дни революціи. Она была самой твердой опорой матери. Въ ночь на 13-ое марта, она неосторожно вышла на воздухъ вмѣстѣ съ Государыней, чтобы говорить съ солдатами, подвергаясь холоду въ то время, какъ уже чувствовала первые приступы заболѣванія. По счастью остальные дѣти чувствовали себя лучше и находились на пути къ полному выздоровленію.

Наше царскосельское заключеніе, казалось, не должно было долго длиться: быль поднятъ вопросъ о предстоящей отправкѣ нась въ Англію. Но дни проходили, и отъѣздъ нашъ постоянно откладывался. Дѣло въ томъ, что Временное правительство было вынуждено считаться съ крайними элементами, и чувствовалось, что власть мало по малу ускользаетъ изъ его рукъ. Мы были, однако, всего въ нѣсколькихъ часахъ ъзда по желѣзной дорогѣ отъ финляндской границы, и необходимость проѣзда черезъ Петроградъ была единственнымъ серьезнымъ препятствиемъ. Такимъ образомъ казалось, что, дѣйствуя рѣшительно и съ соблюденіемъ полной тайны, было бы не такъ трудно перевезти Царскую семью въ одинъ изъ портовъ Финляндіи, а оттуда за границу. Но всѣ боялись отвѣтственности, и никто не рѣшался себя скомпрометировать. Злой рокъ тяготѣль надъ ними!

ГЛАВА XVIII

Пять мѣсяцевъ заключенія въ Царскомъ Селѣ (мартъ—августъ 1917 г.)

Царская семья оставалась въ Царскомъ Селѣ до августа 1917 года. Втеченіе пяти мѣсяцевъ этого заключенія, которые я провелъ съ нею, я вель дневникъ нашей совмѣстной жизни. Читатель пойметъ чувство деликатности, не позволяющее мнѣ воспроизвести его цѣликомъ. Я хочу насколько возможно избѣгнуть того, чтобы казаться остающимся въ живыхъ. Я отклонюсь, однако, отъ этого правила, когда рѣчь зайдетъ о случаяхъ, обрисовывающихъ характеръ Государя и его семьи, или о чувствахъ, одушевлявшихъ ихъ втеченіе этихъ долгихъ мѣсяцевъ испытаній*).

Воскресенье 1 апреля. — Алексѣй Николаевичъ чувствуетъ себя гораздо лучше, и мы сегодня утромъ отправились въ церковь, гдѣ уже находились Ихъ Величества, Великія Княжны Ольга и Татьяна, а также нѣкоторые лица свиты, раздѣляющія наше заключеніе. Когда священникъ молился объ успѣхахъ русской и союзническихъ армій, Государь и Государыня опустились на колѣни, и всѣ присутствующіе послѣдовали ихъ примѣру.

*). Послѣдующія стараницы, равно какъ и предыдущія главы, появились уже въ журналѣ „Illustration“ въ декабрѣ 1920 и январѣ 1921 г. — Я даю вѣдьсъ, однако, больше выдержекъ изъ моего дневника. Кромѣ того, я пополнилъ нѣкоторыя части своего разсказа и внесъ кое-какія поправки въ подробностяхъ.

Несколько дней тому назадъ, выходя отъ Алексія Николаевича, я встрѣтилъ человѣкъ десять солдатъ, бродившихъ по коридору. Я подошелъ къ нимъ и спросилъ, чего они хотятъ.

- „Мы желаемъ видѣть Наслѣдника“.
- „Онъ въ постели, и его видѣть нельзя“.
- „А остальные?“
- „Они также больны“.
- „А гдѣ Царь?“
- „Я не знаю“.
- „Пойдетъ онъ гулять?“
- „Не знаю. Но послушайте, не стойте тутъ, не надо шумѣть, вѣдь здѣсь больные!“

Они вышли на цыпочкахъ и разговаривая шопотомъ. Такъ вотъ они, тѣ солдаты, которыхъ намъ расписали кровожадными революціонерами, ненавидящими своего бывшаго Царя!

Вторникъ 3 апрѣля. — Керенскій пріѣзжалъ сегодня въ первый разъ во дворецъ. Онъ обошелъ всѣ комнаты, провѣрилъ часовыхъ, желая лично удостовѣриться, что насть хорошо стерегутъ. Передъ отъездомъ у него былъ довольно длинный разговоръ съ Государемъ и Государыней.

Среда 4 апрѣля. — Алексій Николаевичъ рассказалъ мнѣ вчерашинюю бесѣду Керенскаго съ Государемъ и Государыней.

Вся семья была собрана въ комнатахъ Великихъ Княженъ. Керенскій входить и, представляясь, говоритъ:

- „Я генералъ-прокуроръ Керенскій“.

Потомъ онъ пожимаетъ руки всѣмъ присутствующимъ; обернувшись затѣмъ къ Императрицѣ, онъ произносить:

— „Королева Англійская просить извѣстій о бывшей Императрицѣ!“

Ея Величество сильно краснѣетъ. Ее въ первый разъ такъ называютъ. Она отвѣчаетъ, что чувствуетъ себя недурно, но, какъ всегда, страдаетъ отъ сердца. Керенскій продолжаетъ:

— „То, что я разъ началъ, я всегда, со всей своей энергией, довожу до конца. Я хотѣлъ все лично увидѣть и провѣрить, чтобы имѣть возможность доложить объ этомъ въ Петроградѣ; это будетъ лучше и для васть“.

Затѣмъ онъ попросилъ Государя пройти въ сосѣднюю комнату, желая поговорить съ нимъ наединѣ. Онъ входитъ первымъ, Государь слѣдуетъ за нимъ.

Послѣ его отѣзда Государь рассказывалъ, что, лишь только они остались одни, Керенскій ему сказалъ:

— „Вы знаете, что мнѣ удалось провести отмѣну смертной казни?... Я это сдѣлалъ, несмотря на то, что многие мои товарищи погибли жертвами своихъ убѣжденій“.

Не хотѣлъ ли онъ выставить на показъ свое велико-душіе и намекнуть, что спасаетъ жизнь Государя, хотя онъ этого не заслужилъ?

Затѣмъ онъ заговорилъ насчетъ нашего отѣзда, который еще надѣется устроить. Когда, какъ, куда? Онъ самъ хорошенько этого не зналъ и просилъ, чтобы объ этомъ не говорили.

Для Алексѣя Николаевича ударъ былъ очень тяжелъ. Онъ еще не отдавалъ себѣ отчета въ ихъ новомъ положеніи. Онъ въ первый разъ видѣлъ, чтобы его отцу давались приказанія, а онъ ихъ исполнялъ, какъ подна-чальный.

Вотъ подробность, заслуживающая быть отмѣченной: Керенскій прїѣхалъ во дворецъ на одномъ изъ личныхъ

автомобилей Государя, съ шоферомъ изъ Императорского гаража.

Пятница 6 апрѣля. — Государь подѣлился со мною глубокой скорбью, которую онъ испытываетъ при чтеніи газетъ. Происходитъ развалъ арміи. Нѣть больше ни чинопочитанія, ни дисциплины. Офицеры боятся солдатъ, которые за ними шпionятъ. Чувствуется, что Государь сильно страдаетъ отъ развала арміи, которую такъ любить.

Воскресенье 8 апрѣля. — Послѣ обѣдни Керенскій объявилъ Государю, что принужденъ разлучить его съ Государыней, что онъ долженъ будетъ жить отдѣльно и видѣться съ Ея Величествомъ только за столомъ и подъ условиемъ, что они будутъ разговаривать исключительно по русски. Чай они также могутъ пить вмѣстѣ, но въ присутствіи офицера, такъ какъ прислуги при этомъ не бываетъ.

Немного позднѣе подошла ко мнѣ сильно взволнованная Государыня и сказала:

— „Поступать такъ съ Государемъ, сдѣлать ему эту гадость, послѣ того, что онъ принесъ себя въ жертву и отрекся, чтобы избѣжать гражданской войны, — какъ это низко, какъ это мелочно! Государь не пожелалъ, чтобы кровь хотя бы одного русскаго была пролита за него. Онъ всегда былъ готовъ ото всего отказаться, если бы имѣлъ увѣренность, что это на благо Россіи“.

Черезъ минуту она продолжала:

— „Да, надо перенести еще и эту горькую обиду“.

Понедѣльникъ 9 апрѣля. — Я узналъ, что Керенскій сперва хотѣлъ изолировать Государыню, но ему замѣтили, что было бы безчеловѣчно разлучить мать съ ея больными дѣтьми; тогда онъ рѣшилъ примѣнить эту мѣру въ отношеніи Государя.

Великая Пятница 13 апреля. — Вечеромъ вся семья исповѣдалась.

Суббота 14 апреля. — Въ 9½ часовъ утра обѣдня и причастіе. Вечеромъ, въ 11½, часовъ, всѣ собираются къ заутрени. У заутрени присутствуетъ коменданть дворца полковникъ Коровиченко, другъ Керенскаго, и три офицера караула. Служба продолжается до двухъ часовъ, послѣ чего всѣ идутъ въ библіотеку для обычныхъ поздравленій. Государь, по русскому обычаю, христосуется со всѣми присутствующими мужчинами, включая коменданта дворца и караульного офицера, который остался при немъ. Они оба не могутъ скрыть волненія, которое вызвало въ нихъ это непосредственное движение Государя.

Потомъ всѣ садятся за круглый столъ для пасхальнаго разговѣнья. Ихъ Величества сидятъ другъ противъ друга. Насъ, съ двумя офицерами, семнадцать человѣкъ. Великія Княжны Ольга и Марія отсутствуютъ, равно какъ и Алексѣй Николаевичъ. Послѣ сравнительного оживленія, которое начало быстро падать, разговоры замираютъ. Ея Величество особенно молчалива. Грусть ли это, или усталость?

Воскресенье 15 апреля. — Пасха. Мы въ первый разъ выходили съ Алексѣемъ Николаевичемъ на террасу передъ дворцомъ. Чудный весенний день.

Въ семь часовъ вечера наверху, въ дѣтскихъ комнатахъ, происходитъ богослуженіе. Насъ всего человѣкъ пятнадцать. Я замѣчаю, что Государь набожно крестится, когда священникъ поминаетъ Временное правительство.

На слѣдующій день мы по случаю чудной погоды выходимъ въ паркъ, гдѣ намъ теперь разрѣшили гулять; насъ сопровождаютъ караульные офицеры и часовые.

Желая немного размѣять себѣ мускулы, мы забавляемся разбиваніемъ льда у плотины пруда. Толпа

солдатъ и штатскихъ не замедлила собраться вдоль ограды парка и смотрѣла на нашу работу. Черезъ нѣкоторое время караульный офицеръ подошелъ къ Государю и сказалъ, что онъ опасается враждебной манифестаціи или даже покушенія на членовъ Царской семьи и просить настъ не оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ мы находимся. Государь отвѣтилъ ему, что совершенно не боится, и что эти добрые люди ему нисколько не мѣшаютъ.

Среда 18 апрѣля.— Каждый разъ, что мы выходимъ, настъ окружаютъ нѣсколько солдатъ съ винтовками съ примкнутыми штыками подъ командой офицера и слѣдуютъ за нами по пятамъ. Мы точно каторжане среди караульныхъ. Распоряженія мѣняются ежедневно или, можетъ быть, офицеры понимаютъ ихъ каждый на свой ладъ!

Когда мы возвращались сегодня днемъ во дворецъ послѣ нашей прогулки, часовой предъ дверью остановилъ Государя словами:

— „Господинъ полковникъ, здѣсь проходить нельзя“.

Потребовалось вмѣшательство сопровождавшаго насъ офицера. Алексѣй Николаевичъ густо покраснѣлъ, увидѣвъ, какъ солдатъ остановилъ его отца.

Пятница 20 апрѣля.— Мы теперь гуляемъ регулярно, два раза въ день: утромъ отъ одиннадцати до двѣнадцати и днемъ отъ двухъ съ половиною до пяти часовъ. Мы всѣ соединяемся въ полукруглой залѣ и ждемъ, пока караульный начальникъ отопреть намъ двери, ведущія въ паркъ. Мы выходимъ — дежурный офицеръ и солдаты слѣдуютъ за нами по пятамъ и окружаютъ мѣсто, гдѣ мы останавливаемся для работы. Императрица и Великія Княжны Ольга и Марія еще не выходятъ изъ комнатъ.

Воскресенье 22 апреля. — Запрещено доходить до пруда: мы должны оставаться около дворца и не выходить изъ отведенного для насъ пространства. Мы замѣчаемъ издали толпу любопытныхъ, желающихъ насъ разглядѣть.

Среда 25 апреля. — Керенскій опять пріѣхалъ во дворецъ. Докторъ Боткинъ воспользовался этимъ слу-
чаемъ, чтобы спросить его, нельзя ли переправить Импе-
раторскую семью въ Ливадію ради здоровья дѣтей. Керенскій
отвѣчаетъ, что въ данное время это совершенно невоз-
можно. Всльдѣ за тѣмъ онъ прошелъ къ Ихъ Вели-
чествамъ, гдѣ оставался довольно долго. Отношеніе Ке-
ренскаго къ Государю уже не то, что было вначалѣ; онъ
уже не принимаетъ позы судьи. Я увѣренъ, что онъ
начинаетъ понимать Государя и подпадаетъ подъ его
нравственное обаяніе; это случается со всѣми, кто къ нему
приближается. Керенскій просилъ газеты прекратить
травлю, которую онѣ ведутъ противъ Государя и особенно
противъ Государыни. Эти клеветы только подливаютъ
масло въ огонь. У него есть чувство отвѣтственности за
заключенныхъ. Однако ни слова о нашемъ отѣздѣ за
границу. Это показываетъ его безсиліе.

Воскресенье 29 апреля. — Вечеромъ длинный
разговоръ съ Ихъ Величествами насчетъ уроковъ Алексѣя
Николаевича. Надо найти какой нибудь выходъ, разъ у насъ
нѣтъ больше преподавателей. Государь возьметъ на себя
исторію и географію, Государыня — Законъ Божій, баро-
несса Буксгевденъ — англійскій языкъ, г-жа Шнейдеръ —
ариѳметику, докторъ Боткинъ — русскій языкъ, а я —
французскій.

Понедѣльникъ 30 апреля. — Сегодня Государь
привѣтствовалъ меня словами: „Здравствуйте, дорогой
коллега!“ — онъ только что далъ первый урокъ Алексѣю

Николаевичу. То же спокойствіе и желаніе оказать ласку всѣмъ, раздѣляющимъ его тяжелую участь. Онъ для всѣхъ нась примѣръ и ободреніе.

Я далъ Татьянѣ Николаевнѣ на прочтеніе ея родителямъ статью изъ газеты „Journal des Débats“, подписанную А. Г. (Августъ Гавенъ), отъ 18 марта 1917 г.

Чувствуется, что режимъ, которому нась подвергаютъ, становится болѣе строгимъ.

Вторникъ 1 мая. — Россія въ первый разъ празднуетъ 1 мая. Мы слышимъ громъ музыки и видимъ, какъ вдоль ограды парка проходятъ длинныя шествія манифестантовъ.

Сегодня вечеромъ Государь вернуль мнѣ „Journal des Débats“, въ которомъ говорится обѣ его отреченій. Онъ мнѣ сказалъ, что Императрица и онъ съ удовольствіемъ прочли статью, въ которой стараются быть справедливыми по отношенію къ нему и тонъ которой такъ сильно расходится съ тономъ англійскихъ газетъ.

Четвергъ 3 мая. — Государь сказалъ мнѣ вечеромъ, что извѣстія за послѣдніе дни очень плохи. Крайня партія требуютъ отъ Франціи и Англіи заявленія о желаніи заключить миръ „безъ аннексій и контрибуцій“. Число дезертировъ все увеличивается, и армія таетъ. Будетъ ли имѣть Временное правительство силу продолжать войну?

Государь съ живѣйшимъ интересомъ слѣдитъ за событиями. Онъ обезпокоенъ, но надѣется, что страна спохватится и останется вѣрна союзникамъ.

Воскресенье 13 мая. — Вотъ уже второй день, что мы разбиваемъ огородъ на одной изъ полянъ парка. Мы начали съ того, что сняли дернъ, который переносимъ на носилкахъ и складываемъ въ кучи. Всѣ принялись за работу: Царская семья, мы и прислуга дворца которую съ нѣкоторыхъ поръ выпускаютъ на

прогулку вмѣстѣ съ нами. Даже нѣсколько солдатъ ка-
раула пришли намъ помочь! У Государя послѣдніе дни
очень озабоченный видъ. Онъ сказалъ мнѣ, возвращаясь
съ прогулки:

— „Оказывается, Рузскій подалъ въ отставку. Онъ
просилъ перейти въ наступленіе (теперь просять — уже
больше не приказываютъ!), но солдатскіе комитеты от-
казались. Если это правда, то это конецъ! Какой позоръ!
Защищаться, а не наступать — это равносильно самоубий-
ству! Мы дадимъ возможность раздавить нашихъ союз-
никовъ, потомъ настанетъ наша очередь“.

Понедѣльникъ 14 мая. — Государь вернулся къ
нашему вчерашнему разговору и добавилъ:

— „Что даетъ мнѣ маленькую надежду, это то, что
у насъ любятъ преувеличивать! Я не могу повѣрить, чтобы
на фронтѣ армія была такой, какъ говорятъ: въ два
мѣсяца она не могла пасть до такой степени“.

Четвергъ 18 мая. — Мнѣ кажется, что серьезный
правительственный кризисъ, длившійся уже около двухъ
недѣль, разрѣшается. Вѣсти изъ Петрограда какъ будто
менѣе плохи. Новому Совѣту министровъ, въ который
вошли нѣсколько представителей солдатъ и рабочихъ,
удается, быть можетъ, утвердить свой авторитетъ. Пока
анархія повсюду растетъ.

Суббота 19 мая. — День рожденія Государя
(сорокъ девять лѣтъ). Обѣдня и поздравленія.

Воскресенье 27 мая. — Съ нѣкоторыхъ поръ
выдаютъ очень мало дровъ и всюду страшно холодно. На-
рышкина (гофмейстера Ея Величества) заболѣла, и ее
сегодня увезли, такъ какъ ея здоровье требуетъ ухода,
котораго ей здѣсь дать нельзя. Она въ отчаяніи, что по-
кидаетъ насъ, такъ какъ знаетъ, что ей не позволять
вернуться во дворецъ.

Суббота 2 июня. — Мы продолжаемъ ежедневно работать на огородѣ. Мы его поливаемъ изъ бочекъ, которая возимъ по очереди.

Воскресенье 10 июня. — Нѣсколько дней тому назадъ двѣти играли на своемъ островѣ (искусственный островъ среди маленькаго озера). Алексѣй Николаевичъ игралъ съ маленькимъ ружьемъ, которымъ очень дорожить, такъ какъ это ружье Государь получилъ отъ отца, когда былъ ребенкомъ.

Одинъ изъ офицеровъ подошелъ къ намъ, и предупредилъ меня, что солдаты рѣшили отнять у Цесаревича его ружье и что они сейчасъ придутъ его взять. Услыхавъ это, Алексѣй Николаевичъ положилъ свою игрушку и подошелъ къ Государынѣ, сидѣвшей на лужайкѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Минуту спустя, подошелъ караульный офицеръ съ двумя солдатами и потребовалъ, чтобы ему сдали требуемое ими „оружіе“. Я пытаюсь вступиться въ это дѣло и объяснить имъ, что это не ружье, а игрушка. Напрасный трудъ — они отбираютъ его. Алексѣй Николаевичъ начинаетъ рыдать. Его мать просить меня еще разъ попробовать уговорить солдатъ, но это мнѣ снова не удается, и они уходятъ со своимъ трофеемъ.

Полчаса спустя, дежурный офицеръ отзываетъ меня въ сторону, и проситъ сказать Цесаревичу, что онъ въ отчаяніи отъ того, что ему пришлось сдѣлать. Послѣ безплодныхъ попытокъ уговорить солдатъ онъ предпочелъ прійти съ ними самъ, во избѣженіе возможности грубыхъ выходокъ съ ихъ стороны.

Полковникъ Кобылинскій*) остался очень недоволенъ, узнавъ объ этомъ происшествіи, и по частямъ вернулъ

*) Полковникъ Кобылинскій за нѣсколько времени до того замѣнилъ полковника Коровиченко въ качествѣ коменданта дворца.

Великія Княжны въ царскосельскомъ паркѣ, май 1917 г.

ружье Алексѣю Николаевичу, который имъ теперь играетъ только въ своей комнатѣ.

Пятница 15 іюня. — Мы закончили нѣсколько времени тому назадъ нашъ огородъ, который сталъ великолѣпенъ. У насъ есть всѣ рѣшительно овощи и пятьсотъ кочановъ капусты. Служащіе тоже разбили огородъ по другую сторону дворца; они разведутъ въ немъ, что имъ вздумается. Мы ходили, въ томъ числѣ и Государь, помочь имъ пахать землю.

Теперь, когда мы закончили садовыя работы, и чтобы занять свободное время, мы попросили и получили разрѣшеніе срубить сухія деревья въ паркѣ. Мы переходимъ съ мѣста на мѣсто вмѣстѣ съ карауломъ. Мы становимся довольно ловкими дровосѣками и сдѣлаемъ такимъ путемъ запасъ дровъ на будущую зиму.

Пятница 22 іюня. — Такъ какъ у Великихъ Княжень послѣ болѣзни сильно падали волосы, имъ наголо обрили головы; когда онѣ выходятъ въ садъ, то надѣваютъ шляпы, сдѣланныя, чтобы скрыть отсутствіе волосъ. Въ ту минуту, когда я собирался ихъ фотографировать, онѣ, по знаку Ольги Николаевны, быстро сняли шляпы. Я протестовалъ, но онѣ настояли, забавляясь мыслью увидѣть свои изображенія въ этомъ видѣ и въ ожиданіи возмущеннаго удивленія родителей. Несмотря на все, время отъ времени ихъ юморъ вновь проявляется; это дѣйствіе бывающей ключомъ молодости!

Воскресенье 24 іюня. — Дни проходятъ за днями безъ всякихъ перемѣнъ, въ урокахъ и прогулкахъ. Государь рассказалъ мнѣ сегодня забавный случай, нарушившій однообразіе нашего заключенія.

Вчера вечеромъ онъ читалъ вслухъ въ красной залѣ, гдѣ находились Государыня и Великія Княжны. Вдругъ, около одиннадцати часовъ, входитъ весьма смущенъ,

щенный лакей и докладываетъ, что начальникъ караула желаетъ быть немедленно принятъ Государемъ. Думая, что дѣло идетъ объ очень важныхъ событіяхъ въ Петроградѣ, — ждали вооруженного выступленія большевиковъ противъ Временного правительства, — Государь приказываетъ немедленно пригласить начальника караула войти. Входитъ офицеръ въ сопровожденіи двухъ унтеръ-офицеровъ. Онъ объясняетъ, что вызванъ выстрѣломъ часового, замѣтившаго красные и зеленые сигналы, подаваемые изъ оконъ комнаты, занимаемой Царскою семьей. Общее полнѣйшее недоумѣніе! Какіе сигналы? Что это все означаетъ? Страшное волненіе Государыни и Великихъ Княженъ... Офицеръ приказываетъ наглухо закрыть шторы, — стоитъ удущливая жара — и собирается уходить. Въ это время выступаетъ впередъ сопровождающей его унтеръ-офицеръ и разъясняетъ загадку. Великая Княжна Анастасія Николаевна вышивала, сидя на подоконникѣ. Нагибаясь къ столу, чтобы брать со стола нужныя ей для работы вещи, она то загораживала, то открывала свѣтъ двухъ лампъ съ краснымъ и зеленымъ абажурами, при которыхъ читалъ Государь. Сконфуженный офицеръ удаляется.

Понедѣльникъ 2 іюля. — Мы узнаемъ, что въ районѣ Тарнополя началось наступленіе, которое развертывается съ успѣхомъ.

Вторникъ 3 іюля. — Молебенъ по случаю военныхъ событій, предвѣщающихъ, какъ кажется, большую победу. Государь, сіяющій, приноситъ Алексѣю Николаевичу вечернія газеты и читаетъ ему официальные сообщенія.

Четвергъ 12 іюля. — Новости съ фронта не хороши. Столь счастливо начавшееся наступленіе обращается въ неуспѣхъ для русскихъ.

Воскресенье 15 июля. — Ничего нового въ нашемъ заключеніи. Единственное развлечениѳ составляютъ прогулки. Очень жарко, Алексѣй Николаевичъ уже нѣ сколько дней купается въ пруду, среди котораго находится дѣтскій островокъ. Это большая радость для него.

Среда 20 июля. — Неуспѣхъ на фронтѣ привинаетъ все болѣе и болѣе значительные размѣры. Выясняется отступленіе. Государь очень этимъ огорченъ.

Четвергъ 9 августа. — Я узналъ, что Временное правительство рѣшило перевезти Царскую семью. Мѣсто назначенія держится въ тайнѣ. Мы всѣ надѣемся, что это будетъ Крымъ.

Суббота 11 августа. — Намъ дали знать, что мы должны захватить теплую одежду. Значитъ, насъ направляютъ не на югъ. Крупное разочарованіе.

Воскресенье 12 августа (30 июля ст. ст.) — День рождения Алексѣя Николаевича (тринацѣть лѣтъ). По просьбѣ Государыни приносили къ обѣднѣ изъ Знаменской церкви, чудотворную икону Божьей Матери. Нашъ отѣзздъ назначенъ на завтра. Полковникъ Кобылинскій подъ большимъ секретомъ передалъ мнѣ, что насъ переселяютъ въ Тобольскъ.

Понедѣльникъ 13 августа. — Намъ пришли сказать, что мы должны быть готовы къ полуночи; поѣздъ заказанъ въ чась ночи. Послѣднія приготовленія. Прощальное посѣщеніе дѣтскаго острова, огорода и т. д. Къ часу ночи всѣ собираются въ полукруглой залѣ, заставленной багажемъ. Великій Князь Михаилъ Александровичъ прїѣзжалъ съ Керенскимъ и имѣлъ свиданіе съ Государемъ, который былъ счастливъ увидать брата передъ отѣзdomъ.

Поѣздъ, который долженъ насъ увезти, еще не подошелъ. Оказывается, есть какія то тренія съ петроград-

скими желѣзнодорожниками, которые подозрѣваютъ, что онъ предназначается для Царской семьи. Часы проходятъ въ ожиданіи, которое становится все болѣе утомительнымъ. Смогемъ ли мы уѣхать? Начинаютъ въ этомъ сомнѣваться (этотъ случай показываетъ безсиліе правительства). Наконецъ, около пяти часовъ утра, намъ объявляютъ, что все готово. Мы прощаемся съ тѣми изъ сотоварищей по заключенію, которые не могутъѣхать съ нами*). Сердце сжимается при мысли покинуть Царское Село, съ которымъ связано столько воспоминаній, и этотъ отъѣздъ въ неизвѣстность полонъ тяжелой грусти. При выѣздѣ изъ парка наши автомобили окружаетъ отрядъ кавалеріи, сопровождающей насъ до маленькой станціи Александровки. Мы размѣщаемся въ вагонахъ, которые очень удобно обставлены. Черезъ полчаса поѣздъ медленно движется въ путь. Было безъ десяти шесть утра.

*.) Графъ и графиня Бенкендорфъ, преклонные годы и слабость здоровья которыхъ не позволили имъ намъ сопутствовать, баронесса Буксгевденъ, задержанная своею болѣзнью и хотѣвшая, какъ только сможетъ, пріѣхать къ намъ въ Тобольскъ, и нѣкоторые изъ слугъ. Керенскій приказалъ спросить Государя, не желаешь ли онъ замѣнить кѣмъ нибудь графа Бенкендорфа. Государь отвѣтилъ, что если бы генераль Татищевъ пожелалъ раздѣлить съ нимъ заточеніе, онъ быль бы очень счастливъ. Узнавъ о желаніи своего Монарха, генераль Татищевъ немедленно устроилъ свои дѣла и нѣсколько часовъ спустя, съ чемадономъ въ рукахъ, отправился въ Царское Село. Мы застали его уже въ поѣздѣ въ моментъ отѣзда. Генераль Татищевъ не имѣлъ должности при Дворѣ, онъ быль однимъ изъ многочисленныхъ генераль адьютантовъ Государя.

ГЛАВА XIX

Наше заключеніе въ Тобольскѣ (августъ—декабрь 1917 г.)

Какія причины побудили Совѣтъ министровъ перевезти Царскую семью въ Тобольскъ? Этотъ вопросъ трудно разрѣшить. Когда Керенскій объявилъ объ этомъ перемѣщеніи Государю, то онъ объяснилъ его необходимость тѣмъ, что Временное правительство рѣшило принять энергичныя мѣры противъ большевиковъ; это должно было, по его словамъ, повлечь за собою полосу смуты и вооруженныхъ столкновеній, первой жертвой которыхъ могла сдѣлаться Царская семья; поэтому долгъ повелѣвалъ ему оградить ее отъ случайностей. Съ другой стороны утверждали, что это было проявленіемъ слабости по отношенію къ крайнимъ лѣвымъ, которые были обеспокоены при видѣ зарождавшагося въ арміи движенія, благопріятнаго Государю, — и требовали его ссылки въ Сибирь. Какъ бы то ни было, путешествіе Царской семьи изъ Царскаго Села въ Тобольскъ совершилось при хорошихъ условіяхъ и безъ особыхъ приключений.

Выѣхавъ въ 6 часовъ утра 14 августа, мы прибыли 17-го вечеромъ въ Тюмень, на ближайшую къ Тобольску желѣзнодорожную станцію, и нѣсколько часовъ спустя сѣли на пароходъ „Русь“.

На слѣдующій день мы проходили мимо родного села Распутина, и Царская семья, собравшись на палубѣ, имѣла возможность видѣть домъ „старца“, ясно выдѣлявшійся среди избъ. Въ этомъ для Царской семьи не было

ничего удивительного, потому что Распутинъ это предсказалъ. Случай снова, казалось, подтверждалъ его пророческія слова.

19-го, къ концу дня, мы неожиданно увидѣли за однимъ изъ поворотовъ рѣки зубчатыя очертанія господствующаго надъ Тобольскомъ кремля и немного позже прибыли по назначению.

Ввиду того, что домъ, въ которомъ мы должны были размѣститься, не былъ готовъ, мы были принуждены остаться нѣсколько дней на привезшемъ насъ пароходѣ и только 26 августа водворились въ нашемъ новомъ мѣстѣ жительства.

Царская семья занимала весь верхній этажъ просторного и удобнаго губернаторскаго дома. Свита жила въ домѣ богатаго тобольского купца Корнилова, расположенному черезъ улицу, почти напротивъ. Охрана состояла изъ солдатъ бывшихъ стрѣлковъ Императорской фамиліи, прѣхавшихъ съ нами изъ Царскаго Села. Она находилась подъ начальствомъ полковника Кобылинскаго, человѣка сердечнаго, который искренно привязался къ семье, за которой долженъ былъ наблюдать. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы смягчить ея участіе.

Вначалѣ условія нашего заключенія были довольно сходны съ царскосельскими. У насъ было все необходимое. Тѣмъ не менѣе Государь и дѣти страдали отъ недостатка простора. Въ самомъ дѣлѣ, для своихъ прогулокъ они располагали только очень маленькимъ огородомъ и дворомъ, который устроили, окруживъ заборомъ широкую, малопроѣзжую улицу, проходившую на юго-востокъ отъ дома. Этого было очень мало, и тамъ приходилось быть на глазахъ у солдатъ, казарма которыхъ господствовала надъ всѣмъ отведеннымъ намъ пространствомъ. Приближеннымъ и прислугѣ была,

напротивъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, предоставлена большая свобода, нежели въ Царскомъ Селѣ, и они могли ходить въ городъ и ближайшія окрестности.

Въ сентябрѣ прїѣхалъ въ Тобольскъ присланный Керенскимъ комиссаръ Панкратовъ. Его сопровождалъ его помощникъ Никольский, бывшій, какъ и онъ самъ, политической ссылочный. Панкратовъ былъ человѣкъ довольно образованный, мягкий, типъ сектана-фанатика. Онъ произвелъ на Государя хорошее впечатлѣніе и впослѣдствіи полюбилъ дѣтей. Но Никольский былъ настоящее животное, дѣятельность котораго оказалась въ высшей степени пагубной. Органиченный и упрямый, онъ ежедневно изощрялся въ измышленіи новыхъ оскорбительныхъ притѣсненій. Съ самого своего прїѣзда онъ потребовалъ отъ полковника Кобылинского, чтобы насы заставили сняться. Когда послѣдний ему возразилъ, что это излишне, такъ какъ всѣ солдаты насы знали — они были тѣ же, которые караулили насы въ Царскомъ Селѣ — онъ ему отвѣтилъ: „Прежде насы принуждали сниматься, теперь ихъ чередъ“. Пришлось пройти черезъ это, и съ тѣхъ поръ у насы были удостовѣренія личности за номерами, снабженныя фотографіями.

Церковные службы происходили сперва въ домѣ, въ большой залѣ верхняго этажа. Священнику церкви Благовѣщенія, дьякону и четыремъ монахинямъ Ивановскаго монастыря было разрѣщено приходить для служенія. Но за отсутствіемъ антиминса было невозможно служить обѣдню.. Это было большое лишеніе для семьи. Наконецъ 21 сентября и. с., по случаю праздника Рождества Богородицы, всѣмъ узникамъ было впервые разрѣщено пойти въ церковь. Это была большая радость для нихъ, но подобное утѣшеніе они получали впослѣдствіи лишь очень рѣдко.

Въ эти дни всѣ вставали очень рано и, когда были въ сборѣ во дворѣ, выходили сквозь маленькую калитку, ведущую въ общественный садъ, черезъ который шли между двухъ рядовъ солдатъ. Мы всегда присутствовали только у ранней обѣдни и оказывались въ едва освѣщенной церкви почти одни; народу доступъ въ нее былъ строжайше запрещенъ. На пути туда или обратномъ мнѣ часто случалось видѣть людей, которые крестились или падали на колѣни при проходѣ Ихъ Величествъ. Вообще жители Тобольска оставались очень привязаны къ Царской семье, и нашимъ стражамъ пришлось много разъ не допускать стоянія народа подъ окнами и не позволять снимать шапки и креститься при проходѣ мимо дома.

Однако наша жизнь понемногу налаживалась, и намъ удалось общими силами возобновить обученіе Цесаревича и двухъ младшихъ Великихъ Княженъ. Уроки начинались въ девять часовъ и отъ одиннадцати до часа прерывались для прогулки, въ которой всегда принималъ участіе Государь. Ввиду того, что не было классной комнаты, ученье происходило либо въ большой залѣ верхняго этажа, либо у Алексѣя Николаевича, или въ моей комнатѣ — я жилъ внизу, въ прежнемъ кабинетѣ губернатора. Въ часъ всѣ собирались къ завтраку. Однако Государыня, когда бывала нездорова, завракала у себя съ Алексѣемъ Николаевичемъ. Около двухъ часовъ мы снова выходили на прогулку и гуляли, и играли до четырехъ часовъ.

Государь очень страдалъ отъ недостатка физическихъ упражненій. Полковникъ Кобылинскій, которому онъ жаловался на этотъ счетъ, приказалъ привезти березовыя бревна и купилъ пилы и топоры, и мы получили возможность заготовлять дрова, необходимые для кухни

и печей. Это сдѣлалось однимъ изъ большихъ нашихъ развлечений на чистомъ воздухѣ в продолженіе нашего заключенія въ Тобольскѣ, и даже Великія Княжны пристратились къ этому новому спорту.

Послѣ чая уроки возобновлялись и оканчивались около шести съ половиною. Обѣдали часомъ позже, послѣ чего шли наверхъ въ большую залу пить кофе. Мы все были приглашены проводить вечеръ съ Царской семьей, и для нѣкоторыхъ изъ насъ это сдѣлалось вскорѣ привычкой. Мы устроили игры и всячески изощрялись найти забавы, способные внести разнообразіе въ монотонность нашего заключенія. Когда начало становиться очень холодно и большая зала сдѣлалась необитаемой, мы нашли себѣ пріютъ въ сосѣдней, единственной дѣйствительно уютной комнатѣ дома, служившей гостиной Ея Величеству. Государь часто читалъ вслухъ, а Великія Княжны занимались рукодѣльемъ или играли съ нами. Государыня обыкновенно играла одну или двѣ партии въ бэзигъ съ генераломъ Татищевымъ, а затѣмъ также брала какую нибудь работу или лежала на своей кушеткѣ. Въ этой мирной семейной обстановкѣ мы проводили долгіе зимніе вечера какъ бы затерянные въ безпредѣльности далекой Сибири.

Однимъ изъ наибольшихъ нашихъ лишеній во время нашего Тобольского заключенія было почти полное отсутствие извѣстій. Письма доходили до насъ лишь очень неаккуратно и съ большимъ запозданіемъ, что же касается газетъ, то мы должны были довольствоваться жалкимъ мѣстнымъ листкомъ, печатавшимся на оберточной бумагѣ; въ немъ сообщались намъ лишь запоздавшія на нѣсколько дней и всего чаще искаженные и урѣзанные извѣстія. Между тѣмъ Государь съ тревогой

слѣдилъ за развернувшимися въ Россіи событиями. Онъ понималъ, что страна идетъ къ гибели. Одно время къ нему вернулась надежда, когда генералъ Корниловъ предложилъ Керенскому идти на Петроградъ, чтобы покончить съ большевистской агитацией, становившейся все болѣе и болѣе угрожающей. Онъ былъ глубоко опечаленъ, видя, что Временное правительство отстранило это единственное средство спасенія. Въ немъ, онъ это понималъ, заключалась послѣдняя возможность еще, быть можетъ, предотвратить неминуемую катастрофу.

Я тогда въ первый разъ услышалъ отъ Государя выраженіе сожалѣнія объ его отреченіи. Онъ принялъ это рѣшеніе въ надеждѣ, что тѣ, кто пожелалъ его удаленія, окажутся способными привести войну къ благополучному окончанію и спасти Россію. Онъ побоялся, чтобы его сопротивленіе не послужило поводомъ къ гражданской войнѣ въ присутствіи непріятеля, и не пожелалъ, чтобы кровь хотя бы одного русскаго была пролита за него. Но развѣ за его уходомъ не воспользовало въ самомъ скромѣ времени появленіе Ленина и его сподвижниковъ, платныхъ наемниковъ Германіи, преступная пропаганда которыхъ привела армію къ развалу и развратила страну? Онъ страдалъ теперь при видѣ того, что его самоотреченіе оказалось безполезнымъ, и что онъ, руководствуясь лишь благомъ своей родины, на самомъ дѣлѣ оказалъ ей плохую услугу своимъ уходомъ. Эта мысль стала преслѣдовать его все сильнѣе и впослѣдствіи сдѣлалась для него причиной великихъ нравственныхъ терзаній.

Около 15 ноября мы узнали, что Временное правительство свергнуто, и что большевики захватили власть въ свои руки. Но это происшествіе не отозвалось немедленно на нашей жизни и, какъ мы это увидимъ, большеви-

вики лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя надумали заняться нами.

Проходили недѣли за недѣлями, и доходившія до насъ извѣстія становились все хуже и хуже. Намъ, однако, было очень трудно слѣдить за событиями и уяснить себѣ ихъ значеніе, такъ какъ дѣйствія, которыми мы располагали, не позволяли намъ ни понимать причины, ни учтывать ихъ послѣдствія. Мы были такъ далеко и до такой степени отрѣзаны отъ всего міра! И если намъ удавалось еще знать приблизительно, что происходило въ Россіи, мы были въ почти полномъ невѣдѣніи объ Европѣ.

Между тѣмъ большевистскія ученія начали проявлять свое разлагающее дѣйствіе въ отрядѣ, который насъ охранялъ и который до того времени довольно хорошо устоялъ противъ нихъ. Составъ его былъ чрезвычайно разнообразный: большинство солдатъ 1-го и 4-го полковъ было хорошо расположено къ Царской семье и въ особенности къ дѣтямъ. Великія Княжны любили, съ простотой, составлявшей ихъ прелесть, говорить съ этими людьми, у которыхъ — онѣ это чувствовали — душа лежала, какъ и у нихъ, къ прошлому. Великія Княжны разспрашивали солдатъ объ ихъ семьяхъ, деревняхъ или о бояхъ, въ которыхъ они участвовали во время войны. Алексѣй Николаевичъ, который остался для нихъ „Наслѣдникомъ“, тоже покорилъ ихъ сердца, и они всячески старались сдѣлать ему удовольствіе и доставить ему развлеченіе. Быводъ 4-го полка, состоявшій почти исключительно изъ солдатъ старшихъ призыва возрастовъ, особенно отличался въ этомъ отношеніи, и Царская семья всегда радовалась, когда приходила очередь этихъ славныхъ людей. Въ эти дни Государь и дѣти отправлялись тайкомъ въ караульное помѣщеніе

и они разговаривали или играли въ шашки съ солдатами, причемъ ни разу, ни одинъ изъ нихъ не проявилъ ни малѣйшей вольности въ обращеніи. Однажды ихъ засталъ тамъ комиссаръ Панкратовъ, который въ изумлениі остановился на порогѣ, наблюдая сквозь свои очки это неожиданное зрѣлище. Видя его недоумѣніе, Государь сдѣлалъ ему знакъ присѣсть къ столу. Но комиссаръ чувствовалъ себя, очевидно, не на своемъ мѣстѣ: онъ проговорилъ нѣсколько невнятныхъ словъ и, повернувшись на каблукахъ, удалился въ полномъ смущеніи.

Какъ я выше упомянулъ, Панкратовъ былъ сектантъ, насквозь пропитаннымъ гуманитарными началами; онъ не былъ дурнымъ человѣкомъ. Съ самаго своего прїезда онъ устроилъ занятія съ солдатами, вводя ихъ въ кругъ либеральныхъ ученій и прилагая всѣ усилия къ тому, чтобы развить въ нихъ патріотизмъ и гражданственность. Но его усилия обратились противъ него. Будучи убѣжденнымъ противникомъ большевиковъ, онъ въ дѣйствительности лишь подготовилъ имъ почву и, не отдавая себѣ въ томъ отчета, содѣйствовалъ успѣху ихъ идей. Ему пришлось, какъ мы это увидимъ, стать первою ихъ жертвой.

Солдаты 2 полка съ самаго начала отличались своимъ революціоннымъ духомъ; уже въ Царскомъ Селѣ они причинили заключеннымъ множество докучливыхъ непрѣятностей. Большевистскій переворотъ усилилъ ихъ власть и дерзость. Имъ удалось добиться образованія „солдатскаго комитета“, стремившагося къ тому, чтобы внести въ распорядокъ нашей жизни новыя ограниченія и понемногу замѣнить своею властью полковника Кобылинскаго. Мы получили доказательство недоброжелательства комитета, когда прїехала баронесса Буксгевденъ (въ концѣ декабря ст. стиля). Она раздѣляла наше заключеніе въ Царскомъ Селѣ, и лишь состояніе

ея здоровья помешало ей уехать вмѣстѣ съ нами. Едва оправившись, она съ разрѣшенія Керенского снова прїехала къ Ея Величеству. Солдатскій комитетъ на-стрѣзъ отказался допустить ее въ домъ, и она должна была жить въ городѣ. Это было большое огорченіе для Государыни и для всего семейства, ожидавшаго ея прїезда съ большимъ нетерпѣніемъ.

Такъ мы дожили до Рождества. Государыня и Великія Княжны втеченіе долгаго времени собственноручно готовили по подарку для каждого изъ насъ и изъ прислуги. Ея Величество роздала нѣсколько шерстяныхъ жилетовъ, которые сама связала: она старалась такимъ образомъ выразить трогательнымъ вниманіемъ свою благодарность тѣмъ, кто остался имъ вѣренъ.

24 декабря старого стиля священникъ пришелъ служить всенощную на-домъ: всѣ собрались затѣмъ въ большой залѣ, и дѣтямъ доставило большую радость преподнести предназначенные намъ „сюрпризы“. Мы чувствовали, что представляемъ изъ себя одну большую семью; всѣ старались забыть переживаемыя горести и заботы, чтобы имѣть возможность безъ заднихъ мыслей, въ полномъ сердечномъ общеніи, наслаждаться этими минутами спокойствія и духовной близости.

На слѣдующій день, въ Рождество, мы отправились въ церковь. По приказанію священника дьяконъ провозгласилъ многоголѣтіе Царской семьи. Это была неосторожность, которая могла повлечь за собой мѣры воздѣйствія. Солдаты потребовали, угрожая ему смертью, удаленія священника. Этотъ случай омрачилъ пріятное воспоминаніе, которое могло остаться отъ этого дня. Онъ вызывалъ также новыя оскорбительныя стѣсненія по отношенію къ намъ, и наблюденіе за нами сдѣжалось еще болѣе строгимъ.

ГЛАВА XX

Конецъ нашего тобольского заключенія (январь—май 1918 г.)

Начиная съ 1—14 января, я сталъ снова вести свой дневникъ, который оставилъ во время нашего перевода въ Тобольскъ, и дамъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ него, какъ я это дѣлалъ, описывая наше царскосельское заключеніе.

Понедѣльникъ 14 января (1 января ст. ст.). — Мы ходили сегодня утромъ въ церковь; служилъ въ первый разъ новый священникъ. Что касается отца Васильева, виновника происшествія, упомянутаго въ предыдущей главѣ, то онъ сосланъ архіепископомъ Гермогеномъ въ Абалат-скій монастырь.

Среда 16 января. — Въ два часа дня собрался солдатскій комитетъ нашего гарнизона. Онъ рѣшилъ большинствомъ 100 голосовъ противъ 85 уничтожить офицерскіе и солдатскіе погоны..

Четвергъ 17 января. — Полковникъ Кобылин-скій пришелъ сегодня въ штатскомъ — до такой степени ему претитъ носить офицерскую форму безъ погонъ.

Пятница 18 января. — Въ три часа пришли священникъ и пѣвчіе*). Сегодня водосвятіе, и новый священникъ въ первый разъ служитъ въ нашемъ домѣ. Когда Алексѣй Николаевичъ приложился вслѣдъ за другими ко кресту, священникъ нагнулся и поцѣловалъ его въ лобъ. Послѣ обѣдни генералъ Татищевъ и князь Дол-

*) Четыре монахини, приходившія вначалѣ пѣсть во время службъ, были замѣнены хоромъ одной изъ тобольскихъ церквей.

горуковъ подошли къ Государю и стали умолять его снять погоны во избѣжаніе бурныхъ выпадовъ со стороны солдатъ. У Государя чувствуется движение протеста, затѣмъ онъ обмѣнивается взглядомъ и нѣсколькими словами съ Государыней, овладѣваетъ, наконецъ, собой и покоряется ради своихъ близкихъ.

Суббота 17 января. — Мы ходили сегодня утромъ въ церковь. Государь надѣлъ своего теплую черкеску, которая носится безъ погонъ, а Алексѣй Николаевичъ спряталъ свои погоны подъ башлыкъ. Государыня сказала мнѣ сегодня, что Государь и она приглашаютъ меня впредь пить съ ними вечерній чай, когда я буду себя чувствовать не слишкомъ утомленнымъ своими уроками*). Поэтому, когда въ 10 часовъ Великія Княжны удалились въ свои комнаты, я не ушелъ къ себѣ (Алексѣй Николаевичъ всегда ложился въ 9 часовъ).

Понедѣльникъ 25 января (12 января ст. ст.). — Сегодня тезоименитство Татьяны Николаевны. Молебень на дому. Прекрасный зимній день, солнечно, 15° мороза по Реомюру. Мы продолжали, какъ и въ предыдущіе дни, строить ледяную гору, и солдаты изъ караула приходили намъ помочь.

Среда 30 января. — Сегодня очередь хорошаго взвода 4 полка. Государь и дѣти провели нѣсколько часовъ съ солдатами въ караульномъ помѣщеніи.

Суббота 2 февраля. — 23° ниже нуля по Реомюру. Мы съ княземъ Долгоруковымъ поливали

*) Ихъ Величества имѣли обыкновеніе оставлять у себя пить чай, который Государыня разливала сама, фрейлину графиню Гендрикову, генерала Татищева, князя Долгорукова и, когда ихъ занятія имъ это позволяли, г-жу Шнейдеръ и доктора Боткина. Изъ всѣхъ участниковъ этихъ вечернихъ чаепитій въ Тобольскѣ я теперь единственный, оставшійся въ живыхъ.

сегодня ледяную гору. Мы принесли тридцать ведеръ. Было такъ холодно, что вода замерзала, пока мы ее носили отъ крана въ кухнѣ до горы. Наши ведра и гора „дынились“. Съ завтрашняго дня дѣти могутъ кататься съ горы.

Понедѣльникъ 4 февраля. — Говорятъ, что градусникъ показывалъ сегодня ночью больше 30° мороза по Реомюру (37° по Цельзію). Ужасный вѣтеръ. Спальня Великихъ Княжень — настоящій ледникъ.

Среда 6 февраля. — Оказывается, что по почину 2 полка солдаты рѣшили, что комиссаръ Панкратовъ и его помощникъ Никольскій должны оставить свои должности.

Пятница 8 февраля. — Солдатскій комитетъ сегодня днемъ постановилъ замѣнить Панкратова комиссаромъ изъ большевиковъ, котораго выпишутъ изъ Москвы. Дѣло становится все хуже и хуже. Оказывается, что состояніе войны между совѣтской Россіей съ одной стороны и Германіей; Австріей и Болгаріей съ другой — прекратилось. Армія распущена, но миръ еще не подписанъ Ленинымъ и Троцкимъ.

Среда 13 февраля. — Государь объявилъ мнѣ, что вслѣдствіе демобилизаціи нѣсколько сроковъ призыва отпущенъ по домамъ. Всѣ старые солдаты, самые лучшіе, такимъ образомъ отъ насъ уйдутъ. Государь этимъ, по видимому, сильно озабоченъ; эта перемѣна можетъ имѣть для насъ очень непріятныя послѣдствія.

Пятница 15 февраля. — Нѣкоторые солдаты уже уѣхали. Они приходили тайкомъ проститься съ Государемъ и Царскою семьей.

За вечернимъ чаємъ у ихъ Величествъ генераль Татищевъ выразилъ свое удивленіе при видѣ того, на сколько тѣсно сплочена и проникнута любовью семейная

жизнь Государя, Государыни и ихъ дѣтей. Государь, улыбаясь, взглянула на Государыню:

— „Ты слышала, что сказалъ только что Татищевъ?“

Затѣмъ съ обычной своей добротой, въ которой проскальзывала легкая иронія, онъ добавилъ:

— „Если вы, Татищевъ, который были моимъ генераль-адъютантомъ и имѣли столько случаевъ составить себѣ вѣрное сужденіе о нась, такъ мало насы знали, какъ вы хотите, чтобы мы съ Государыней могли обижаться тѣмъ, что говорятъ о насъ въ газетахъ?“

Среда 20 февраля — Государь объявилъ мнѣ, что нѣмцы взяли Ревель, Ровно и проч. и что они продолжаютъ продвигаться по всему фронту. Видно, что онъ глубоко огорченъ.

Понедѣльникъ 25 февраля. — Полковникъ Кобылинскій получилъ телеграмму, извѣщающую его, что съ 1 марта „Николай Романовъ и его семейство должны быть переведены на солдатскій паекъ, и что каждый изъ членовъ семьи будетъ получать по 600 рублей въ мѣсяцъ, отчисляемыхъ изъ процентовъ съ ихъ личного состоянія“. До настоящаго времени всѣ расходы оплачивались государствомъ. Придется, слѣдовательно, вести хазайство всего дома на 4200 рублей въ мѣсяцъ, разъ семья состоять изъ семи человѣкъ*).

Вторникъ 26 февраля. — Ея Величество просила меня помочь ей вести счета и установить бюджетъ семьи. У нея остаются нѣкоторыя сбереженія за счетъ денегъ, которыхъ она получала на свои тулеты.

Среда 27 февраля. — Государь, шутя, объявилъ намъ, что разъ всѣ назначаютъ комиссіи, онъ тоже на-

*) Рубль въ то время имѣлъ, приблизительно, лишь пятую часть своей нормальной цѣнности.

значить комиссию для веденія дѣлъ общежитія. Она будетъ состоять изъ генерала Татищева, князя Долгорукова и меня. Мы „заѣдали“ сегодня днемъ и пришли къ заключенію, что надо сократить число прислуги. Это насъ огорчаетъ; придется уволить 10 служащихъ, у многихъ изъ которыхъ семьи при нихъ въ Тобольскѣ. Когда мы объявили это рѣшеніе Ихъ Величествамъ, мы увидѣли, какое огорченіе оно имъ причиняетъ: надо будетъ разстаться со слугами, преданность которыхъ приведетъ ихъ къ нищетѣ.

Пятница 1 марта. — Вступленіе въ силу новаго распорядка. Съ сегодняшняго дня масло и кофе исключаются изъ нашего стола, какъ предметы роскоши.

Понедѣльникъ 4 марта. — Солдатскій комитетъ рѣшилъ разрушить ледяную гору, которую мы соорудили (это было такое большое развлеченіе для дѣтей!), — потому что Государь и Государыня входили на нее, чтобы смотрѣть оттуда на отъездъ солдатъ 4-го полка. — Ежедневно дѣлаются новыя придирки, теперь уже, какъ въ отношеніи окружающихъ, такъ и самой Царской семьи. Уже давно мы не можемъ выходить иначе, какъ въ сопровожденіи солдата; вѣроятно урѣжутъ и эту послѣднюю долю свободы.

Вторникъ 5 марта. — Солдаты пришли вчера, какъ злоумышленники — они отлично чувствовали, что дѣлаютъ низость, — чтобы разломать кирками ледяную гору. Дѣти въ отчаяніи.

Пятница 15 марта. — Горожане, освѣдомленные о нашемъ положеніи, даставляютъ намъ различными способами яйца, сласти и печенья.

Воскресенье 17 марта. — Сегодня воскресенье на масленицу. Всѣ въ полномъ весельи. Подъ нашими окнами проѣзжаютъ туда и обратно сани. Звонъ коло-

кольцовъ, бубенчиковъ звуки гармоникъ, пѣсни... Дѣти грустно смотрять на всѣхъ этихъ веселящихся людей. Съ нѣкотораго времени они начинаютъ скучать, и ихъ тяготитъ ихъ заключеніе. Они ходятъ кругомъ двора, окруженнаго высокимъ сплошнымъ заборомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ ихъ гора разрушена, ихъ единственное развлеченіе — пилить и рубить дрова.

Наглость солдатъ превосходитъ все, что можно вообразить; ушедшихъ замѣнили молодыми, у которыхъ самыя гнусныя замашки.

Ихъ Величества, несмотря на жгучую тревогу, растущую со дня на день, сохраняютъ надежду, что среди вѣрныхъ имъ людей найдется нѣсколько человѣкъ, которые попытаются ихъ освободить. Никогда еще обстоятельства не были болѣе благопріятны для побѣга, такъ какъ въ Тобольскѣ еще нѣть представителя правительства большевиковъ. Было бы легко, при со участіи полковника Ко-былинскаго, заранѣе склоненного въ нашу пользу, обмануть наглый и въ то же время небрежный надзоръ на-шихъ стражей. Было бы достаточно нѣсколькихъ энергичныхъ людей, которые дѣствовали бы снаружи по опредѣленному плану и рѣшительно.

Мы неоднократно наставляли передъ Государемъ, чтобы держаться наготовѣ на случай всякихъ возможностей. Онъ ставитъ два условія, которыя сильно осложняютъ дѣло: онъ не допускаетъ ни того, чтобы семья была разлучена, ни того, чтобы мы покинули территорію Российской Имперіи.

Государыня говорила мнѣ однажды по этому поводу:

— „Я ни за что на свѣтѣ не хочу покидать Россій, такъ какъ мнѣ кажется, что, если бы намъ пришлось уѣхать за границу, — это значило бы порвать послѣднюю

нить, связывающую насъ съ прошлымъ; мнѣ кажется, что это прошлое погибло бы безвозвратно“.

Понедѣльникъ 18 марта. — Царская семья будетъ, по обыкновенію, говѣть на первой недѣлѣ поста. Богослуженіе совершается утромъ и вечеромъ. Такъ какъ пѣвчіе не могутъ приходить ввиду того, что они очень заняты, Императрица и Великія Княжны поютъ съ дьякономъ.

Вторникъ 19 марта. — Послѣ завтрака говорили о Брестъ-Литовскомъ договорѣ, который только что подписанъ. Государь высказывался по этому поводу съ большою грустью.

— „Это такой позоръ для Россіи и это равносильно самоубийству! Я бы никогда не повѣрилъ, что императоръ Вильгельмъ и германское правительство могутъ унизиться до того, чтобы пожать руку этимъ негодяямъ, которые предали свою страну. Но я увѣренъ, что это не принесетъ имъ счастья; не это спасетъ ихъ отъ гибели!“

Когда князь Долгоруковъ нѣсколько времени спустя сказалъ, что газеты говорятъ объ одномъ изъ условій, согласно которому нѣмцы требуютъ, чтобы Царская семья была передана имъ цѣлой и невредимой, Государь воскликнулъ:

— „Если это не предпринято для того, чтобы меня дискредитировать, то это оскорблѣніе для меня!“

Государыня добавила вполголоса:

— „Послѣ того, что они сдѣлали съ Государемъ, я предпочитаю умереть въ Россіи, нежели быть спасеннаю нѣмцами!“

Пятница 22 марта. — Въ девять часовъ съ четвертью, послѣ вечерней службы, всѣ исповѣдывались: дѣти, прислуга, свита и, наконецъ, Ихъ Величества.

Суббота 23 марта. — Мы ходили сегодня въ семь съ половиною часовъ въ церковь. Пріобщались.

Вторникъ 26 марта. — Отрядъ въ сто слишкомъ красногвардейцевъ прибылъ въ Омскъ: это первые большевистские солдаты, вступающіе въ гарнизонъ Тобольска. У насъ отнята послѣдняя возможность побѣга. Ея Величество сказала мнѣ, однако, что имѣеть основанія думать, что среди этихъ людей много офицеровъ, поступившихъ въ красную армію въ качествѣ солдатъ; она утверждала также, не поясня, откуда она это знаетъ, что въ Тюмени собрано триста офицеровъ.

Вторникъ 9 апрѣля. — Большевистскій комиссаръ, пріѣхавшій въ Омскъ съ отрядомъ, потребовалъ, чтобы его допустили осмотрѣть домъ. Солдаты нашей стражи ему отказали. Полковникъ Кобылинскій очень встревоженъ и боится столкновенія. Мѣры предосторожности, патрули, усиленные караулы. Мы проводимъ очень тревожную ночь.

Среда 10 апрѣля. — Общее собраніе нашей стражи, на которомъ большевистскій комиссаръ предъявилъ свои полномочія. Онъ имѣеть право разстрѣлять въ двадцать четыре часа и безъ суда всѣхъ, кто будетъ противиться его приказаніямъ. Его впускаютъ въ домъ.

Пятница 12 апрѣля. — Алексѣй Николаевичъ остался въ постели; со вчерашняго дня онъ ощущаетъ сильную боль въ паху вслѣдствіе сдѣланнаго имъ усиленія. Онъ такъ хорошо чувствовалъ себя эту зиму! Лишь бы это не было что нибудь серьезное!

Одинъ изъ солдатъ нашего отряда, котораго посыпали въ Москву, вернулся сегодня и передалъ полковнику Кобылинскому бумагу центральнаго исполнительнаго комитета большевиковъ съ приказаніемъ подвергнуть насъ

еще болѣе строгому режиму. Генераль Татищевъ, князь Долгоруковъ и графиня Гердрикова должны быть переведены въ нашъ домъ и считаться арестованными. Говорятъ о скоромъ пріѣздѣ комиссара съ чрезвычайными полномочиями, который привезетъ отрядъ солдатъ.

Суббота 13 апрѣля. — Всѣ жившіе въ домѣ Корнилова: графиня Гендрикова, г-жа Шнейдеръ, генералъ Татищевъ, князь Долгоруковъ и мистеръ Гиббсъ*) перешали къ намъ. Только доктора Боткинъ и Деревенко оставлены на свободѣ. Боли у Алексѣя Николаевича со вчерашняго дня усилились.

Понедѣльникъ 15 апрѣля. — Алексѣй Николаевичъ очень страдаль вчера и сегодня. Это одинъ изъ его сильныхъ припадковъ гемофиліи.

Вторникъ 16 апрѣля. — Полковникъ Кобылинскій, караульный офицеръ и нѣсколько солдатъ приходили произвести обыскъ въ домѣ. У Государя отобрали кинжалъ, который онъ носилъ при казачьей формѣ.

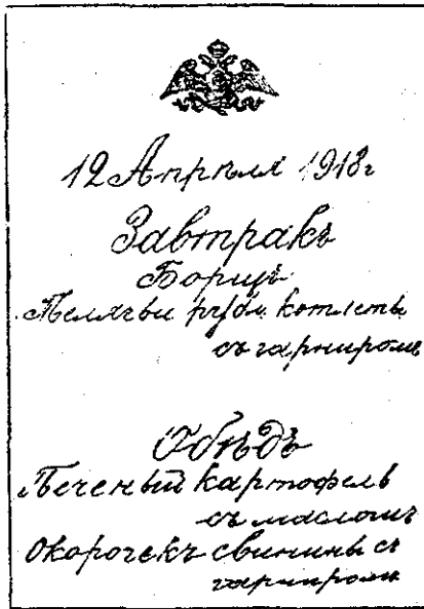
Понедѣльникъ 22 апрѣля. — Московскій комиссаръ пріѣхалъ сегодня съ маленькимъ отрядомъ; его фамилія — Яковлевъ. Онъ предъявилъ свои бумаги коменданту и солдатскому комитету. Вечеромъ я пилъ чай у Ихъ Величествъ. Всѣ обезпокоены и ужасно встревожены. Въ пріѣздѣ комиссара чувствуется неопределенная, но очень дѣйствительная угроза.

Вторникъ 23 апрѣля — Въ одиннадцать часовъ пріѣхалъ комиссаръ Яковлевъ. Онъ осмотрѣлъ весь домъ, затѣмъ прошелъ къ Государю и вмѣстѣ съ нимъ направился къ Алексѣю Николаевичу, который лежитъ въ постели. Такъ какъ ему нельзя было видѣть Государыню, которая еще не была готова, онъ вернулся немнogo позже

*) Мой коллега мистеръ Гиббсъ присоединился къ намъ въ Тобольскѣ втеченіе сентября.

со своимъ помощникомъ и вторично постыль Алексія Николаевича. Онъ хотѣлъ, чтобы и его помощникъ удостовѣрился, что ребенокъ боленъ. Выходя, онъ спросилъ у коменданта, много ли у насъ багажа. Не идетъ ли дѣло о какомънибудь отъѣздѣ?

Среда 24 апрѣля. — Мы всѣ ужасно встревожены. У насъ чувство, что мы всѣми забыты, предоставлены самимъ себѣ, во власти этого человѣка. Неужели возможно, чтобы никто не сдѣлалъ ни малѣшай попытки спасти Царскую семью? Гдѣ же, наконецъ, тѣ, которые остались вѣрными Государю? Зачѣмъ они медлятъ?

Меню послѣдняго обѣда Ихъ Величествъ въ Тобольскѣ.

Четвергъ 25 апрѣля. — Немного ранѣе трехъ часовъ, проходя по коридору, я встрѣтилъ двухъ лакеевъ, которые рыдали. Они сообщили мнѣ, что Яковлевъ при-

шелъ объявить Государю, что его увозятъ. Что же происходит наконецъ? Я не посмѣль подняться наверхъ, не будучи позванъ, и возвратился къ себѣ. Минуту спустя, Татьяна Николаевна постучала ко мнѣ въ дверь. Она была въ слезахъ и сказала, что Ея Величество просить меня къ себѣ. Я слѣдуя за ней. Она подтверждаетъ, что Яковлевъ былъ посланъ изъ Москвы, чтобы увезти Государя, и что отъѣздъ состоится этою ночью.

— „Комиссаръ увѣряетъ, что съ Государемъ не случится ничего дурного и что, если кто нибудь пожелаетъ его сопровождать, этому не будутъ противиться. Я не могу отпустить Государя одного. Его хотять, какъ тогда, разлучить съ семьей*)... Хотять постараться склонить его на что нибудь дурное, внушая ему беспокойство за жизнь его близкихъ... Царь имъ небходимъ; они хорошо чувствуютъ, что одинъ онъ воплощаетъ въ себѣ Россію... Вдвоемъ мы будемъ сильнѣе сопротивляться, и я должна быть рядомъ съ нимъ въ этомъ испытаніи... Но мальчикъ еще такъ боленъ... Вдругъ произойдетъ осложненіе... Боже мой, какая ужасная пытка!... Въ первый разъ въ жизни я не знаю, что мнѣ дѣлать. Каждый разъ, какъ я должна бывала принять рѣшеніе, я всегда чувствовала, что оно внушилось мнѣ свыше, а теперь я ничего не чувствую. Но Богъ не допустить этого отъѣзда, онъ не можетъ, онъ не долженъ осуществиться. Я увѣрена, что этою ночью начнется ледоходъ **)...“

Въ разговоръ вмѣшалась въ эту минуту Татьяна Николаевна:

*) Императрица намекала на отреченіе Государя.

**) Во время ледохода втечение несколькиx дней рѣку невозможно было переѣхать, надо было ждать, пока возвстановятъ поромъ.

— „Но, мама, если папа всетаки придется уѣхать нужно, однако, что нибудь рѣшить!“...

Я поддержаль Татьяну Николаевну, говоря, что Алексѣю Николаевичу лучше, и что мы за нимъ будемъ очень хорошо ухаживать.

Государыню, видимо, терзали сомнѣнія; она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ и продолжала говорить, но обращалась больше къ самой себѣ, нежели къ намъ. Наконецъ она подошла ко мнѣ и сказала:

— „Да, такъ лучше; я уѣду съ Государемъ; я ввѣряю вамъ Алексѣя“...

Черезъ минуту вернулся Государь; Государыня бросилась къ нему навстрѣчу со словами:

— „Это рѣшено — я поѣду съ тобой, и съ нами поѣдетъ Марія.

Государь сказалъ:

— „Хорошо, если ты этого хочешь“...

Я спустился къ себѣ, и весь день прошелъ въ приготовленіяхъ. Князь Долгоруковъ и докторъ Боткинъ а также Чемадуровъ (камеръ-лакей Государя), Анна Демидова (горничная Государыни) и Сѣдневъ (лакей Великихъ Княжень) будутъ сопровождать Ихъ Величествъ. Было рѣшено, что восемь офицеровъ и солдатъ нашей стражи тоже отправятся вмѣстѣ съ ними.

Семья провела всю вторую половину дня у постели Алексѣя Николаевича.

Вечеромъ, въ $10\frac{1}{2}$ часовъ, мы пошли наверхъ пить чай. Государыня сидѣла на диванѣ, имѣя рядомъ съ собой двухъ дочерей. Онѣ такъ много плакали, что ихъ лица опухли. Всѣ мы скрывали свои мученья и старались казаться спокойными. У всѣхъ наскѣ было чувство, что если кто нибудь изъ насъ не выдержитъ, не выдержать и всѣ остальные. Государь и Государыня были серьезны

и сосредоточены. Чувствовалось, что они готовы въѣмъ пожертвовать, въ томъ числѣ и жизнью, если Господь, въ неисповѣдимыхъ путяхъ своихъ, потребуетъ этого для спасенія страны. Никогда они не проявляли по отношенію къ намъ больше доброты и заботливости.

Та великая духовная ясность и поразительная вѣра, которой они проникнуты, передаются и намъ.

Въ одиннадцать часовъ съ половиной слуги собираются въ большой залѣ. Ихъ Величества и Марія Николаевна прощаются съ ними. Государь обнимаетъ и цѣлуетъ всѣхъ мужчинъ, Государыня — всѣхъ женщинъ. Почти всѣ плачутъ. Ихъ Величества уходятъ; мы всѣ спускаемся ко мнѣ въ комнату.

Въ три съ половиной часа ночи во дворѣ вѣзжаютъ экипажи. Это ужаснѣйшіе тарантасы*). Одинъ только снабженъ верхомъ. Мы находимъ на заднемъ дворѣ немнога соломы, которую подстилаемъ на дно тарантасовъ. Мы кладемъ матрацъ въ тотъ изъ нихъ, который предназначенъ Государынѣ.

Въ четыре часа мы поднимаемся къ Ихъ Величествамъ, которые выходятъ въ эту минуту изъ комнаты Алексея Николаевича. Государь, Государыня и Марія Николаевна прощаются съ нами. Государыня и Великія Княжны плачутъ. Государь кажется спокойнымъ и находить ободряющее слово для каждого изъ насъ; онъ обнимаетъ и цѣлуетъ насъ. Государыня, прощаясь, просить меня не сходить внизъ и остаться при Алексѣѣ Николаевичѣ. Я отправляюсь къ нему, онъ плачетъ въ своей кровати.

*) Крестьянская повозка, состоящая изъ большой плетеной корзины, положенной на двѣ длинные жерди, служащія рессорами. Сидѣній нѣтъ; сидѣть или лежать на днѣ корзины.

Несколько минутъ спустя, мы слышимъ грохотъ экипажей. Великія Княжны возвращаются къ себѣ наверхъ и проходятъ, рыдая, мимо дверей своего брата.

Суббота 27 апреля. — Кучерь, который везъ Государыню до первой почтовой станціи, привезъ записку отъ Маріи Николаевны: дороги испорчены, условія путешествія ужасны. Какъ Императрица будетъ въ состояніи перенести дорогу? Какую жгучую тревогу испытываешь за нихъ!

Воскресенье 28 апреля. — Полковникъ Кобылинскій получилъ телеграмму съ сообщеніемъ, что все благополучно пріѣхали въ Тюмень въ субботу въ половинѣ девятаго вечера.

Въ большой залѣ поставили походную церковь, и священникъ будетъ имѣть возможность служить обѣдню, такъ какъ есть антиминсъ.

Вечеромъ пришла вторая телеграмма, отправленная послѣ отъѣзда изъ Тюмени: „Вдемъ въ хорошихъ условіяхъ. Какъ здоровье маленькаго? Господь съ вами“.

Понедѣльникъ 29 апреля. — Дѣти получили изъ Тюмени письмо отъ Государыни. Путешествіе было очень тяжелое. При переправахъ черезъ рѣки лошади погружались въ воду по грудь. Колеса несолько разъ ломались.

Среда 1 мая. — Алексѣй Николаевичъ всталъ. Нагорный перенесъ его до колеснаго кресла; его катали на солнцѣ.

Четвергъ 2 мая. — Все нѣтъ извѣстій съ тѣхъ поръ, какъ они выѣхали изъ Тюмени. Гдѣ они? Они могли бы уже пріѣхать въ Москву во вторникъ!

Пятница 3 мая. — Полковникъ Кобылинскій получилъ телеграмму съ извѣщеніемъ о томъ, что путе-

шественники были задержаны въ Екатеринбургѣ. Что же произошло?

Суббота 4 мая. — Печальный канунъ Пасхи! Всѣ удручены.

Воскресенье 5 мая. — Пасха. Все иѣтъ извѣстій.

Вторникъ 7 мая. — Дѣти, наконецъ, получили письмо изъ Екатеринбурга, въ которомъ говорится, что всѣ здоровы, но не объясняется, почему остановились въ этомъ городѣ. Сколько тревоги чувствуется между строкъ!

Среда 8 мая. — Офицеры и солдаты нашей стражи, сопровождавшіе Ихъ Величествъ, вернулись изъ Екатеринбурга. Они рассказываютъ, что Царскій поѣздъ былъ окружены красноармейцами при его приходѣ въ Екатеринбургъ, и что Государь, Государыня и Марія Николаевна заключены въ домъ Ипатьева*), что Долгоруковъ въ тюрьмѣ и что сами они были освобождены лишь послѣ двухъ дней заключенія.

Суббота 11 мая. — Полковникъ Кобылинскій устраниенъ, и мы подчинены тобольскому совѣту.

Пятница 17 мая. — Солдаты нашей стражи замѣнены красногвардейцами, присланными изъ Екатеринбурга комиссаромъ Родіоновымъ, который прїѣхалъ за нами. У насъ съ генераломъ Татищевымъ чувство, что мы должны, насколько возможно, задержать нашъ отѣзду; но Великія Княжны такъ торопятся увидать своихъ родителей, что у насъ иѣтъ нравственного права противодѣйствовать ихъ пламенному желанію.

Суббота 18 мая. — Всенощная. Священникъ и монахини были раздѣты и обысканы по приказанію комиссара.

*) Домъ, принадлежащий мѣстному богатому купцу.

Воскресенье 19 мая (6 мая ст. ст.). — День рождения Государя.... Нашъ отъездъ назначенъ на завтра. Комиссаръ отказываетъ священнику въ разрѣшени приходить къ намъ. Онъ запрещаетъ Великимъ Княжнамъ запирать ночью свои двери.

Понедѣльникъ 20 мая. — Въ половинѣ двѣнадцатаго мы уѣзжаемъ изъ дома и садимся на пароходъ „Русь“. Это тотъ же пароходъ, который восемь мѣсяцевъ тому назадъ привезъ настъ вмѣстѣ съ Ихъ Величествами. Баронесса Буксгевденъ получила разрѣшеніе уѣхать вмѣстѣ съ нами и присоединилась къ намъ. Мы покидаемъ Тобольскъ въ пять часовъ. Комиссаръ Родионовъ запираетъ Алексея Николаевича съ Нагорнымъ въ его каютѣ. Мы протестуемъ — ребенокъ боленъ и докторъ долженъ имѣть возможность во всякое время входить къ нему.

Среда 22 мая. — Мы прїезжаемъ утромъ въ Тюмень.

ГЛАВА XXI

Екатеринбургъ. — Кончина Царской семьи въ ночь
съ 16 на 17 Июля 1918 г.

По пріѣздѣ въ Тюмень, 22 Мая, мы были немедленно отправлены подъ сильнымъ карауломъ къ специальному поѣзду, который долженъ быть насы отвезти въ Екатеринбургъ. Когда я собирался войти въ поѣздъ вмѣстѣ со своимъ воспитанникомъ, я былъ отдѣленъ отъ него и посаженъ въ вагонъ четвертаго класса, охраняемый, какъ и всѣ прочие, часовыми. Мы прибыли въ Екатеринбургъ ночью, и поѣздъ остановился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ вокзала.

Утромъ, около девяти часовъ, нѣсколько извозчиковъ стали вдоль нашего поѣзда, и я увидѣлъ какихъ то четырехъ человѣкъ, направлявшихся къ вагону дѣтей.

Прошло нѣсколько минутъ, послѣ чего приставленный къ Алексѣю Николаевичу матросъ Нагорный прошелъ мимо моего окна, неся маленькаго больного на рукахъ; за нимъ шли Великія Княжны, нагруженныя чемоданами и мелкими вещами. Я захотѣлъ выйти, но часовой грубо оттолкнулъ меня въ вагонъ.

Я вернулся къ окну. Татьяна Николаевна шла послѣдней, неся свою собачку, и съ большимъ трудомъ тащила тяжелый коричневый чемоданъ. Шелъ дождь, и я видѣлъ, какъ она при каждомъ шагѣ вязла въ грязи. Нагорный хотѣлъ прйтти ей на помощь — его съ силой оттолкнулъ одинъ изъ комиссаровъ.... Нѣсколько мгновеній спустя,

извозчики отъехали, увозя дѣтей по направленію къ городу.

Какъ мало я подозрѣвалъ, что мнѣ не суждено было снова увидѣть дѣтей, при которыхъ я провелъ столько лѣтъ. Я былъ убѣжденъ, что за нами прѣдутъ, и что мы снова скоро соединимся съ ними.

Однако часы проходили. Нашъ поѣздъ возвратили на вокзалъ, затѣмъ я видѣлъ, какъ проходили генералъ Татищевъ, графиня Гендрикова и г-жа Шнейдеръ, которыхъ уводили. Немного спустя пришла очередь камеръ-лакея Государыни Волкова, старшаго повара Харитонова, лакея Трупа и маленькаго четырнадцатилѣтняго кухоннаго мальчика Леонида Сѣднева.

Кромѣ Волкова, которому удалось позднѣе уѣхать, и маленькаго Сѣднева, котораго пощадили, ни одному изъ тѣхъ, кто былъ уведенъ въ этотъ день, не было суждено уйти живымъ изъ рукъ большевиковъ.

Мы все ждали. Что же, однако, происходило? Почему не приходили и за нами? Мы предавались уже всякаго рода предположеніямъ, когда около 5 часовъ въ нашъ вагонъ вошелъ комиссаръ Родіоновъ, прѣѣзжавшій за нами въ Тобольскъ, и объявилъ намъ намъ, что „насъ больше не нуждаются“ и что „мы свободны“.

Свободны! Какъ? Насъ разлучали съ ними? Тогда все кончено?! Возбужденіе, которое насъ поддерживало до тѣхъ поръ, смѣнилось глубокимъ отчаяніемъ. Что дѣлать? Что предпринять? Мы были подавлены...

Я и сейчасъ не могу понять, чѣмъ руководствовались большевистскіе комиссары при выборѣ, который спасъ нашу жизнь. Зачѣмъ было, напримѣръ, заключать въ тюрьму графиню Гендрикову и въ то же время оставлять на свободѣ баронессу Буксгевденъ, такую же фрейлину Государыни? Почему ихъ, а не насъ? Про-

изошла ли путаница въ именахъ и должностяхъ? Неизвѣстно.

На слѣдующій и втечение еще нѣсколькихъ дней я ходилъ со своимъ коллегой къ английскому*) и шведскому консуламъ — французскій консулъ былъ въ отсутствіи. Надо было во что бы то ни стало попытаться что нибудь сдѣлать, чтобы прійти на помощь заключеннымъ. Оба консула насъ успокоили, говоря, что уже были предприняты шаги, и что они не вѣрятъ въ непосредственную опасность.

Я прошелъ мимо дома Ипатьева, окна которого были видны изъ за окружавшаго его дощатаго забора. Я еще не потерялъ всякой надежды въ него вернуться, такъ какъ докторъ Деревенко, которому было дозволено навѣщать Алексѣя Николаевича, слышалъ, какъ докторъ Боткинъ, отъ имени Государя, просилъ начальника стражи, комиссара Авдѣева, чтобы мнѣ было разрѣшено къ нему вернуться. Авдѣевъ отвѣтилъ, что онъ запросить Москву. Пока мы всѣ, съ моими сотоварищами, временно размѣстились, кромѣ доктора Деревенко, который взялъ квартиру въ городѣ, — въ привезшемъ насъ вагонѣ четвертаго класса. Намъ пришлось остаться въ немъ больше мѣсяца.

26-го мы получили приказаніе немедленно покинуть предѣлы Пермской губерніи (въ которой находится Екатеринбургъ) и вернуться въ Тобольскъ. Намъ нарочно дали на всѣхъ одинъ документъ, чтобы принудить насъ держаться вмѣстѣ, для облегченія надзора надъ нами. Но поѣзда уже не ходили, противобольшевистское движеніе

*) Я считаю долгомъ отдать справедливость весьма мужественному поведенію английского консула г. Престона, который не побоялся вступить въ открытую борьбу съ большевистскими властями, рискуя своей личной безопасностью.

русскихъ добровольцевъ и чеховъ *) быстро распространялось, и желѣзнодорожная линія была предоставлена исключительно для воинскихъ эшелоновъ, которые спѣшно направлялись на Тюмень. Это была новая отсрочка.

Въ то время, какъ я однажды, вмѣстѣ съ докторомъ Деревенко и мистеромъ Гиббсомъ, проходилъ мимо дома Ипатьева, мы замѣтили двухъ стоявшихъ тамъ извозчиковъ, окруженныхъ многочисленными красногвардейцами. Каково же было наше волненіе, когда мы узнали на первомъ изъ нихъ лакея Великихъ Княженъ Сѣднева, сидѣвшаго между двумя стражами. Нагорный подходилъ ко второму извозчику. Онъ ступилъ на подножку, опираясь на крыло пролетки, и, поднявъ голову, замѣтилъ насъ трехъ, стоявшихъ неподвижно въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Онъ пристально посмотрѣлъ на насть продолженіе нѣсколькихъ секундъ и затѣмъ, не сдѣлавъ ни малѣйшаго движенія, которое могло бы настъ выдать, въ свою очередь сѣлъ въ пролетку. Пролетки отѣхали, и мы видѣли, что онъ направились по дорогѣ въ тюрьму.

Эти два милыхъ малыхъ были, немного спустя, разстрѣляны: все ихъ преступленіе состояло въ томъ, что

*) Въ маѣ 1918 года чехо- словацкія войска, состоявшія исключительно изъ бывшихъ военно пленныхъ, представляли изъ себя, вслѣдствіе усиленія ихъ Керенскимъ, двѣ полныя дивизіи; онъ были расположены вдоль сибирской желѣзной дороги отъ Самары до Владивостока; ихъ собирались переправить во Францію. Германскій генеральный штабъ, желая помѣшать этимъ войскамъ присоединиться къ силамъ союзниковъ въ Европѣ, далъ большевикамъ приказаніе ихъ обезоружить. Вслѣдъ за отклоненіемъ чехами ультиматума, между ними и большевиками, которыми командовали нѣмецкіе офицеры, вспыхнула вооруженная борьба. Къ чехо- словацкимъ войскамъ не замедлили присоединиться добровольческие отряды. Таково было происхожденіе движенія, начавшагося въ Омскѣ и охватившаго вскорѣ всю Сибирь.

они не могли скрыть своего возмущения, когда увидѣли, какъ большевики забираютъ себѣ золотую цѣпочку, на которой висѣли у кровати больного Алексѣя Николаевича его образки.

Прошло еще нѣсколько дней, послѣ чего я узналъ черезъ доктора Деревенко, что просьба доктора Боткина относительно меня отклонена.

3-го юня нашъ вагонъ прицѣпили къ одному изъ многочисленныхъ поѣздовъ съ голодающими, прїѣзжавшими изъ Россіи искать себѣ продовольствія въ Сибири, и мы были направлены на Тюмень, куда прибыли, послѣ многихъ мытарствъ, 15-го числа. Нѣсколько часовъ спустя, я былъ арестованъ большевистскимъ штабомъ, куда былъ принужденъ отправиться, чтобы раздобыть необходимые мнѣ и моимъ сотоварищамъ пропуски. Лишь благодаря счастливому стечению обстоятельствъ, я былъ вечеромъ отпущенъ и смогъ вернуться въ вагонъ, гдѣ они меня ожидали. Мы пережили затѣмъ нѣсколько невыразимо жуткихъ дней во власти случайностей, которыхъ могли обнаружить наше присутствіе. Насъ спасло, вѣроятно, то, что намъ удалось пройти незамѣтно, затерявшись въ толпѣ бѣженцевъ, переполнявшихъ тюменский вокзалъ.

20 юля бѣлые (такъ называли противобольшевистскія войска) завладѣли Тюменью и освободили насъ отъ этихъ изверговъ, жертвой которыхъ мы чуть было не сдѣлались. Нѣсколько дней спустя, газеты воспроизвели расклленную по улицамъ Екатеринбурга прокламацію съ извѣщеніемъ, „что смертный приговоръ противъ бывшаго Царя Николая Романова приведенъ въ исполненіе въ ночь съ 16 на 17 юля и что Императрица и дѣти увезены и находятся въ вѣрномъ мѣстѣ“.

Наконецъ 25 іюля паль въ свою очередь Екатеринбургъ. Лишь только сообщеніе было возстановлено, что потребовало очень долгаго времени, такъ какъ полотно желѣзной дороги сильно пострадало, мы съ мистеромъ Гиббсомъ бросились на поиски Царской семьи и нашихъ сотоварищѣй, оставшихся въ Екатеринбургѣ.

Черезъ день послѣ моего прїѣзда я въ первый разъ проникъ въ домъ Ипатьева. Я обошелъ комнаты верхняго этажа, служившія имъ тюрьмой; онѣ были въ неописуемомъ беспорядкѣ. Видно было, что были приняты всѣ мѣры, чтобы уничтожить всякий слѣдъ жившихъ въ нихъ. Кучи золы были выгребены изъ печей. Въ нихъ находилось множество мелкихъ полусгорѣвшихъ вещей, какъ то зубные щетки, головныя шпильки, пуговицы и т. д., среди которыхъ я нашелъ ручку головной щетки съ замѣтными еще на побурѣвшей слоновой кости инициалами Государыни: „А. Ф.“ Если правда, что узниковъ вывезли, то ихъ, стало быть, увезли въ чемъ они были, не давъ имъ даже возможности захватить никакихъ самыхъ необходимыхъ туалетныхъ принадлежностей.

Я замѣтилъ затѣмъ на стѣнѣ у одного изъ оконъ комнаты Ихъ Величествъ любимый знакъ Государыни „совастику“*), который она приказывала всюду изображать на счастье. Она нарисовала его также карандашемъ на обояхъ на высотѣ кровати, которую занимала, вѣроятно, она или Алексѣй Николаевичъ. Но сколько я ни искалъ, мнѣ не удалось обнаружить ни малѣйшаго указанія, по которому мы могли бы узнать объ ихъ участіи.

*) Совастика — индійскій религіозный символъ, состоящий изъ равносторонняго креста, линіи котораго загнуты влѣво: если онѣ загнуты вправо, по направленію движенія солнца, знакъ называются „свастика.“

Я спустился затѣмъ въ нижній этажъ, большая часть котораго была полуподвальная. Съ величайшимъ волненіемъ проникъ я въ комнату, которая, быть можетъ, — я еще имѣлъ сомнѣнія — была мѣстомъ ихъ кончины. Видъ этой комнаты былъ мрачнѣе всего, что можно изобразить. Свѣтъ проникалъ въ нее только черезъ одно, снабженное рѣшеткой, окно на высотѣ человѣческаго роста. Стѣны и поль носили на себѣ многочисленные слѣды пуль и штыковыхъ ударовъ. Съ первого же взгляда было понятно, что тамъ было совершено гнусное преступленіе и убито нѣсколько человѣкъ. Но кто? Сколько?

Я приходилъ къ мысли, что Государь погибъ, и, разъ это было такъ, я не могъ допустить, чтобы Государыня его пережила. Я видѣлъ, какъ въ Тобольскѣ она бросилась туда, гдѣ опасность казалась ей самой сильной, когда комиссаръ Яковлевъ явился, чтобы увезти Государя; я видѣлъ, какъ послѣ многочасовыхъ терзаній, втеченіи которыхъ ея чувства жены и матери отчаянно боролись между собой, она въ смертельной тревогѣ покинула своего больного ребенка, чтобы послѣдовать за мужемъ, жизни котораго грозила, какъ ей казалось, опасность. Да, это было возможно, они, быть можетъ, погибли оба, ставъ жертвой этихъ животныхъ. Но дѣти? Тоже перебиты?! Я не могъ этому повѣрить. Все мое существо возмущалось при этой мысли. И однако все доказывало, что жертвы были многочисленны. Тогда, что же?...

Въ слѣдующіе дни я продолжалъ свои изысканія въ Екатеринбургѣ, въ окрестностяхъ, въ монастырѣ, вездѣ, гдѣ я могъ надѣяться получить какое бы то ни было указаніе. Я повидался съ отцомъ Строевымъ, который послѣднимъ совершилъ богослуженіе въ Ипатьевскомъ

домѣ въ воскресенье, 14-го, то есть за два дня до страшной ночи. У него, увы, также оставалось очень мало надежды.

Предварительное слѣдствіе подвигалось очень медленно. Оно началось при чрезвычайно трудныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ между 17 и 25 іюля большевистскіе комиссары имѣли время уничтожить почти всѣ слѣды своего преступленія. Тотчасъ же послѣ взятія Екатеринбурга бѣлыми военные власти распорядились поставить стражу вокругъ дома Ипатьева, и было приступлено къ дознанію, но нити были такъ искусно запутаны, что разобраться въ нихъ становилось очень трудно.

Самымъ важнымъ показаніемъ было показаніе нѣсколькихъ крестьянъ изъ села Коптяки, расположеннаго въ 20 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Екатеринбурга. Они пришли заявить, что въ ночь съ 16 на 17 іюля большевики заняли одну изъ полянъ въ сосѣднемъ лѣсу, и оставались тамъ нѣсколько дней. Они принесли предметы, найденные ими около заброшенной шахты, не подалеку отъ которой были замѣтны слѣды большого костра. Нѣсколько офицеровъ отправились на указанную лѣсную поляну и обнаружили еще другія вещи, которыя, какъ и первыя, были признаны принадлежавшими Царской семьѣ.

Слѣдствіе было поручено члену Екатеринбургскаго окружного суда Ивану Александровичу Сергѣеву. Оно протекало нормально, но трудности были значительны. Сергѣевъ все больше и больше склонялся къ мысли о гибели всѣхъ членовъ семьи. Но тѣль обнаружить не удавалось и показанія извѣстнаго числа свидѣтелей поддерживали предположеніе о перевезеніи Государыни и дѣтей. Эти показанія, — какъ было установлено впослѣдствіи, — исходили отъ агентовъ большевиковъ, оста-

вленныхъ ими нарочно въ Екатеринбургѣ, чтобы запутать разслѣдованіе. Ихъ цѣль была отчасти достигнута, такъ какъ Сергѣевъ потерялъ драгоцѣнное время и долго не замѣчалъ, что идетъ по ложному пути.

Проходили цѣлые недѣли, не пронося съ собой новыхъ данныхъ. Я рѣшился тогда возвратиться въ Тюмень вслѣдствіе крайней дороговизны жизни въ Екатеринбургѣ. Передъ отъездомъ я получилъ, однако, обѣщаніе отъ Сергѣева, что онъ меня вызоветъ, если въ ходѣ передварительного слѣдствія произойдетъ сколько нибудь важное обстоятельство.

Въ концѣ января 1919 года я получилъ телеграмму отъ генерала Жанена, котораго зналъ въ Могилевѣ въ бытность его начальникомъ французской военной миссіи при Ставкѣ. Онъ приглашалъ меня пріѣхать къ нему въ Омскъ. Нѣсколько дней спустя, я покинулъ Тюмень и 13 февраля пріѣхалъ во французскую военную миссію при Омскомъ правительстве^{*)}.

Отдавая себѣ отчетъ въ исторической важности слѣдствія, производившагося обѣ исчезнованіи Царской семьи, и желая знать его результаты, адмиралъ Колчакъ поручилъ въ январѣ генералу Дитрихсу привезти ему въ Екатеринбургъ слѣдственное производство, а также всѣ найденные вещи. 5 февраля онъ вызвалъ слѣдователя по

^{*)} Союзники рѣшили воспользоваться происходящимъ въ Сибири противобольшевистскимъ движениемъ и использовать на мѣстѣ чехо- словацкія войска, создавъ на Волгѣ противъ германо-большевистскихъ войскъ новый фронтъ, который могъ бы произвести диверсію и притянуть часть нѣмецкихъ силъ, освободившихся послѣ Брестъ-Литовского договора. Отсюда — посылка Англіей и Франціей военныхъ и гражданскихъ миссій въ Сибирь. Во главѣ антибольшевистского правительства въ Омскѣ стоялъ тогда адмиралъ Колчакъ.

особо важнымъ дѣламъ Николая Алексѣевича Соколова и предложилъ ему ознакомиться съ разслѣдованіемъ. Два дня спустя, министръ юстиціи Старынкевичъ поручилъ ему продолжать дѣло, начатое Сергѣевымъ.

Тутъ я познакомился съ г. Соколовымъ. Съ первого нашего свиданія я понялъ, что убѣжденіе его составлено, и у него не остается никакой надежды. Что касается меня, то я еще не могъ повѣрить такому ужасу.

— „Но дѣти, дѣти!“ кричалъ я ему.

— „Дѣти раздѣлили судьбу родителей. У меня по этому поводу нѣтъ и тѣни сомнѣнія“.

— „Но тѣла?“

— „Надо искать на полянѣ — тамъ мы найдемъ ключъ отъ этой тайны, такъ какъ большевики провели тамъ три дня и три ночи не для того, чтобы просто сжечь кое-какую одежду“.

Увы, заключенія слѣдователя не замедлили найти себѣ подтвержденіе въ показаніи одного изъ главныхъ убийцъ — Павла Медвѣдева, котораго незадолго передъ тѣмъ взяли въ плѣнъ въ Перми. Ввиду того, что Соколовъ былъ въ Омскѣ, его допрашивалъ 25 февраля въ Екатеринбургѣ Сергѣевъ. Онъ призналъ совершенно точно, что Государь, Государыня и пять дѣтей, докторъ Боткинъ и трое прислугъ были убиты въ подвальномъ этажѣ дома Ипатьева втеченіе ночи съ 16 на 17 июля. Но онъ не могъ или не хотѣлъ дать никакихъ указаній относительно того, что сдѣлали съ тѣлами послѣ убийства.

Я впродолженіе нѣсколькихъ дней работалъ съ Соколовымъ; затѣмъ онъ уѣхалъ въ Екатеринбургъ, чтобы продолжать на мѣстѣ слѣдствіе, начатое Сергѣевымъ.

Въ апрѣль къ нему присоединился и сталъ ему помогать генералъ Дитрихсъ, вернувшийся изъ Владивостока, куда его посыпалъ со специальнымъ порученіемъ адмиралъ

Колчакъ. Съ этого времени слѣдствіе стало быстро подвигаться впередъ. Были допрошены сотни людей, и лишь только сошель снѣгъ, на полянѣ, где крестьяне села Коптяки нашли вещи, принадлежавшія Царской семье, были предприняты обширныя работы. Колодезь шахты былъ расчищенъ и осмотрѣнъ до дна. Пепель и земля съ части поляны были просяны сквозь сито и вся окружающая мѣстность тщательно осмотрѣна. Удалось установить мѣстоположеніе двухъ большихъ костровъ и неясные слѣды третьяго... Эти систематическія изысканія не замедлили привести къ открытию чрезвычайной важности.

Посвятивъ себя цѣликомъ предпринятому дѣлу и проявляя неутомимое терпѣніе и самоотверженіе, Соколовъ въ нѣсколько мѣсяцевъ возстановилъ съ замѣчательной стройностью всѣ обстоятельства преступленія.

ГЛАВА ХХII

Обстоятельства преступления, установленные слѣдствіемъ

На послѣдующихъ страницахъ я изложу обстоятельства убийства Царской семьи въ томъ видѣ, въ какомъ они вытекаютъ изъ показаній свидѣтелей и данныхъ слѣдствія. Изъ шести объемистыхъ томовъ рукописнаго материала, въ которыхъ заключается слѣдствіе, я извлекъ существенныя обстоятельства этой драмы, по поводу которой, увы, не остается никакихъ сомнѣній. Впечатлѣніе, испытываемое при чтеніи этихъ документовъ, походить на отвратительный кошмаръ, но я не считаю себя въ правѣ смягчать его ужаса.

Около половины апрѣля 1918 года предсѣдатель московскаго центральнаго исполнительного комитета Янкель Свердловъ, уступая давленію Германиі *), послалъ въ Тобольскъ комиссара Яковлева, чтобы перевезти Царскую семью. Этотъ послѣдний получилъ приказаніе доставить ее въ Москву или въ Петроградъ. Онъ встрѣтилъ, однако, при исполненіи своего порученія противодѣйствіе, которое пытался преодолѣть, какъ это установлено слѣдствіемъ. Это противодѣйствіе было организовано уральскимъ областнымъ правительствомъ, мѣстомъ пребыванія

*) Цѣль, которую престѣдовала Германія, была монархическая реставрація въ пользу Царя или Цесаревича подъ условіемъ признанія Брестъ-Литовскаго договора и послѣдующаго союза Россіи съ Германіей. Это предположеніе провалилось; вслѣдствіе сопротивленія Императора Николая II, который, вѣроятно, сдѣлался жертвой своей вѣрности союзникамъ.

котораго былъ Екатеринбургъ. Это правительство, безъ вѣдома Яковлева, приготовило западню, при помощи которой оно хотѣло завладѣть особой Государя при его проѣздѣ. Но представляется установленнымъ, что этотъ проектъ получиль тайное одобрение Москвы. Въ самомъ дѣлѣ, болѣе, чѣмъ правдоподобно, что Свердловъ сыгралъ двойную игру и что, притворно подчиняясь въ Москвѣ настоящіямъ барона Мирбаха, онъ вошелъ съ екатеринбургскими комиссарами въ соглашеніе не выпускать Царя изъ своихъ рукъ. Какъ бы то ни было, возвращеніе Государя въ Екатеринбургъ было неожиданно. Купецъ Ипатьевъ былъ въ два дня выселенъ изъ своего дома, и было предпринято возведеніе прочной дощатой ограды, доходившей до верха оконъ второго этажа.

Туда были привезены 30 апрѣля Государь, Государыня, Великая Княжна Марія Николаевна, докторъ Боткинъ и сопровождавшіе ихъ трое прислугъ: горничная Государыни Анна Демидова, камердинеръ Государя Чемадуровъ и лакей Великихъ Княженъ Сѣнинъ.

Вначалѣ стражи состояла изъ солдатъ, которыхъ брали случайно и которые часто мѣнялись. Позднѣе въ ея составъ вошли исключительно рабочіе завода Сиссера и фабрики братьевъ Злоказовыхъ. Во главѣ ея стоялъ комиссаръ Авѣевъ, комендантъ „дома особаго назначенія“ — такъ именовался домъ Ипатьева.

Условія жизни узниковъ были гораздо тяжелѣе, нежели въ Тобольскѣ. Авѣевъ былъ закоренѣлый пьяница, дававшій волю своимъ грубымъ наклонностямъ; онъ ежедневно изощрялся, вмѣстѣ со своими подчиненными, въ измышленіи новыхъ униженій для заключенныхъ. Приходилось мириться съ лишеніями, переносить издѣвательства и подчиняться требованіямъ и капризамъ этихъ грубыхъ и низкихъ тварей.

Цесаревичъ и его три сестры были немедленно послѣ ихъ пріѣзда въ Екатеринбургъ, 23 мая, привезены въ домъ Ипатьева, гдѣ ихъ ждали родители. Послѣ мучительной разлуки это возсоединеніе было громадной радостью, несмотря на тягостность положенія въ настоящемъ и грозную неизвѣстность въ будущемъ.

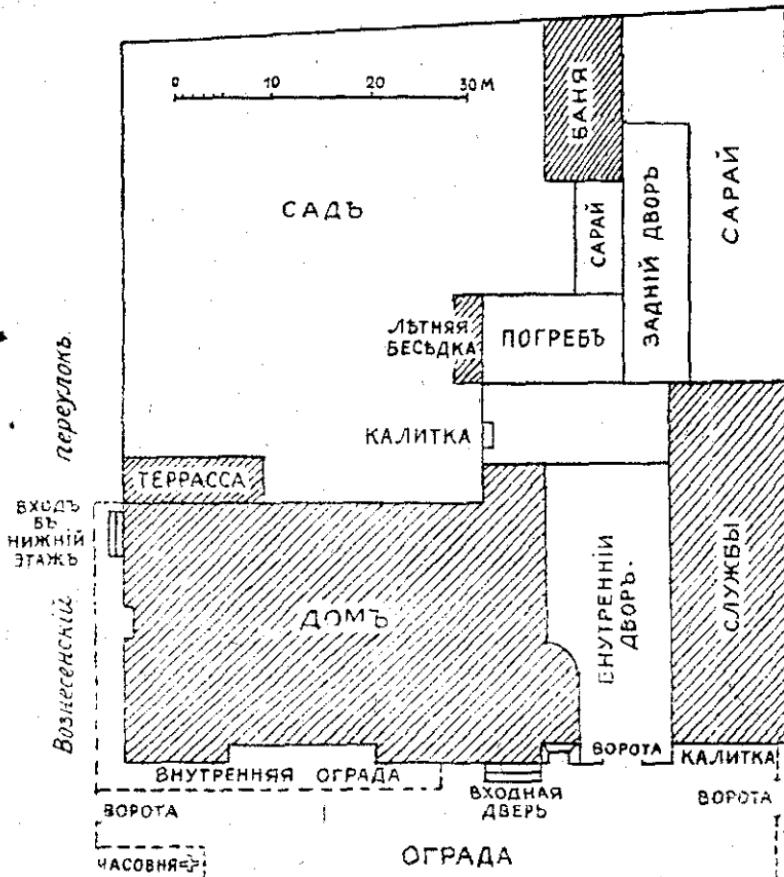
Нѣсколько часовъ спустя, туда же былъ доставленъ старый поваръ Харитоновъ, лакей Трупъ и маленький поваренокъ Леонидъ Сѣдневъ. Генералъ Татищевъ, графиня Гендрикова, г-жа Шнейдеръ и камер-лакей Государыни Волковъ были прямо отправлены въ тюрьму.

Чемадуровъ, заболѣвшій 24-го, былъ переведенъ въ тюремную больницу; его тамъ забыли и, благодаря этому, онъ чудомъ избѣгъ смерти. Черезъ нѣсколько дней увезли, въ свою очередь, Нагорнаго и Сѣднева.

Число тѣхъ немногихъ людей, которыхъ оставили при заключенныхъ, быстро уменьшалось. По счастью, при нихъ оставался докторъ Боткинъ, преданность котораго была изумительна, и нѣсколько слугъ испытанной вѣрности: Анна Демидова, Харитоновъ, Трупъ и маленький Леонидъ Сѣдневъ. Въ эти мучительные дни присутствіе доктора Боткина послужило большой поддержкой для узниковъ; онъ окружилъ ихъ своей заботой, служилъ посредникомъ между ними и комиссарами и приложилъ всѣ усилия, чтобы защитить ихъ отъ грубости стражи.

Государь, Государыня и Цесаревичъ занимали комнату, выходившую угломъ на площадь и на Вознесенскій переулокъ, четыре Великихъ Княжны — сосѣднюю комнату, дверь въ которую была снята; первыя ночи онѣ провели, не имѣя кроватей, на полу. Докторъ Боткинъ спалъ въ гостиной, а горничная Государыни въ комнатѣ, находившейся на углу Вознесенскаго переулка и сада.

Что касается прочихъ узниковъ, то они были помѣщены въ кухнѣ и смежной съ нею залѣ.

Вознесенскій проспектъ

Планъ усадьбы Ипатьева въ Екатеринбургѣ.

Состояніе здоровья Алексея Николаевича ухудшилось вслѣдствіе утомленія отъ путешествія; онъ лежалъ большую часть дня и, когда выходили на прогулку, его носили до сада Государь.

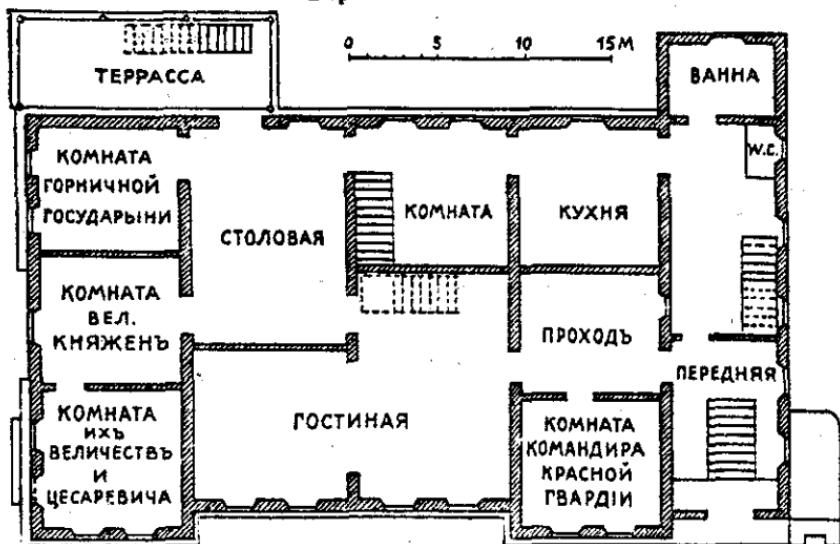
Семья и прислуга завтракала и обѣдала вмѣстѣ съ комиссарами, помѣстившимися въ томъ же этажѣ; Царская семья жила, такимъ образомъ, въ постоянномъ общеніи съ этими грубыми людьми, которые чаще всего бывали пьяны.

Домъ былъ обнесенъ двойной дощатой оградой; онъ сдѣлался настоящей крѣпостью-тюрьмой. Внутри и снаружи были посты часовыхъ, въ самомъ зданіи и въ саду стояли пулеметы. Комната комиссара, первая при входѣ, была занята комиссаромъ Авдѣевымъ, его помощникомъ Мошкинымъ и нѣсколькими рабочими. Остальная стража жила въ подвальномъ этажѣ, но солдаты часто подымались наверхъ и приникали, когда заблагоразсудится, въ комнаты, гдѣ жила Царская семья.

Однако вѣра очень сильно поддерживала мужество заключенныхъ. Они сохранили въ себѣ ту чудесную вѣру, которая уже въ Тобольскѣ вызывала удивленіе окружающихъ и давала имъ столько силъ и столько ясности въ страданіяхъ. Они уже почти порвали съ здѣшнимъ міромъ. Государыня и Великія Княжны часто пѣли церковныя молитвы, которыя противъ воли смущали ихъ карауль.

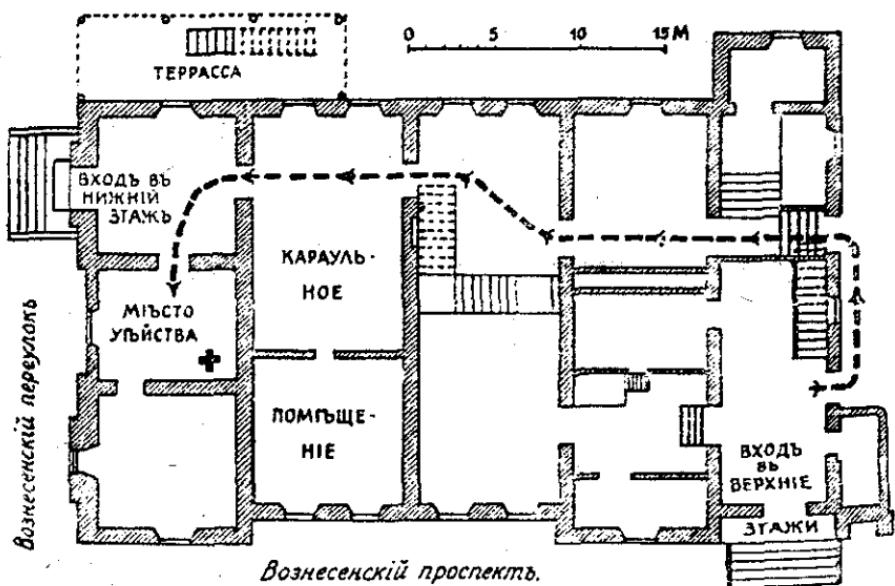
Во всякомъ случаѣ стражи понемногу смягчались въ общеніи съ заключенными. Они были удивлены ихъ простотой, ихъ привлекала къ себѣ ихъ кротость, ихъ покорила полная достоинства душевная ясность, и они вскорѣ почувствовали превосходство тѣхъ, которыхъ думали держать въ своей власти. Даже самъ пьяница Авдѣевъ оказался обезоруженнымъ такимъ величиемъ духа; онъ почувствовалъ свою низость. Глубокое состраданіе смѣнило у этихъ людей первоначальную жестокость.

Планы дома Ипатьева.
Верхний этажъ.

Вознесенский проспектъ.

Нижний этажъ.

Вознесенский проспектъ.

Екатеринбургскія совѣтскія власти состояли:

а) изъ „уральского областного совѣта“, въ которомъ было тридцать, приблизительно, членовъ подъ предсѣдательствомъ комиссара Бѣлобородова;

б) изъ „президіума“, представлявшаго изъ себя своего рода исполнительный комитетъ изъ нѣсколькихъ членовъ: Бѣлобородова, Голощекина, Сыромолотова, Сафарова, Войкова и т. д.;

в) изъ „чрезвычайки“ (народное наименование чрезвычайной комиссіи для борьбы съ контрѣ-революціей и спекуляціей), центръ которой находился въ Москвѣ и имѣть сѣть отдѣловъ по всей Россіи. Чрезвычайка представляетъ изъ себя мощную организацію, которая является основой совѣтскаго строя. Каждый отдѣль получаетъ приказанія непосредственно изъ Москвы и приводить ихъ въ исполненіе собственными средствами. Всякая сколько нибудь важная чрезвычайка имѣетъ въ своемъ распоряженій отрядъ, состоящій изъ отпѣтыхъ людей — всего чаще австро-германскихъ плѣнныхъ, латышей, китайцевъ и т. д., которые въ дѣйствительности — лишь щедро оплачиваемые палачи.

Въ Екатеринбургѣ чрезвычайка пользовалась всемогуществомъ. Ея наиболѣе вліятельными членами были комиссары Юровскій, Голощекинъ и т. д.

Авдѣевъ состоялъ подъ непосредственнымъ контролемъ прочихъ комиссаровъ, членовъ „президіума“ и „чрезвычайки“. Они не замедлили дать себѣ отчетъ въ перемѣнѣ, которая произошла въ настроеніи стражи по отношенію къ заключеннымъ, и постановили принять рѣшительныя мѣры. Въ Москвѣ тоже беспокоились, какъ это доказываетъ слѣдующая телеграмма, посланная Бѣлобородовымъ изъ Екатеринбурга Свердову и Голощекину,

находившемуся тогда въ Москвѣ: „Сыромолотовъ только что выѣхалъ въ Москву, чтобы устроить дѣло согласно указаніямъ центра. Опасенія неосновательны. Напрасно беспокоитесь. Авдѣевъ устраненъ. Мошкинъ арестованъ. Авдѣевъ замѣненъ Юровскимъ. Внутренняя стража перемѣнена, ее замѣнили другіе“.

Это телеграмма отъ 4 іюля.

Въ этотъ день, дѣйствительно, Авдѣевъ и его помощникъ Мошкинъ были арестованы и замѣнены комиссаромъ Юровскимъ, евреемъ, и его помощникомъ Никулинскимъ. Стража, состоявшая, какъ было сказано, исключительно изъ русскихъ рабочихъ, была перемѣщена въ одинъ изъ сопѣднихъ домовъ, въ домъ Попова.

Юровскій привезъ съ собой 10 человѣкъ, которые почти всѣ были австро-германскими пленными и „выбранны“ изъ числа палачей „чрезвычайки“. Начиная съ этого дня, они заняли внутренніе посты; наружные посты продолжали выставляться русской стражей.

„Домъ особаго назначенія“ сдѣлался отдѣленіемъ чрезвычайки, и жизнь заключенныхъ превратилась въ сплошное мученичество.

Въ это время убийство Царской семьи уже было рѣшено въ Москвѣ: это доказываетъ вышеприведенная телеграмма. Сыромолотовъ уѣхалъ въ Москву, „чтобы организовать дѣло согласно указаніямъ центра“.... Онъ вернулся съ Голощекинымъ и привезъ инструкціи и директивы Свердлова. Юровскій, тѣмъ временемъ, принималъ свои мѣры. Онъ нѣсколько дней подъ рядъ выѣзжалъ верхомъ и разѣзжалъ по окрестностямъ въ поискахъ мѣста, удобнаго для его намѣреній, гдѣ онъ могъ бы предать уничтоженію тѣла своихъ жертвъ. И этотъ

же человѣкъ, цинизмъ котораго превосходилъ все, что можно вообразить, являлся потомъ навѣщать Цесаревича въ его постели.

Прошло нѣсколько дней; Голощекинъ и Сыромолотовъ вернулись, все было готово.

Въ воскресеніе 14 іюля Юровскій приказалъ позвать священника, отца Строева, и разрѣшилъ совершить богослуженіе. Узники — уже приговоренные къ смерти, и имъ нельзя отказать въ помощи религіи.

На слѣдующій день онъ приказалъ увести маленькаго Леонида Сѣднева въ домъ Попова, гдѣ находилась русская стража.

16-го, около 7 часовъ утра, онъ приказалъ Павлу Медвѣдеву, которому всецѣло довѣрялъ, и который стоялъ во главѣ русскихъ рабочихъ, принести ему двѣнадцать револьверовъ системы „Нагана“, которые имѣлись у русской стражи. Когда это приказаніе было исполнено, онъ объявилъ ему, что вся Царская семья будетъ казнена въ ту же ночь, и поручилъ сообщить объ этомъ русской стражѣ. Медвѣдевъ сдѣлалъ это около 10 часовъ.

Немного спустя, Юровскій проникъ въ комнаты, занимаемыя членами Царской семьи, разбудилъ ихъ и всѣхъ, жившихъ съ ними, и сказалъ имъ приготовиться слѣдовать за нимъ. Предлогомъ онъ выставилъ то, что долженъ ихъ увезти, потому что въ городѣ мятежи и что пока они будутъ въ большей безопасности въ нижнемъ этажѣ.

Всѣ въ скромѣ времени готовы и, забравъ съ собой нѣсколько мелкихъ вещей и подушки, спускаются по внутренней лѣстницѣ, ведущей во дворъ, черезъ который входятъ въ комнаты нижняго этажа. Юровскій идетъ

впереди съ Никулинымъ, за ними слѣдуетъ Государь съ Алексѣемъ Николаевичемъ на рукахъ, Государыня, Великія Княжны, д-ръ Боткинъ, Анна Демидова, Харитоновъ и Трупъ.

Узники остановились въ комнатѣ указанной имъ Юровскимъ. Они были увѣрены, что пошли за экипажами или автомобилями, которые должны ихъ увезти, и, ввиду того, что ожиданіе продолжалось долго, потребовали стульевъ. Ихъ принесли три. Цесаревичъ, который не могъ стоять изъза своей больной ноги, сѣлъ посреди комнаты. Царь сѣлъ слѣва отъ него, д-ръ Боткинъ стоялъ справа, немного позади. Государыня сѣла у стѣны (справа отъ двери, черезъ которую они вошли), неподалеку отъ окна. На ея стулъ, также какъ и на стулъ Цесаревича, положили подушку. Сзади нея находилась одна изъ ея дочерей, вѣроятно Татьяна. Въ углу комнаты, съ той же стороны, стояла Анна Демидова, у которой оставались въ рукахъ двѣ подушки. Три остальныхъ Великія Княжны прислонились къ стѣнѣ въ глубинѣ комнаты; по правую руку отъ нихъ, въ углу, находились Харитоновъ и старый Трупъ.

Ожиданіе продолжается. Внезапно въ комнату возвращается Юровскій съ семью австро-германцами и двумя своими друзьями, комиссарами Ермаковымъ и Вагановымъ, заправскими палачами чрезвычайки. Съ ними находится Медведевъ. Юровскій подходитъ и говоритъ Государю: „Ваши хотѣли васъ спасти, но это имъ не удалось, и мы принуждены васъ казнить“. Онъ тотчасъ поднимаетъ револьверъ и стрѣляетъ въ упоръ въ Государя, который падаетъ, какъ снопъ. Это сигналъ къ залпу. Каждый изъ убийцъ выбралъ свою жертву. Юровскій взялъ на себя Государя и Цесаревича. Для большинства заключенныхъ смерть наступила почти немедленно, од-

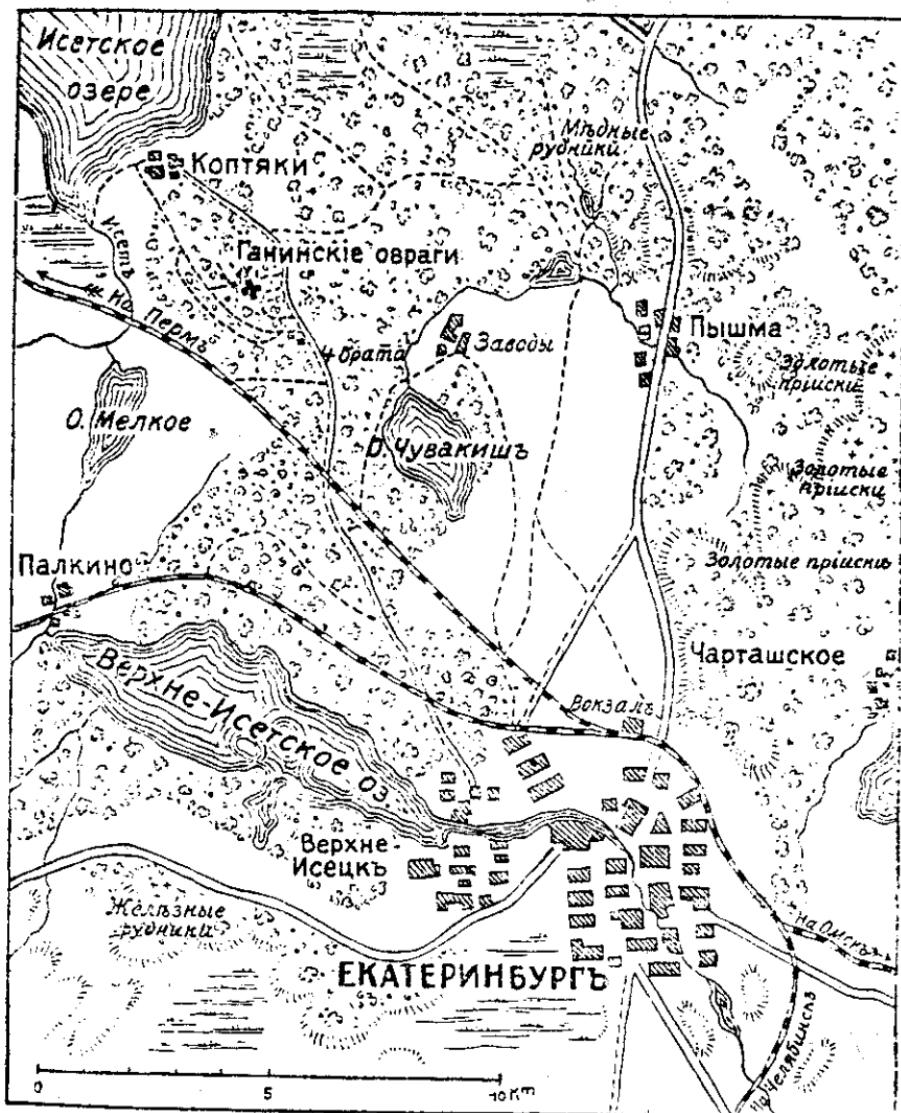
нако Алексѣй Николаевичъ слабо застоналъ. Юровскій прикончилъ его выстрѣломъ изъ револьвера. Анастасія Николаевна была только ранена и при приближеніи убийцъ стала кричать; она падаетъ подъ ударами штыковъ. Анна Демидова тоже уцѣлѣла, благодаря подушкамъ, за которыми пряталась. Она бросается изъ стороны въ сторону и, наконецъ, въ свою очередь падаетъ подъ ударами убийцъ.

Показанія свидѣтелей позволили слѣдствію возстановить во всѣхъ подробностяхъ ужасающую сцену избіенія. Этими свидѣтелями являются одинъ изъ убийцъ — Павелъ Медвѣдевъ *), Анатолій Якимовъ, присутствовавшій несомнѣнно при убийствѣ, хотя онъ это отрицалъ, и Филиппъ Прокуряковъ, разсказавшій о преступленіи со словъ другихъ зрителей. Они всѣ трое входили въ составъ стражи дома Ипатьева.

Когда все было кончено, комиссары сняли съ жертвъ ихъ драгоцѣнности, и тѣла были перенесены на простыняхъ при помоши оглобель отъ саней до грузового автомобиля, ожидавшаго у воротъ двора между двумя дощатыми оградами.

Приходилось торопиться до восхода солнца. Автомобиль съ тѣлами проѣхалъ черезъ еще спавшій городъ и направился къ лѣсу. Комиссарь Вагановъ ѿхалъ впереди верхомъ, такъ какъ надо было избѣгать встрѣчъ. Когда уже стали приближаться къ лѣсной полянѣ, на

*) Медвѣдевъ былъ взятъ въ плѣнъ при занятіи Перми антибольшевистскими войсками въ февралѣ 1919 г. Онъ умеръ мѣсяцъ спустя въ Екатеринбургѣ отъ сыпного тифа; онъ утверждалъ, будто присутствовалъ только при части драмы и самъ не стрѣлялъ (другие свидѣтели удостовѣряютъ обратное). Это классический пріемъ, къ которому прибегаютъ для своей защиты всѣ убийцы.

Карта окрестностей Екатеринбурга.

которую направлялись, онъ увидѣлъ ъхавшую ему на-
встрѣчу крестьянскую телѣгу. Это была баба изъ села
Коптяки, выѣхавшая ночью со своимъ сыномъ и невѣст-
кой для продажи въ городѣ своей рыбы. Онъ немедленно
приказалъ имъ повернуть обратно и вернуться домой.
Для большей вѣрности, сопровождая ихъ верхомъ,
онъ ъхалъ рядомъ съ телѣгой и запретилъ имъ, подъ страхомъ
смерти, оборачиваться и смотрѣть назадъ. Все же кре-
стьянка успѣла мелькомъ увидѣть большую темную массу,
двигавшуюся позади всадника. Вернувшись въ деревню,
она рассказала о томъ, что видѣла. Подъ вліяніемъ
любопытства, крестьяне отправились на развѣдку и натолк-
нулись на цѣпь часовыхъ, разставленныхъ въ лѣсу.

Между тѣмъ послѣ большихъ затрудненій, такъ
какъ дорога была очень плоха, грузовикъ доѣхалъ до
лѣсной поляны. Трупы были сложены на землю и частью
раздѣты. Тутъ комиссары обнаружили большое коли-
чество драгоцѣнностей, которыхъ Великія Княжны носили
спрятанными подъ своей одеждой. Они тотчасъ ими за-
владѣли, но въ спѣшкѣ уронили нѣсколько вещей на
землю, гдѣ ихъ затоптали. Трупы были затѣмъ разрѣ-
заны на части и положены на большие костры. Для уси-
ленія огня въ нихъ подлили бензина. Части, наименѣе
поддающіяся огню, были уничтожены при помоши сѣрной
кислоты. Втеченіе трехъ дней и трехъ ночей убійцы дѣлали
свою разрушительную работу подъ руководствомъ Юров-
скаго и двухъ его друзей — Ермакова и Ваганова. Изъ
города на поляну было привезено 175 килограммовъ
сѣрной кислоты и болѣе 300 литровъ бензина.

Наконецъ 20 іюля все было кончено. Убійцы уничто-
жили слѣды костровъ, и пепель былъ сброшенъ въ
отверстіе шахты или разбросанъ вблизи опушки, дабы
ничто не обнаружило того, что произошло.

Зачѣмъ эти люди такъ старались замести всякой слѣдѣ содѣяннаго ими? Зачѣмъ они прячутся, какъ преступники, разъ они утверждаютъ, что творятъ дѣло правосудія, и отъ кого они прячутся?

Намъ это объясняетъ въ своемъ показаніи Павелъ Медвѣдевъ. Послѣ преступленія Юровскій подошелъ къ нему и сказалъ: „Оставь на мѣстѣ наружные посты, а то какъ бы народъ не взбунтовался“. И въ слѣдующе дни часовые продолжали охранять пустой домъ, какъ будто ничего не произошло, какъ будто за оградой все еще находились узники.

Тотъ, кого надо было обмануть, кто не долженъ былъ знать — былъ русскій народъ.

Это доказывается другимъ обстоятельствомъ — уводомъ изъ предосторожности 4 юля Авдѣева и удаленіемъ русской стражи. Комиссары уже не довѣряли тѣмъ рабочимъ заводовъ Сиссера и фабрики братьевъ Злоказовыхъ, которые, однако, были ихъ сторонниками и явились добровольно записаться въ стражу, чтобы „сторожить Николая Кроваваго“. Дѣло въ томъ, что они знали, что одни иностранцы и наемные палачи согласятся выполнить гнусное дѣло, которое имъ предложать сдѣлать. Этими палачами были — еврей Юровскій, русскіе каторжане Медвѣдевъ, Никулинъ, Ермаковъ и Вагановъ и семь нѣмцевъ и австріаковъ.

Да, они прячутся именно отъ русскаго народа, эти люди, выдающіе себя за его представителей! Его они боятся; его мести они опасаются.

Наконецъ, 20 юля, они рѣшились говорить и объявить народу въ расклеенной на улицахъ Екатеринбурга прокламаціи о кончинѣ Царя. Пять дней спустя, пермскія газеты опубликовали слѣдующее извѣщеніе:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

президіума Уральского областного совѣта рабочихъ,
крестьянскихъ и красноармейскихъ депутатовъ:

Ввиду того что чехо- словацкія банды угрожаютъ столицѣ краснаго Урала, Екатеринбургу; ввиду того, что коронованный палачъ можетъ избѣжать суда народа (только что обнаруженъ заговоръ бѣлогвардейцевъ, имѣвшій цѣлью похищеніе всей семьи Романовыхъ), президіумъ областного комитета, во исполненіе воли народа, постановилъ: разстрѣлять бывшаго Царя Николая Романова, виновнаго передъ народомъ въ безчисленныхъ кровавыхъ преступленіяхъ.

Постановленіе президіума областного совѣта приведено въ исполненіе въ ночь съ 16 на 17 юля.

Семья Романовыхъ перевезена изъ Екатеринбурга въ другое, болѣе вѣрное мѣсто.

Президіумъ областного совѣта рабочихъ, крестьянскихъ и красноармейскихъ депутатовъ Урала.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

президіума всероссийскаго центральнаго исполнительного комитета отъ 18 юля 1918 г.

Центральный комитетъ рабочихъ, крестьянскихъ, красноармейскихъ и казачьихъ депутатовъ въ лицѣ своего предсѣдателя одобряетъ постановленіе президіума Уральскаго комитета.

Предсѣдатель
центральнаго исполнительного комитета
Я. СВЕРДЛОВЪ.

Въ этомъ документѣ объявляется о смертномъ приговорѣ, вынесенномъ якобы Екатеринбургскимъ „президіумомъ“ противъ Царя Николая II. — Ложь! Преступленіе, мы это знаемъ, было рѣшено въ Москвѣ Свердловымъ и его указанія были привезены Юровскимъ, Голощекинымъ и Сыромолотовымъ.

Свердловъ былъ головою, Юровскій — рукою. Оба они были евреи.

Государь не былъ ни осужденъ, ни даже судимъ — да и кто бы могъ его судить? Онъ былъ злодѣйски убитъ. Что же тогда сказать о Государынѣ, дѣтяхъ, докторѣ Боткинѣ и трехъ слугахъ, погибшихъ вмѣстѣ съ ними? Но что до того убийцамъ: они увѣрены въ своей безнаказанности: пули умертвили, пламя истребило, земля прикрыла то, чего огонь не могъ уничтожить. Да, они совершенно спокойны — никто изъ нихъ не станетъ говорить, ибо они связаны между собой своимъ гнуснымъ дѣломъ. И, казалось, комиссаръ Войковъ не безъ основанія, могъ воскликнуть: „Свѣтъ никогда не узнаетъ, что мы съ ними сдѣлали!“

Эти люди ошибались.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ колебаній, слѣдственная власти предприняли систематическія изысканія въ лѣсу. Каждая пядь земли была изрыта, ископана, испытана, и вскорѣ шахта, почва лѣсной поляны и трава по всей окрестности выдали свою тайну. Сотни предметовъ и обломковъ вещей, по большей части затоптанныхъ и втоптанныхъ въ землю, были открыты; ихъ принадлежность была установлена, они были классифицированы слѣдственною властью. Были найдены такимъ образомъ среди прочаго:

Пряжка отъ пояса Государя, кусокъ его фуражки, маленькая рамочка отъ портрета Государыни, который онъ всегда носилъ на себѣ — самая фотографія исчезла, и т. д.

Любимыя серьги Государыни (одна разломана), куски ея платья, стекло отъ ея очковъ, которое можно узнать по его особой формѣ и т. д.

Пряжка отъ пояса Цесаревича, пуговицы и клочки его шинели и т. д.

Множество мелкихъ вещей, принадлежавшихъ Великимъ Княжнамъ: обломки ихъ ожерелій, куски ихъ обуви; пуговицы, крючки и застежки.

Шесть металлическихъ корсетныхъ планшетокъ, шесть, — число говорящее само по себѣ, если вспомнить число жертвъ: Государыня, четыре Великихъ Княжны и горничная Государыни Демидова.

Искусственная челюсть доктора Боткина, обломки его ріпсе-пез, пуговицы отъ его одежды и т. д.

Наконецъ кости и куски обгорѣвшихъ костей, частью разрушенные кислотой и частью носящіе на себѣ слѣды рѣжущаго орудія или пилы; револьверныя пули (тѣ, вѣроятно, которыхъ остались въ трупахъ) и довольно значительное количество расплавившагося свинца.

Горестное перечисленіе реликвій, которыхъ не оставляютъ надежды и свидѣтельствуютъ о правдѣ во всей ея жестокости и ужасѣ! Комиссаръ ошибался — міръ знаетъ теперь про то, что они сдѣлали съ ними.

Однако убійцы беспокоились. Агенты, которыхъ они оставили въ Екатеринбургѣ, чтобы замести слѣды, ставили ихъ въ извѣстность о ходѣ слѣдствія. Они шагъ за шагомъ наблюдали за его успѣхами. И когда, наконецъ, они поняли, что правда обнаружится и что весь

міръ вскорѣ узнаетъ, что произошло, они испугались и попытались перевалить на другихъ отвѣтственность за свое злодѣяніе. Они стали тогда обвинять соціалистовъ-революціонеровъ въ томъ, что они виновники преступленія и что они хотѣли такимъ путемъ скомпрометировать партію большевиковъ. Въ сентябрѣ 1919 года двадцать восемь человѣкъ были арестованы ими въ Перми и судимы по ложному обвиненію въ участіи въ убийствѣ Царской семьи. Пять изъ нихъ были присуждены къ смерти и казнены.

Эта постыдная комедія свидѣтельствуетъ еще разъ о цинизмѣ этихъ людей, не усомнившихся предать смерти невинныхъ, чтобы не нести отвѣтственности за одно изъ величайшихъ въ исторіи преступленій.

Мнѣ остается сказать обѣ Алапаевской трагедіи, тѣсно связанной съ Екатеринбургской и повлекшой за союзомъ смерть нѣсколькихъ другихъ членовъ Императорской фамиліи.

Сестра Государыни, Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, Великій Князь Сергій Михайловичъ, двоюродный братъ Государя, князья Іоаннъ, Константинъ и Игорь, сыновья Великаго Князя Константина Константиновича, и князь Палій, сынъ Великаго Князя Павла Александровича, были арестованы весной и отвезены въ маленький городокъ Алапаевскъ, расположенный въ ста пятидесяти верстахъ къ сѣверу отъ Екатеринбурга. Монахиня Варвара Яковleva, обычная подруга Великой Княгини, и С. Ремсъ, секретарь Великаго Князя Сергія Михайловича, раздѣляли ихъ заточеніе. Ихъ содержали подъ стражей въ зданіи школы.

Въ ночь съ 17 на 18 юля, сутки спустя послѣ Екатеринбургскаго злодѣянія, за ними явились и подъ

предлогомъ перевозки ихъ въ другой городъ отвезли за двѣнадцать, приблизительно, верстъ отъ Алапаевска. Тамъ они были убиты въ лѣсу. Ихъ тѣла были брошены въ отверстіе старой шахты, гдѣ ихъ нашли въ октябрѣ 1918 года, покрытыми землей, которая осипалась отъ разрывовъ ручныхъ гранатъ, положившихъ конецъ мученіямъ жертвъ:

Вскрытие обнаружило слѣды огнестрѣльныхъ ранъ на тѣлѣ Великаго Князя Сергея Михайловича, но слѣдствіе не могло съ точностью установить какимъ образомъ были умерщвлены прочія жертвы. Вѣроятно, что они они были убиты ударами прикладовъ.

Это неслыханное по своему звѣрству злодѣяніе было дѣломъ комиссара Сафарова, члена екатеринбургскаго „президіума“, исполнявшаго впрочемъ лишь приказанія Москвы.

Нѣсколько дней послѣ взятія Екатеринбурга, во время приведенія въ порядокъ города и погребенія убитыхъ, неподалеку отъ тюрьмы подняли два трупа. На одномъ изъ нихъ нашли расписку въ полученіи 80.000 рублей на имя гражданина Долгорукова и, по описаніямъ свидѣтелей очень вѣроятно, что это было тѣло князя Долгорукова. Что касается другого, есть всѣ основанія думать, что оно было дѣломъ генерала Татищева.

И тотъ, и другой умерли, какъ они это и предвидѣли, за своего Государя. Генералъ Татищевъ говорилъ мнѣ однажды въ Тобольскѣ: „Я знаю, что я не выйду изъ этого живымъ. Я молю только объ одномъ — чтобы меня не разлучали съ Государемъ и дали мнѣ умереть вмѣстѣ съ нимъ“. Онъ даже не получилъ этого послѣдняго утѣшения.

Графиня Гендрикова и г-жа Шнейдеръ были увезены изъ Екатеринбурга черезъ нѣсколько дней послѣ убийства Царской семьи и доставлены въ Пермь. Тамъ онѣ были

разстрѣляны въ ночь съ 3 на 4 сентября 1918 года. Ихъ тѣла были найдены и опознаны въ маѣ 1919 года.

Что касается матроса Нагорнаго, состоявшаго при Алексѣѣ Николаевичѣ, и лакея Ивана Сѣднева, то они были умерщвлены въ окрестностяхъ Екатеринбурга въ началѣ юня 1918 года. Ихъ тѣла были найдены два мѣсяца спустя на мѣстѣ ихъ разстрѣла.

Всѣ, отъ генерала до простого матроса, безъ колебаний пожертвовали жизнью и мужественно пошли на смерть, а между тѣмъ этому матросу, простому украинскому крестьянину, стоило только сказать одно слово, чтобы спастись: ему достаточно было отречься отъ своего Государя. Этого слова онъ не сказалъ.

Они поступили такъ потому, что уже давно, въ глубинѣ простыхъ и пламенныхъ сердецъ, обрекли свои жизни въ жертву тѣмъ, которыхъ любили и которые съумѣли создать въ окружающихъ столько привязанности, мужества и самоотверженія.

Заключеніе

Лѣто 1919 года было отмѣчено крупными неудачами, которая должны были, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, привести къ паденію правительства адмирала Колчака. Большевистскія войска снова взяли Пермь и угрожали Екатеринбургу. Пришлось оставить неоконченными работы, предпринятые на коптяковской лѣсной полянѣ. 12 іюля Н. А Соколовъ съ болью въ сердцѣ рѣшился уѣхать въ Омскъ. Онъ провелъ тамъ августъ, а затѣмъ, видя, что положеніе еще ухудшается, продолжалъ путь на Читу въ то время, какъ я оставался въ Омскѣ.

Нѣсколько дней послѣ его отѣзда, во французскую военную миссію явились два русскихъ офицера, говоря, что желаютъ переговорить со мною. Они заявили мнѣ, что генералъ Д... имѣеть мнѣ сдѣлать важное сообщеніе и проситъ прїѣхать къ нему. Мы сѣли въ ожидавшій насъ автомобиль, и нѣсколько минутъ спустя я былъ у него.

Генералъ Д... сообщилъ мнѣ, что желаетъ мнѣ показать молодого человѣка, выдающаго себя за Цесаревича. Я, дѣйствительно, зналъ, что съ нѣкоторыхъ поръ въ Омскѣ распространился слухъ, будто Наслѣдникъ остался въ живыхъ. Говорили, что онъ находится въ одномъ изъ поселковъ въ Алтаѣ. Мнѣ рассказывали, что населеніе его восторженно встрѣтило, школьніки сдѣлали сборы въ его пользу, а начальникъ почтоваго отдѣленія на колѣняхъ поднесъ ему хлѣбъ-соли. Кромѣ того, адмиралъ Колчакъ получилъ телеграмму съ просьбой прйти на

помощь мнимому Цесаревичу. Я отнесся къ этимъ розсказнямъ равнодушно.

Опасаясь смуты, которая могла быть вызвана этими обстоятельствами, адмираль приказалъ доставить „претендента“ въ Омскъ, и генераль Д... меня вызвалъ, полагая, что мое свидѣтельство установить истину и въ корнѣ пресѣчть нарождающуюся легенду.

Пріотворили дверь въ сосѣднюю комнату, и я получилъ возможность разсмотрѣть, незамѣтно для него, молодого человѣка, который былъ больше и полнѣе Цесаревича; на мой взглядъ ему было отъ пятнадцати до шестнадцати лѣтъ. Своимъ матросскимъ костюмомъ, цвѣтомъ волосъ и ихъ прической онъ издалека очень смутилъ напоминаль Алексѣя Николаевича. Этимъ, впрочемъ, ограничивалось сходство.

Я подѣлился своими впечатлѣніями съ генераломъ Д... Молодого человѣка ввели къ намъ. Я предложилъ ему нѣсколько вопросовъ по французски — онъ молчалъ. И когда стали настаивать, чтобы онъ мнѣ отвѣтилъ, онъ заявилъ, что понимаетъ все, что я ему говорю, но что у него есть причины говорить только по русски. Я обратился тогда къ нему на этомъ языкѣ. Это оказалось столь же безплодно. Онъ сослался на то, что рѣшилъ отвѣтить только самому адмиралу Колчаку. Такъ кончилась наша очная ставка *).

Случай поставилъ на моемъ пути первого изъ безчисленныхъ самозванцевъ, которые, безъ сомнѣнія, втеченіе долгихъ лѣтъ будутъ служить причиной смутъ и волненій въ невѣжественной и довѣрчивой средѣ русскихъ крестьянъ.

*) Вскорѣ послѣ моего отѣзда мнимый Цесаревичъ кончилъ тѣмъ, что признался въ своемъ обманѣ.

Въ мартѣ 1920 года я снова встрѣтился съ генераломъ Дитрихсомъ и Н. А. Соколовымъ въ Харбинѣ, куда они, какъ и я, попали послѣ крушения правительства адмирала Колчака. Они сильно волновались, такъ какъ положеніе въ Манжуріи становилось все болѣе и болѣе шаткимъ и можно было съ минуты на минуту ожидать, что Восточно-Китайская желѣзная дорога попадетъ въ руки красныхъ. Вокзалъ и его окрестности кишѣли большевистскими шпіонами. Что дѣлать съ слѣдственными документами? Куда спрятать ихъ въ вѣрное мѣсто? Генераль Дитрихсъ и Н. А. Соколовъ обращались къ английскому верховному комиссару до его отѣзда въ Пекинъ, прося его доставить въ Европу реликвіи Царской семьи и слѣдственное производство. Онъ запросилъ указаній своего правительства. Отвѣтъ заставлялъ себя ждать. Онъ, наконецъ, пришелъ... и былъ отрицательный!

Тогда я лично обратился къ генералу Жанену, чтобы поставить его въ извѣстность о положеніи *).

— „Я готовъ“, сказалъ онъ мнѣ, „прійти вамъ на помощь. Я могу это сдѣлать только подъ своею отвѣтственностью, такъ какъ у меня нѣтъ времени запросить обѣ этомъ свое правительство. Но я не хочу, чтобы могли сказать, что французскій генераль отказался принять реликвіи того, кто былъ вѣрнымъ союзникомъ Франції. Пусть генераль Дитрихсъ письменно меня попросить, выражая увѣренность въ моемъ согласіи; я счелъ бы сомнѣніе за обиду“.

Письмо было послано, и генераль Дитрихсъ пришелъ говориться съ генераломъ Жаненомъ о способѣ передачи драгоцѣнныхъ реликвій тому лицу, которое онъ указывалъ ему въ Европѣ.

*) Французскую военную миссію постепенно эвакуировали на востокъ, и она находилась въ это время въ Харбинѣ.

Два дня спустя, генералъ Дитрихсъ, два его офицера-ординарца, Н. А. Соколовъ и я нагрузили себѣ на плечи заранѣе приготовленные тяжелые чемоданы и направились къ поѣзду генерала Жанена, стоявшему неподалеку отъ вокзала. Мы приближались, въ нѣсколькихъ шагахъ другъ за другомъ, къ платформѣ, когда послѣдніе изъ насъ замѣтили появившихся неожиданно изъ темноты нѣсколькихъ человѣкъ, которые подошли къ намъ съ криками: „Куда вы идете? Что вы несете въ чемоданахъ?“ Ввиду того, что мы, не отвѣчая, ускоряли шагъ, они собирались насъ задержать и приказали намъ открыть чемоданы. Къ счастью разстояніе, которое намъ оставалось пройти, было уже не очень велико; мы пустились бѣгомъ и, минуту спустя, были у вагона генерала, часовые которого двинулись къ намъ навстрѣчу.

Наконецъ все слѣдственное производство было въ вѣрномъ мѣстѣ. И пора было, ибо, какъ мы въ этомъ только что убѣдились, за нами было установлено наблюденіе. Часъ спустя, мы одинъ за другимъ осторожно вышли изъ поѣзда и незамѣтно проскользнули между вагонами сосѣднихъ эшелоновъ.

На слѣдующій день генералъ Дитрихсъ принесъ генералу Жанену шкатулку съ реликвіями Царской семьи.

Это происходило 19 марта 1920 года.

Ничто не удерживало меня больше въ Сибири. У меня было чувство, что я исполнилъ по отношению къ тѣмъ, съ которыми меня связывали такія жгучія воспоминанія, свой послѣдній долгъ, сдѣлавъ все, что могъ, тамъ, где закончилась ихъ трагическая судьба. Больше двухъ лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ меня удалили отъ нихъ въ Екатеринбургъ.

Екатеринбургъ!... Съ какимъ волненiemъ, покиная Россію, я снова переживалъ въ мельчайшихъ подробностяхъ тяжелыя сцены, которыя это названіе вызывало въ моей душѣ. Екатеринбургъ — это было для меня отчаяніе при видѣ безплодности всѣхъ моихъ усилий, это была жестокая и грубая разлука; для нихъ это была послѣдняя ступень ихъ долгаго крестнаго пути, два мѣсяца страданій, которая имъ было суждено перенести до конечнаго избавленія.

Это было время, когда Германія хотѣла, во что бы то ни стало, восторжествовать и думала, что наконецъ добилась побѣды; и въ то время, пока Вильгельмъ брался съ Ленинымъ, его войска еще разъ пытались сдѣлать напискъ на Парижъ.

Среди полнаго крушеннія Россіи было все же два мѣста, гдѣ оказывали сопротивленіе; во мракѣ этой глубокой ночи оставалось два очага, гдѣ теплилось пламя вѣры.

Это была, съ одной стороны, доблестная маленькая доброволческая армія генерала Алексѣева, отчаянно боровшаяся противъ совѣтскихъ полчищъ, въ рядахъ которыхъ находились германскіе офицеры. Это былъ, съ другой стороны, Государь, который также, за дошатою оградой своего узилища, велъ свою послѣднюю борьбу. Поддержаный Государыней, онъ отклонилъ всякое соглашательство. Имъ, кромѣ жизни, нечего было принести въ жертву. Они предпочли отдать ее, нежели идти на соглашательство съ врагомъ, который погубилъ ихъ родину, похитивъ ея честь.

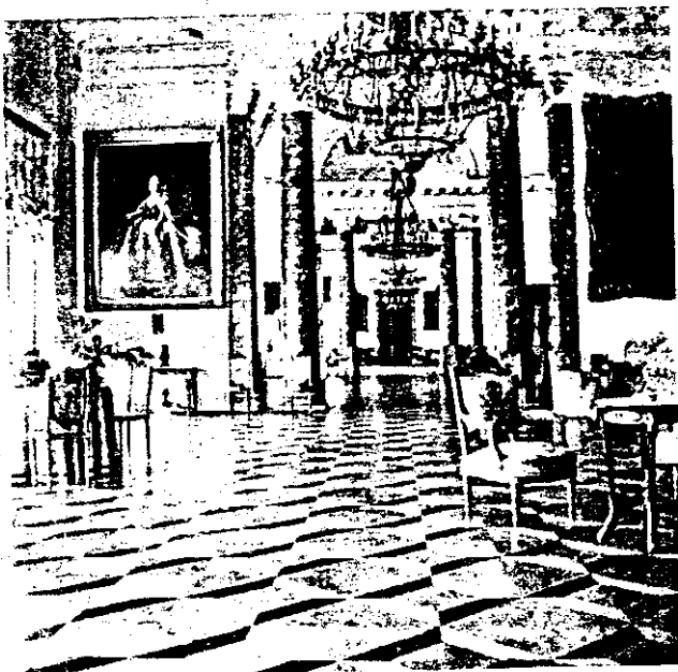
И смерть пришла. Но ей претило разлучать тѣхъ, кого жизнь такъ тѣсно сплотила, и она взяла ихъ всѣхъ семерыхъ, соединенныхъ одною вѣрой и одною любовью.

Я прекрасно созиаю, что события говорили сами за себя. Все, что я могъ бы добавить, — какъ бы ярко волненіе ни оживляло въ моей душѣ этихъ дней, полныхъ ужаса, которые я снова переживалъ порою часъ за часомъ, — все это показалось бы пустословіемъ и неумѣстною сентиментальностью по сравненію съ потрясающимъ значеніемъ фактovъ.

Я однако непремѣнно хочу высказать здѣсь слѣдующее убѣжденіе: невозможно, чтобы тѣ, о которыхъ я говорилъ, напрасно претерпѣли свое мученичество. Я не знаю ни того, когда это будетъ, ни какъ это произойдетъ; но настанетъ безъ сомнѣнія день, когда озвѣреніе потонетъ въ имъ самимъ вызванномъ потокѣ крови, и человѣчество извлечетъ изъ воспоминанія о ихъ страданіяхъ непобѣдимую силу для нравственного исправленія.

Какое бы возмущеніе ни оставалось въ душѣ и какъ бы ни было справедливо отмщеніе, было бы оскорблениемъ ихъ памяти желать искупленія кровью.

Государь и Государыня вѣрили, что умираютъ мучениками за свою родину — они умерли мучениками за человѣчество. Ихъ истинное величіе не проистекало отъ ихъ царственнаго сана, а отъ удивительной нравственной высоты, до которой они постепенно поднялись. Они сдѣлались идеальною силой. И въ самомъ своемъ унижениі они были поразительнымъ проявленіемъ той удивительной ясности души, противъ которой бессильны всякое насилие и всякая ярость и которая торжествуетъ въ самой смерти.

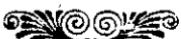
Портретный залъ. На заднемъ планѣ — полукруглый залъ

Оглавление

	СТРАН.
Отъ издательства „Русь“	2
Предисловіе С. Д. Сазонова	4
Предисловіе автора	12
Глава I. — Мои первые уроки при Дворѣ (осень 1905 г.)	15
Глава II. — Алексѣй Николаевич. — Поѣздки въ Крымъ (осенью 1911 и весной 1912 г.) и въ Спалу (осенью 1912 г.)	21
Глава III. — Мои первые шаги въ качествѣ наставника: — Болѣзнь Цесаревича (осень 1913 г.)	36
Глава IV. — Императрица Александра Феодоровна	44
Глава V. — Распутинъ	54
Глава VI. — Жизнь въ Царскомъ Селѣ. — Мои ученики (зима 1913 и 1914 г.)	62
Глава VII. — Вліяніе Распутина. — Госпожа Вырубова. — Мои воспитательскія недоумѣнія (зима 1913 и 1914 г., продолженіе)	75
Глава VIII. — Путешествія въ Крымъ и въ Румынію. — Постановленіе президента Пуанкарэ. — Объявление войны Германіей (апрель — юль 1914 г.)	84
Глава IX. — Царская семья въ первые дни войны. — Путешествіе въ Москву (августъ 1914 г.)	99
Глава X. — Первые шесть мѣсяцевъ войны	112
Глава XI. — Отступленіе русской арміи. — Государь принимаетъ Верховное командованіе. — Увеличивающееся вліяніе Государыни (февраль — сентябрь 1915 г.)	123
Глава XII. — Николай II — Верховный Главнокомандующій. — Пріѣздъ Цесаревича въ Ставку. — Поѣздки на фронтъ (сентябрь — декабрь 1915 г.)	134
Глава XIII. — Царь и Дума. — Галицкая кампанія. — Наша жизнь въ Ставкѣ — Усиливающееся недовольство въ тылу (1916 г.)	149
Глава XIV. — Политическое напряженіе. — Смерть Распутина (декабрь 1916 г.)	170

СТРАН.

Глава XV. — Революція. — Отреченіе Николая II (мартъ 1917 г.)	177
Глава XVI. — Императоръ Николай II	192
Глава XVII. — Какъ смотрѣли на революцію въ Александров- скомъ дворцѣ. — Воавращеніе Государя въ Царское Село	197
Глава XVIII. — Пять мѣсяцевъ заключенія въ Царскомъ Селѣ (мартъ—августъ 1917 г.)	208
Глава XIX. — Наше заключеніе въ Тобольскѣ (августъ—де- кабрь 1917 г.)	223
Глава XX. — Конецъ нашего тобольского заключенія (январь— май 1918 г.)	232
Глава XXI. — Екатеринбургъ. — Кончина Царской семьи въ ночь съ 16 на 17 июля 1918 г.	248
Глава XXII. — Обстоятельства преступленія, установленныя слѣдствіемъ	259
Заключеніе	279

Ж72 Жильяр П. Император Николай II и его семья·
(Петергоф, сент. 1905 — Екатеринбург, май 1918 г.)
/ Предисл. С. Д. Сазонова. — Воспроизведение изд.:
Вена: книгоизд-во «Русь», 1921; М.: малое предпри-
ятие НПО «МАДА», 1991. — 288 с. — ISBN 5—
282—01538—2

Книга написана бывшим наставником Наследника Цесаревича Алексея
Николаевича. Автор приоткрывает завесу над чрезвычайно замкнутым
строем жизни царской семьи, ревниво оберегавшей свое семейное святы-
лище от всяких посягательств извне.

Ж 0503000000—179
011(01)—91 КБ—52—4—90

ББК 63.3(2)52

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Жильяр П.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И ЕГО СЕМЬЯ

Редактор В. М. Ковалев
Худож. редактор А. М. Павлов

ИБ № 4331

Репринтное издание

Подписано в печать 06.03.91. Формат 60×90^{1/16}. Бумага газетная. Литературная
гарнитура. Офсет. Усл. печ. л. 18,00/18,00 усл. кр.-отт. Уч.-изд. л. 11,53.
Тираж 400 000 экз. Заказ 2151. Цена 12 руб.

Малое предприятие НПО «МАДА» при участии кооператива «Титул»

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфический комбинат
Государственного комитета СССР по печати, 170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5.

